

Географические названия в Москве

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЫСЛЬ»

ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ 126

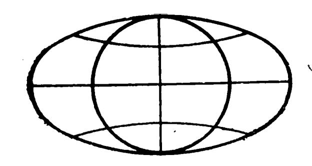
ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ 126

НАУЧНЫЕ СБОРНИКИ МОСКОВСКОГО ФИЛИАЛА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР, ОСНОВАННЫЕ В 1946 г. ПО ИНИЦИАТИВЕ И ПОД РУКОВОДСТВОМ Н. Н. БАРАНСКОГО

ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ

Ответственный редактор сборника
Е. М. ПОСПЕЛОВ

ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ

Сборник сто двадцать шестой

Географические названия в Москве

Москва «Мысль» 1985

РЕДАКЦИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ

Сборник 126

Географические названия в Москве

Заведующий редакцией *Ю. Л. Мазуров*
Редактор *Н. А. Рожкова*
Редактор карт *Д. Г. Фаттахова*
Младший редактор *Е. В. Попова*
Оформление серии *Т. К. Самигулина*
Художественный редактор *С. М. Полесицкая*
Технический редактор *Т. В. Таржанова*
Корректор *Т. М. Шпиленко*

ИБ № 2764

Сдано в набор 08.02.85. Подписано в печать 04.06.85. А-03384. Формат бумаги 60×90¹/₁₆.
Бумага типогр. № 2. Литературн. гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 14.
Усл. кр.-отт. 14,5. Уч.-изд. л. 15,23. Тираж 18 520 экз. Заказ № 1360. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7.

Г $\frac{1901000000\text{-}149}{004(01)\text{-}85}$ подписное

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИЗУЧЕНИЕ МОСКОВСКОЙ ТОПОНИМИИ

«Земля есть книга, где история человеческая записывается в географической номенклатуре» — эти слова одного из первых русских историко-географов, Н. И. Надеждина, высказанные им около полутора веков назад, невольно приходят на память при обращении к топонимии Москвы. Один из крупнейших городов мира, Москва имеет исключительно развитую, многообразную систему внутригородских названий, в которых отразилась ее величественная многовековая история. Идеологическое значение изучения таких названий переоценить невозможно. Характерно, что в наши дни интерес к прошлому столицы нашей Родины, отраженному во внутригородских названиях, проявляют не только специалисты, но и самые широкие круги населения. Удовлетворение этого интереса, глубоко патриотичного по своему существу, — одна из задач предлагаемого сборника.

Но не менее важно и научное значение сборника. Конечно, внутригородские названия — это свидетели старины, неоценимые памятники истории. Но памятники эти весьма своеобразны. Для того чтобы извлечь заложенную в них информацию, необходимы расшифровка их смыслового значения, выяснение обстоятельств возникновения, учет всех последующих изменений. Задачи эти далеко не простые.

Развитие топонимики в Советском Союзе, особенно интенсивное за последнюю четверть века, совершенно закономерно включило в круг региональных топонимических исследований не только административные или физико-географические регионы различных рангов, но и отдельные города. Однако при изучении внутригородской топонимии внимание исследователей обычно сосредоточивается на установлении происхождения и смыслового значения наименований улиц, переулков, проспектов, площадей и т. п. Москва не является в этом отношении исключением: почти во всех изданных к настоящему времени работах, посвященных московской топонимии, рассматривались только улицы, что хорошо видно уже из их заглавий: «Названия московских улиц

и переулков с историческими объяснениями» (Мартынов, 1878), «Откуда произошли названия улиц Москвы» (Сытин, 1959), «Имена московских улиц» (1979). Несколько шире по содержанию книга Г. П. Смолицкой и М. В. Горбаневского «Топонимия Москвы» (1982), но и в ней улицы составляют примерно $^3/_4$ от всего количества рассматриваемых топонимов. В указанных работах, особенно в наиболее поздних из них, содержится значительное количество правильных и обоснованных объяснений названий московских улиц, преимущественно тех, которые возникли в сравнительно недавнее время. Но относительно происхождения некоторых древнейших названий, таких, например, как Арбат, до сих пор нет полного единства мнений.

Вместе с тем понятно, что внутригородская топонимия далеко не исчерпывается названиями улиц. Ее важнейшие компоненты прежде всего названия физико-географические, унаследованные городом от территории, на которой он возник и развивается. Это имена рек, ручьев и озер, гор, холмов и оврагов, лесов и рощ, лугов и полей, болот и т. д. Другим важнейшим компонентом внутригородской топонимии являются названия, возникшие уже в самом городе. Сюда относятся наименования объектов сферы обслуживания населения: промтоварных и продовольственных магазинов, кинотеатров, спортивных объектов, музеев, библиотек, кафе и ресторанов, остановочных пунктов городского транспорта. Обе указанные категории названий до сих пор не рассматривались топонимистами.

Считая необходимым устранить этот пробел, Топонимическая комиссия Московского филиала Географического общества Союза ССР в марте 1981 г. провела специальное совещание «Топонимия Москвы», посвященное всестороннему рассмотрению всех видов географических названий в пределах города [1]. Доклады, заслушанные на этом совещании и послужившие основой для настоящего сборника, позволили осветить прежде всего общие вопросы московской топонимии, такие, как история ее формирования, принципы наименования московских улиц, а также рассмотреть отдельные категории названий, например названия-посвящения в честь В. И. Ленина, названия рек и других физико-географических объектов, «рекреационно-деловые» названия и названия остановочных пунктов троллейбусов, автобусов, трамваев, метро и т. д. Были также показаны некоторые историко-географические задачи, решаемые с помощью топонимических методов: реконструкция территориального роста города, его экономических связей, сельского расселения в окрестностях города, былых естественных и антропогенных ландшафтов, локализация ремесленных слобод и их специализация.

Участие в работе совещания картографов позволило выявить новые источники для изучения топонимии Москвы — ранее не-

[1] В границах Московской кольцевой автомобильной дороги.

известные русские чертежи XVII в. с весьма интересным топонимическим содержанием, а также планы более позднего времени, хорошо показывающие динамику внутригородской топонимии. Участие же лингвистов раскрыло некоторые типологические особенности именования внутригородских объектов Москвы на сравнительно широком топонимическом фоне.

Наконец, нельзя не отметить и возможную практическую полезность сборника: в ряде статей содержатся аргументированные критические замечания, касающиеся выбора и территориальной локализации некоторых названий улиц, «рекреационно-деловых» объектов и особенно названий остановочных пунктов городского транспорта, а также написания различных категорий названий в некоторых случаях городской практики. Все это может быть использовано в работе по дальнейшему совершенствованию внутригородской топонимической системы.

Г. П. Смолицкая

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТОПОНИМИИ МОСКВЫ

Топонимия большого города, в частности такого, как Москва, разноязыка по происхождению, разнопланова по хронологии, богата по принципам номинации и разнообразна по способам образования. Отсюда вытекает ее большое историко-географическое, языковое и социальное значение. Топонимия Москвы складывалась в течение более чем 850 лет и в настоящее время насчитывает около 4 тыс. официальных названий улиц, проспектов, переулков, бульваров, рек, прудов, мостов, набережных и других внутригородских объектов.

Эти названия являются своеобразными памятниками разных исторических периодов в формировании и развитии Москвы, Русского и Советского государства, разных периодов развития русского языка.

Приступая к анализу формирования топонимии Москвы, необходимо учитывать то обстоятельство, что достоверные свидетельства о ней (письменные) имеются только с конца первой трети XIV в. — в духовных грамотах князя Ивана, названного впоследствии Калитой.

Особенностью топонимии Москвы является и то, что в ее состав вошли названия, оставленные древним, довятичским населением, пришедшим сюда в конце 1-го тысячелетия н. э. Эти названия были усвоены поселившимся здесь позднее восточнославянским племенем вятичей в устной передаче. Об этом в свое время писал М. Н. Тихомиров: «...в районе Москвы жило древнее население, передавшее восточнославянским племенам свои или еще более древние названия значительных рек, тогда как мелкие реки и озера получили свои имена заново. Перед нами очень важное явление, указывающее на непрерывность устной традиции в передаче названий рек бассейна Москвы-реки. Древние названия наших рек могли сохраниться только при условии существования постоянных поселений на их берегах, при передаче этих названий из уст в уста, иначе эти реки остались бы безымянными или получили бы свои имена от новых пришельцев» (1947).

Это, в частности, подтверждается и археологическими свидетельствами. Раскопки Дьякова городища (у бывшего с. Коломенского) показали, что здесь было поселение уже в середине

1-го тысячелетия до н. э. Племена дьяковской культуры известны по всему бассейну Москвы-реки и могут быть соотнесены с древними названиями финно-угорского гидронимического пласта.

В топонимии Москвы и Подмосковья имеется довольно заметный балтийский пласт, поддерживаемый материальными свидетельствами — археологическими раскопками. Это доказывают, например, раскопки Троицкого городища в верхнем течении Москвы-реки: «На Троицком городище, с одной стороны, еще удерживались в нижнем слое местные старые финно-угорские черты, с другой — нашли отражение в верхнем слое черты мощинской культуры» (Дубынин, 1970).

Топонимическим подтверждением этой ситуации может служить гидроним Москва, допускающий с разной степенью вероятности объяснение на почве финно-угорских, славянских и балтийских языков. Вот краткое изложение этих гипотез.

В настоящее время не могут быть признаны удовлетворительными попытки объяснить название Москва на почве финно-угорских языков. Основа *моск-* не может быть убедительно выведена ни из одного финно-угорского языка, в том числе из коми, где *моск* — «телка, корова». Гипотеза не учитывает факта отсутствия гидронимии на *-ва* между гидронимом Москва и основным северо-восточным ареалом гидронимии на *-ва*. На такие же трудности наталкивается попытка объяснить его через мерянское *маска* — «медведь». Достойна внимания версия о финно-угорском характере гидронима Москва, которая связывает *моск* с прибалтийско-финским musta — «черный», «темный», а *ва-* — с коми *ва* в значении «вода», «река». Несостоятельность ее заключается в том, что разные части названия Москва объясняются из разных языков и этот факт (принадлежность разных частей к разным языкам) никак не растолковывается. Кроме того, ни одна из приведенных выше гипотез не объясняет фонетических условий перехода «маска» и musta в *Моск-*.

Более предпочтительны некоторые версии о славянском происхождении гидронима Москва. Они принадлежат таким известным ученым, как С. П. Обнорский, Г. А. Ильинский, П. Я. Черных. В основе их предположений лежит тщательный фонетико-морфологический анализ. Г. А. Ильинский считал, что в корне *моск-* элемент *-ск-* мог чередоваться с *-зг-*, а корень имел значение «быть вязким, топким» или «болото», «сырость», «влага», «жидкость». П. Я. Черных, разделяя это мнение, считал апеллятив *москы* ранним древнерусским диалектизмом, принадлежавшим языку вятичей, а в языке кривичей имевшим соответствие *вълга*. Он нашел в некоторых славянских и балтийских языках апеллятивы, родственные корню *моск-*. Слабость этой версии состоит в том, что она не учитывает дославянской истории бассейна Москвы, который был заселен, по мнению археологов, уже в 3—2-м тысячелетиях до н. э., и река, конечно, имела название, переданное пришедшим славянам, которые мирно со-

седствовали с коренным населением, о чем свидетельствуют факты материальной культуры.

Самая убедительная в настоящее время версия, предложенная В. Н. Топоровым, по которой апеллятив, лежащий в основе гидронима Москва, принадлежал лексическому пласту, сформировавшемуся в период балто-славянских языковых контактов, имевших место до 1-го тысячелетия н. э. Эту версию он выдвинул и тщательно обосновал с лингвистической точки зрения в статье ««Baltica» Подмосковья» и уточнил на культурно-историческом материале в статье «Древняя Москва в балтийской перспективе» (Топоров, 1972, 1981).

В статье ««Baltica» Подмосковья» В. Н. Топоров исходит из того, что элемент *-ва* в названии Москва нельзя рассматривать только как часть апеллятива, т. е. нарицательного слова, принадлежавшего к основам на *и, а.* Его надо рассматривать как формант гидронима. С этой точки зрения элемент *-ва* нельзя связывать только с финно-угорским словом, сопоставимым с коми *ва-* — «вода», «река». В. Н. Топоров обратил внимание на то, что гидронимия с формантом *-ва* известна не только далеко на востоке от Москвы, но и в непосредственной близости от нее на западе — в Верхнем Поднепровье и Прибалтике. Действительно, название Москва входит в ареал этой «западной» гидронимии. В бассейне Оки, до впадения в нее Москвы-реки, известен ряд гидронимов на *-ва, -ава:* Нигва, Коштва (Кожества), Измоства, Протва (Поротва), Хотва, Большая Смедва (Смедведь), Малая Смедва, Шкава (Шкова), Большая Локнава (Локнава) и др. Это дает основания сближать название Москва не с северо-восточным, финно-угорским ареалом, а с западным, балтийским.

В славянском корне *моск-* В. Н. Топоров не только устанавливает общность с балтийским корнем mask, но и обнаруживает более глубокие формальные и семантические связи. Оказывается, конечный согласный этого корня весьма вариативен и в славянских и в балтийских языках: в русском — *моск, мозг* (*мож*), *мощ* (*мост*); в балтийских — mask, mazg, mast, mak.

Кроме того, оба этих комплекса вариантов имеют сходную семантику в русском и балтийских языках. Их значения связаны с понятиями «жидкий», «мягкий», «слякотный», «гнилой», а также с «бежать», «убегать», «идти» и «бить», «ударять», «постукивать». Это подтверждается большим количеством примеров из русского и балтийских языков (литовского и латышского). Так, в Словаре Даля В. Н. Топоров (1981) находит следующие примеры: москотать — «стучать», «долго все постукивать», мозгонуть — «сильно ударить». Это позволило ему сделать заключение: «Таким образом, речь идет об определенной балто-славянской параллели, суть которой заключается в том, что формально близкие комплексы *mask, *mazg, *mast, *mak и т. д.

 обладают кругом так или иначе связанных друг с другом при-

близительно одинаковых (для балтийского и для славянского) значений».

Поскольку в данной гипотезе достаточно убедительно объяснены оба компонента названия Москва, чего не наблюдалось ни в одной из предыдущих, есть основание предположить, что слово, от которого образовался гидроним Москва, принадлежало к лексическому пласту, сформировавшемуся в период балто-славянского языкового единства, до 1-го тысячелетия н. э.

В новой и очень интересной статье «Древняя Москва в балтийской перспективе» В. Н. Топоров по существу предлагает эту же этимологию, связывая название Москва с более широким, чем в первой статье, кругом значений — жидкого, мокрого, топкого, слякотного и вязкого, расширяя его до значения извилистой и вязкой зловонной топи. Кроме того, он находит большое количество балтийских топонимов и гидронимов на территории современной Москвы: Яуза, Неглинная, Чермянка, Пресня, Сетунь, Химка, Чура, Чечера, Бубна, Чертаново, Кудрино и др. В этой статье количество балтийских топонимов несколько сократилось. Вероятно, число их может быть еще уменьшено, так как некоторые топонимы объяснимы на собственно русской почве, например Неглинная, Пресня, Чечера и другие, поскольку они обнаруживают апеллятивные связи в русском языке и имеют фонетические аналогии в русских народных говорах. При этом существуют и не менее убедительные попытки объяснить некоторые названия на финно-угорской почве, например Яуза и др. Независимо от того, как будет уточнена их этимология, непреложным фактом остается то, что пласт гидронимии, приведенный В. Н. Топоровым, наиболее древний на территории Москвы и содержит в себе значительное количество иноязычных (нерусских) названий.

Иноязычные топонимы в Москве имеют и другое по времени происхождение. Они стали появляться преимущественно в средние века, когда в Москву приезжало большое количество иноземцев. Они оставались здесь на постоянное жительство, селились слободами, в названиях которых отражалась их языковая принадлежность. Многоязычные топонимы Москвы, образованные в настоящее время, — это преимущественно названия по фамилиям государственных деятелей и деятелей культуры нашей многонациональной страны, героев революции, гражданской и Великой Отечественной войн, названия по столицам и другим городам национальных республик, по фамилиям деятелей мирового революционного и рабочего движения.

Московская топонимия формировалась в тесной связи с ростом и развитием города, с его пространственной организацией, развитием социально-экономической, политической и культурной жизни.

Москва как город с ранних времен имела радиально-кольцевую пространственную организацию, в пределах которой складывалась городская топонимия. Отправной точкой развития города был Кремль[1]. Топоним Кремль может быть объяснен как «внутренняя крепость». Это подтверждается тем фактом, что само название Кремль появилось только после возведения вокруг него двух «внешних» крепостных стен — Китай-города и Белого города, т. е. когда он действительно стал внутренней крепостью — крепостью внутри города. Такое объяснение в свое время было предложено М. Фасмером (1967). Заслуживает внимания толкование этого топонима как «деревянный, построенный из лучшего хвойного леса». Это предположение принадлежит И. Е. Забелину, поддержано и развито М. Н. Тихомировым и опирается на факты русских народных говоров, приведенные в Словаре В. И. Даля.

Первое кольцо в развитии города сформировалось, по мнению историков, в XII в. между Кремлем и Москвой-рекой. Это был посад — Подол. В основу названия легло слово «подол» — низкое место под горой, холмом, в данном случае под холмом, на котором стоял Кремль. Вторым кольцом был Великий, или Большой, посад (впоследствии называвшийся Китай-город). Он располагался на юго-востоке от Кремля, в стороне современного ГУМа и гостиницы «Россия». Названия Большой, Великий отражают размеры посада, а его более позднее имя Китай-город имеет разное толкование.

Название Китай-город появилось в 1535 г., когда в целях обороны Великий посад начали обносить хорошо укрепленной стеной. Существует несколько гипотез о происхождении этого топонима. Известный историк Москвы И. Е. Забелин считал, что оно связано со словами *кита, кит,* сохранившимися в диалектах, и значит «плетенничный», т. е. построенный по принципу плетня (переплетения толстых вертикальных кольев или бревен молодыми гибкими побегами). В доказательство этого он приводил запись, сделанную в летописи: «Устроиша хитрецы велми мудро, наченъ отъ каменыя болшия стѣны, исплѣтаху тонкий лѣсъ, около болшого древия и внутрь насыпаху землю и велми крѣпко».

Некоторые исследователи считают, что Китай значит «средний», т. е. «средний, срединный город между Кремлем и Белым городом»; иначе говоря, Китай-город — это средняя по местоположению крепость. Само слово *китай* в этом значении попало к русским из монгольских языков. Этой версии придерживался исследователь топонимии Москвы историк Н. В. Сытин; она под-

---

[1] До 1367 г. он назывался просто «город» и был окружен деревянной стеной; после 1367 г. деревянная стена вокруг Кремля была заменена каменной и он стал называться «каменным городом». После возведения стены Китай-города (1535 г.) Кремль носит название «старый каменный город», и только после появления Белого города (после 1589 г.) он получил название Кремль.

крепляется гипотезой, согласно которой название Кремль означает «внутренняя крепость». По другой гипотезе, слово *китай* тюркское и переводится на русский язык как «крепость», «укрепление», «укрепленное место». Оно часто становилось ойконимом — названием населенного пункта, выросшего на месте крепости (как и русское «городок», «городец»). Ойконимы от слова *китай* были известны на юге современной Украины еще в XIX в., там, где древнерусский язык соприкасался с тюркскими языками (Романова, 1964).

Позже, в 1586—1593 гг., по ранее существовавшему рву (с 1394 г.) примерно от Кучкова поля (в районе современной станции метро «Дзержинская») до р. Неглинной и далее по линии современного Бульварного кольца была возведена белая ограда — крепостная стена, получившая название Белый город по цвету белого камня, употребленного при строительстве. Это кольцо, точнее, полукольцо просуществовало до конца XVIII в., затем на его месте было разбито десять бульваров. Память об этой стене сохранилась в названиях ворот, находившихся на месте пересечения городских улиц и стены: Арбатские, Никитские, Петровские, Сретенские, Покровские и др. Ныне это площади Никитских Ворот, Покровских Ворот и т. д.

Следующее кольцо Москвы — Земляной, или Деревянный, город. Он назывался так потому, что состоял из земляного вала и деревянной стены вдоль вала. Часть территории Москвы, заключенная между двумя стенами — Белым и Земляным городом, называлась Скородом, т. е. местом, где строились «скорые» (на скорую руку) дома. Эта часть города часто подвергалась нападениям врагов, сильно разрушалась и сжигалась, поэтому здесь не имело смысла строить основательные, солидные дома. Во второй половине XVII в. эта часть Москвы на северо-восток от Кремля стала называться Земляным городом. Вначале название «Земляной город» относилось только к самой линии укреплений, состоящих из стены, вала и рва. В значении «ограда, крепостная стена, линия укреплений» слово *город* известно в русском языке с XIII в. (Словарь, 1977, вып. 4, с. 90). После пожара Москвы 1812 г. вся линия этих укреплений была снесена и на ее месте появилась Садовая улица (ныне Садовое кольцо). Земляной город дошел до нас в виде нескольких топонимов: Валовая улица, Зацепский Вал и др.

Следующим кольцом Москвы был Камер-Коллежский вал, возведенный в 1742 г. Его появление было вызвано не только бурным ростом города, но и необходимостью установления контроля за провозом некоторых товаров. Оно получило название Камер-Коллежского вала по Камер-Коллегии, т. е. тому учреждению, которое осуществляло его строительство. В местах пересечения улиц с новым валом были устроены заставы (не ворота!), где и производился своеобразный таможенный контроль. Теперь это такие названия: площадь Крестьянской Заставы

(бывшая площадь Спасской Заставы), площадь Абельмановской Заставы (бывшая площадь Покровской Заставы) и др. Линия Камер-Коллежского вала, его направление отражены в таких современных названиях, как улицы Бутырский Вал, Грузинский Вал, Даниловский Вал, Крымский Вал, Лефортовский Вал и др. Сейчас некоторые топонимы этого типа утрачены.

В 1960 г. городская черта Москвы была определена линией Московской кольцевой автомобильной дороги, в результате чего в состав города вошли подмосковные села Крылатское, Очаково, Медведково, Царицыно, Теплый Стан и другие, а также небольшие города Бабушкин, Кунцево, Перово и др.

Радиальный характер организации города Москвы связан с появлением дорог, которые шли от Кремля в соседние города, княжества, в Орду и получали в зависимости от этого свои названия: Дмитровская, Тверская и др. Дороги шли к монастырям (Высоко-Петровскому, Рождественскому), селам (Преображенскому, Семеновскому, Рогожи и др.). Со временем вдоль этих дорог строились жилые дома, хозяйственные постройки — так дороги превращались в улицы.

Точно не известно время появления, направление и название первых улиц Москвы. Однако в документе 1468 г. упоминается улица Великая, пролегавшая от Кремля вдоль Москвы-реки до рва в Остром конце (там, где сейчас стоит церковь Анны, что в Углу, рядом с кинотеатром «Зарядье»). Вероятно, улица была названа Великой (Большой) потому, что проходила по Великому (Большому) посаду.

В XIV—XV вв. определились и продолжали складываться такие части Москвы: Кремль, Великий посад, Заречье (за Москвой-рекой), Занеглименье (местность за р. Неглинной, между современными ул. Неглинной и Кропоткинской пл.). Занеглименье и Великий посад иногда назывались Загородьем. Наиболее интересный из этих топонимов — Занеглименье. В. Н. Топоров (1972, с. 226) считает, что названия Неглинная и Занеглименье — это балтизмы, имеющие аналоги в гидронимии Латвии и Литвы. Ранний вариант — р. Неглимна (откуда и Занеглименье) дает возможность автору связать его с балтийским gilm>Neglimin. Но на недостаточность этого аргумента указывает то, что в русских народных говорах, в частности в рязанских, наблюдается расподобление *нн>мн*: глимяный вместо глиняный. Есть основания связать название Неглинная с характером местной почвы, которая была глинистой (ср. Глинищи). Возможно, река получила название по неглинистому дну и берегам в условиях окружающей глинистой почвы.

Говоря о пространственной организации Москвы как города, необходимо остановиться на названиях некоторых сел, находившихся неподалеку от Кремля и рано вошедших в состав города. Они носили преимущественно антропонимический характер. Это село Кучково, получившее название по имени его владельца

боярина Кучки. Село существовало еще до основания Москвы, именно поблизости от него князь Юрий Долгорукий выбрал место для города. В районе современной Библиотеки им. Ленина было село Старое Ваганьково. Это название, вероятно, можно связать со словом *ваган (вагань)* — «место сбора пошлины за взвешивание товаров» (ср. *вага* — «вес, весы»); от него образовано и *ваганное* — «род пошлины за взвешивание товаров» (Словарь, 1975, с. 9). Это вполне допустимо и с исторической точки зрения: здесь проходила дорога на Новгород, откуда шли в Москву товары, подлежащие взвешиванию и учету, что и производилось именно на этом месте. Антропонимический характер, вероятно, имеют название сел Воробьево и Семчинское (Семцинское). Село Напрудское было расположено на пруде и отсюда получило свое название; такое же название носила и речка, вытекавшая из этого пруда, — Напрудная (в районе современного Трифоновского переулка). Село Михайловское на Яузе, видимо, надо связывать с названием церкви Михаила Архангела, хотя не исключен и его антропонимический характер. Часто владелец села возводил в нем храм в честь святого, имеющего то же имя, что и владелец.

Вплоть до XIX в. в пределах города между улицами находились земельные владения состоятельных людей: леса, поля, болота, рощи, сады и т. д. С развитием капитализма, когда значительно увеличилось население Москвы, свободные места стали застраиваться доходными домами, появилось большое количество новых улиц и переулков.

Образование проспектов, площадей связано с дальнейшим развитием Москвы, особенно в советское время.

По каким же основным принципам номинации складывалась в течение 800 лет топонимия внутригородских объектов Москвы.

Первый принцип — физико-географический.

Самые ранние названия, вероятно, отражали физико-географические особенности местности и самих называемых объектов. В этом отношении представляется интересной топографическая (предполагаемая) карта Москвы до 1389 г., составленная историками нашего времени (Голубцов, 1952). Основным содержанием этой карты являются физико-географические объекты, ставшие топонимами. Они выполняли функцию ориентиров и отвечали на вопрос «что?»: Бережки, Болото, Бор, Всполье, Глинищи, Грязи, Занеглименье, Заречье, Пески, Подол, Яндова и др.

Позднее появляются топонимы, образованные по тому же физико-географическому принципу, но обязательно отражающие какой-либо признак называемого объекта и отвечающие на вопрос «какой?»: Великий (Большой) посад, Великая улица, Вострый (Острый) конец, Красная горка, Старые сады, Великий луг и др.

Этот принцип номинации действовал в образовании топонимии Москвы всегда, вплоть до настоящего времени. Правда, в XVIII—XX вв. почти не образуются топонимы в форме чистого апеллятива (существительного), как раньше: пер. Сивцев Вражек (XVII в.), пер. Вражский (XVIII в.), пер. Глинистый (XIX в.), пер. Напрудный (XIX в.), ул. Левобережная (1964 г.), Лиственничная аллея (1920-е годы) и т. п.

Поскольку физико-географический принцип номинации в топонимии Москвы самый ранний, то и топонимы, образованные по этому принципу, несут в себе наиболее древнюю лексику русского языка: *враг (вражек)* — овраг; *всполье* — край поля, ровной открытой местности; *дерба (дербина)* — заросшая пашня, с которой срезается (сдирается) верхний слой; *яндова (ендова)* — овраг круглой формы, а также *боровица, голутва, крутицы, кулижки, новинки, остожье, яр* и другие, значения которых можно определить только в результате специальных разысканий или найти в исторических и диалектных словарях русского языка. Надо отметить, что топонимы этого типа, содержащие в себе редкую, часто исчезнувшую лексику, дошли до нас преимущественно в названиях храмов. Первые храмы появились в Москве тогда, когда она была слабо заселена, и поэтому вторая часть названия типа «под бором», «на вражке», «в ржищах», «в яндове» и т. п. как бы уточняла их положение и донесла до нас давно исчезнувшие или вышедшие из употребления слова, свидетельствующие о речи москвичей в ранние времена существования города. Например, вышедшее из литературного языка слово *кулига,* известное в настоящее время только в говорах русского языка в значениях «небольшая поляна в лесу, расчищенная под пашню», «низменный берег, пойма в излучине реки», «луг на берегу реки» и др., дошло до нашего времени в названии церкви Всех Святых на Кулишках, возведенной в 1382 г. в честь победы русских на Куликовом поле. Здесь слово *кулига* представлено в уменьшительной форме. Это уточнение «на Кулишках» было дано церкви потому, что в непосредственной близости от нее, при впадении р. Рачки в Москву-реку, был обширный заливной Васильевский луг, а вся местность называлась Кулижки.

В пределах физико-географического принципа номинации весьма продуктивной оказалась разновидность, обозначающая местоположение называемого природного объекта по отношению к другому (Заречье, Занеглименье). Этот принцип жив и продуктивен и в настоящее время.

Второй принцип номинации московской топонимии — по названиям монастырей и церквей. Хронологически он начал действовать очень рано, так как люди, устроившись на житье, построив дома, начинали возводить церкви. Именно поэтому этот принцип должен быть приведен сразу за физико-географическим. Первыми топонимами такого типа были ул. Никольская (названа по находящемуся поблизости греческому Никольскому мона-

стырю, известному с конца XIV в. под названием Никола Старый); ул. Ильинская (или Ильинка) — названа так по церкви Ильи на Торгу (церковь известна с 1476 г., а улица сформировалась в XVI в.).

Этот принцип номинации прекратил свое действие после 1917 г., но внутригородские топонимы, образованные им ранее, сохранились до наших дней: Андреевская ул., Андреевский пер., Андроньевские Большая и Малая ул., Вознесенский пр., Преображенская пл. и т. д.

Третий принцип номинации топонимии Москвы — по направлениям дорог, идущих из Москвы в другие княжества, города, села, монастыри, а позднее — в разные концы Советского Союза. Ранние топонимы этого типа почти не сохранились, следы их можно обнаружить в таких названиях, как Дмитровское шоссе, Владимирское (теперь шоссе Энтузиастов), Волоколамское шоссе, Б. Тульская ул., Б. Ордынка и некоторые другие.

Особенно продуктивен этот принцип номинации в настоящее время, так как облегчает ориентировку в таком большом городе, как Москва.

Четвертый принцип номинации топонимии Москвы — по занятиям, ремесленной и профессиональной ориентированности населения. Анализируя эту группу топонимов, необходимо помнить, что одни названия сохранились с тех времен, когда существовали ремесленные слободы, другие появились в память о былом расположении ремесленных слобод, например Плотников переулок (1922 г.).

К концу XVII в. в городе было более 140 слобод. Население многих из них обслуживало государев двор (скатертники, хлебники); были слободы кузнецов, гончаров, кадашей (бондарей), шатерников. Вдоль крепостных стен у въезда в город располагались стрелецкие слободы, в обязанность стрельцов входила охрана ворот. Часто самостоятельными слободами, кварталами жили в Москве иностранцы. Самые ранние слободы находились в Китай-городе и в пределах Белого города.

Бронники, например, жили в районе современных Бронных улиц. Слобода бронников впервые упоминается в документах XVII в., относящихся к Москве. О месте проживания лучников свидетельствует современный Лучников переулок, а до недавнего прошлого и церковь Георгия в Лучниках. Кузнецы жили в разных районах Москвы и почти везде оставили по себе память. Улица Кузнецкий Мост сформировалась поблизости от моста через р. Неглинную в Кузнецкой слободе, располагавшейся на месте современной улицы Жданова (бывшая ул. Рождественка в Кузнецах). На основе этой слободы в XV в. был создан Пушечный двор. Этот факт отражен в названии Пушечной улицы.

Кузнецкая слобода была и в Замоскворечье, о чем свидетельствовало название церкви Николы в Кузнецкой слободе. В Заяузье кузнецы жили от устья Яузы до современной Таганской

площади. Они, кроме того, изготовляли металлическую посуду — котлы, таганы и другие, что отразилось в топонимии Москвы и дошло до нас в виде названий: Котельническая набережная, Таганская улица (площадь и тупик).

Об аналогичных поселениях ремесленников свидетельствуют и другие названия, появившиеся в Москве в разное время. О поселении гончаров говорит нам Гончарная набережная (переулки, проезд).

В Заяузье эта слобода известна с XIV в. Барашевский переулок находится на месте бывшей слободы барашей — шатерников, обойщиков шатров. Барашами назывались и лица, ведавшие царскими шатрами. О Хамовнической слободе в настоящее время свидетельствует только название церкви Николы в Хамовниках. Хамовная, или Хамовническая, слобода появилась в Москве в XVII в., ее населяли хамовники — ткачи, изготовлявшие изделия из льняного полотна (хама) и ткавшие это полотно.

О слободе кожевников свидетельствует Кожевнический пер., колпачников — Колпачный пер., трубников (трубочистов, а возможно, музыкантов, играющих на духовых инструментах) — Трубниковский пер., сыромятников — Сыромятническая ул. О слободе кадашей (бондарей) напоминает название Кадашёвской набережной, появившееся в XX в.

Поселения иноземцев находились в разных районах города, о некоторых из них нам говорят топонимы современной Москвы, возникшие в разное время: Грузинская ул. (XVIII в.), Мещанская (Мещанская слобода с XVII в.), Лефортовская (набережная, площадь, тупик) — по Лефортовской слободе, где с XVI в. селились выходцы из Западной Европы, Татарская ул.; Толмачевские переулки свидетельствуют о проживании здесь татар и переводчиков (толмачей) преимущественно с восточных языков, так как средневековая Москва была тесно связана дипломатическими и торговыми отношениями со странами Востока.

Стрелецкие слободы оставили такие топонимы в Москве: Зубовская площадь (улица и бульвар), переулки Большой и Малый Коковинские, Левшинский и др.

Топонимия, образованная по принципу профессиональной ориентации населения, известна в любом городе. Она отражает в первую очередь развитие ремесел, а позднее — промышленности.

Пятым принципом номинации топонимии Москвы является антропонимический. По личному имени, прозвищу, фамилии землевладельца, домовладельца, владельца предприятия получали свои названия улицы и переулки. Этот принцип номинации дал в Москве наибольшее количество топонимов. Антропонимическим был и самый ранний топоним Москвы — село Кучково, затем Кучково поле. Первое упоминание о селе Кучкове находим в Ипатьевской летописи под 1176 г. Затем в XVII в. фиксируется переулок Шуйский в земельных владениях бояр Шуйских (в рай-

оне современной Библиотеки им. Ленина (ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 17)). На карте Москвы XVII в., составленной С. К. Богоявленским по данным переписных книг (1952), внутригородских топонимов антропонимического происхождения очень мало: Артемонов пер., Яковлевский, Васильевский луг.

Этот принцип номинации в образовании топонимии Москвы начинает активно действовать с начала XVIII в., когда идет бурное развитие капиталистических отношений, частной собственности. Социально-экономические отношения создают в номинации самый яркий, бросающийся в глаза признак принадлежности — чье, чей, чья? В XVIII в. появляются такие переулки: Головин, Мануков, Полуэктов и многие другие. На карте современной Москвы мы находим топонимы, отражающие фамилии землевладельцев и владельцев доходных домов, предприятий: улицы Ануровская, Башиловская, Селезневская, переулки Авдеевский, Ананьевский, Бобров, Даев, Вадковский, Лаврушинский, Сытинский и др.

В пределах антропонимического принципа номинации необходимо выделить активно развивающуюся и пополняющуюся группу названий, которые присваиваются внутригородским объектам по именам выдающихся государственных и исторических деятелей, представителей науки, искусства, по именам героев труда, а также по важнейшим событиям в истории нашей страны.

Первым топонимом Москвы, образованным по этому принципу, была улица Буженинова, названная в XVIII в. в честь архитектора И. Буженинова, строителя Преображенского дворца, расположенного поблизости от этой улицы. Затем появляются такие: улицы Лермонтовская, Гоголевская, Некрасовская (XIX в.); Еготьевский тупик (XIX в.) в честь архитектора Еготова. Самые молодые по времени образования — Ленинский просп., пл. Свердлова, ул. Горького, пл. Революции, Ломоносовский просп. и др.

Этот принцип номинации в топонимии Москвы в настоящее время наиболее продуктивен. Десятки новых внутригородских объектов города получают свои названия по фамилиям людей, достойных уважения и увековечения их памяти за большой вклад в дело мирового прогресса.

В статье были перечислены лишь основные принципы номинации в образовании топонимической системы Москвы. Существуют и другие, менее продуктивные, но почти все они могут быть проанализированы в пределах указанных пяти.

Топонимия Москвы, ее исторический и семантический аспекты дают представление о ней как о сложившейся системе, отражающей историю культуры, особенности языка и успешно выполняющей социальную функцию в настоящее время.

И. А. Ерофеев

ИМЯ В. И. ЛЕНИНА НА КАРТЕ МОСКВЫ

Советский народ свято чтит память Владимира Ильича Ленина, жизнь и деятельность которого всегда будут служить воодушевляющим примером для революционных борцов за свободу, социализм, счастье людей труда.

Одной из форм увековечения памяти В. И. Ленина явилось присвоение его имени в нашей стране многочисленным населенным пунктам и промышленным предприятиям, колхозам и совхозам, заповедникам и учебным заведениям, транспортным магистралям и судам... Это имя в Советском Союзе носят всемирно известные города Ульяновск и Ленинград, Ленинабад в Таджикистане и Ленинакан в Армении, Лениногорск в Казахстане и Татарской АССР, Ленинск в Узбекистане и в Волгоградской области, Ленинск-Кузнецкий в Кемеровской области и Порт-Ильич в Азербайджане, Новоульяновск в Ульяновской и Ильичевск в Одесской области. Именем Ленина названы Волховская ГЭС и Ленинградская АЭС, Магнитогорский металлургический комбинат и Волго-Донской судоходный канал, завод «Ленинская кузница» в Киеве и Белорусский университет, Астраханский и Ильменский заповедники, первый атомный ледокол, высшая точка Заалайского хребта на Памире. Населенные пункты и районы, учебные заведения и электростанции, заводы и фабрики, другие объекты, названные именем Ленина, являются частицами нашей необъятной Родины.

Есть такие названия и в столице Советского Союза — Москве, с которой связан значительный период жизни и деятельности В. И. Ленина.

Впервые Владимир Ильич посетил Москву в августе 1890 г. проездом из Самары в Петербург, куда он направлялся в связи со сдачей экстерном экзаменов за курс юридического факультета при Петербургском университете. С тех пор он неоднократно бывал в Москве, активно занимаясь революционной деятельностью. За несколько приездов в дореволюционный период Владимир Ильич в общей сложности пробыл в Москве немногим более 100 дней, но оставил здесь глубокий след в развитии революционного движения.

Вновь В. И. Ленин прибыл в Москву 11 марта 1918 г., когда сюда по предложению Ильича была перенесена столица Советского государства. С тех пор он более пяти лет руководил из Кремля первым в мире рабоче-крестьянским государством, здесь он решал важнейшие вопросы внутренней и международной жизни страны, коммунистического и рабочего движения мира. В московские годы жизни и деятельности В. И. Ленин разрабо-

тал план построения социализма и коммунизма в нашей стране. Неоценимый вклад в развитие марксизма внесли его произведения, написанные здесь. В Москве В. И. Ленин осуществлял руководство VIII, IX, X и XI съездами партии. Он готовился и к XII съезду, но не смог участвовать в нем из-за болезни.

Все годы пребывания в Москве Владимир Ильич был неразрывно связан с трудящимися города и Подмосковья. Большую заботу проявлял Ленин об улучшении жизни и быта москвичей, о благоустройстве города. В. И. Лениным написано или подписано, принято при его участии или по его рекомендации свыше 370 декретов и постановлений о Москве. Тысячами нитей был связан Ильич с Московским Советом. Его указания о главных направлениях переустройства и развития советской столицы лежат и сегодня в основе деятельности Коммунистической партии и Советского государства по превращению Москвы в образцовый коммунистический город. И не случайно 7 февраля 1924 г. пленум Московского Совета, посвященный памяти Ленина, постановил оставить В. И. Ленина навсегда в списках членов Моссовета как депутата трудящихся Москвы. Как священная реликвия хранится в Московском Совете народных депутатов депутатский мандат В. И. Ленина. После каждых выборов в Московский Совет на имя Владимира Ильича Ленина выписывается депутатский мандат № 1.

К 1979 г. в Москве зарегистрировано свыше 130 административных и общественных зданий, промышленных предприятий и жилых домов, площадей и парков, где бывал, выступал, работал или жил В. И. Ленин. Более чем на 70 из них установлены мемориальные доски.

В Москве большое количество памятников В. И. Ленину: на территории Московского локомотивного депо Октябрьской железной дороги (открыт в 1925 г.); на Советской площади перед зданием Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (1940 г.); перед Главным павильоном на ВДНХ СССР (1954 г.); на заводе «Каучук» — улица Усачева, 11 (1956 г.); на главной аллее на территории автозавода им. Лихачева (1956 г.); в сквере перед зданием Всесоюзного электротехнического института им. В. И. Ленина на Красноказарменной улице, 12 (1957 г.); в 9-м квартале Черемушек (1959 г.); перед Большой спортивной ареной Центрального стадиона им. В. И. Ленина в Лужниках (1960 г.); в Кремле (1967 г.); на территории электромеханического завода им. Владимира Ильича (в 1947 г. памятник был установлен на Павловской улице перед заводом, в 1968 г. перенесен на нынешнее место); перед электромеханическим заводом им. Владимира Ильича на Павловской улице (1967 г.); на площади Ильича (1967 г.); у Ярославского вокзала (1967 г.); на Ленинградском проспекте перед зданием фабрики «Большевик» (1968 г.); на улице Руставели (1968 г.); в сквере им. 1905 года на улице Трехгорный Вал, 6 (1970 г.); перед Двор-

цом пионеров и школьников им. Крупской в переулке Стопани (1970 г.) и др.

Размеры настоящей статьи не позволяют остановиться на характеристике всех промышленных предприятий, общественных и административных зданий, площадей, парков, которые так или иначе связаны с именем Владимира Ильича. Ограничимся лишь теми объектами, которые благодарными жителями столицы с любовью были названы именем В. И. Ленина.

На востоке Москвы, за Садовым кольцом, между улицами Тулинской и Школьной, Золоторожским и Рогожским валами и шоссе Энтузиастов находится площадь Ильича, которая до 1919 г. называлась Рогожско-Сенной. Здесь перед рабочими он неоднократно выступал. В 1967 г. на площади установлен памятник В. И. Ленину.

Между Тулинской улицей и площадью Ильича находится Ильичевский проезд, получивший свое название в 1922 г. (прежнее название — Сенной проезд).

В 1919 г. в честь В. И. Ленина в Ленинскую слободу была переименована Симоновская слобода — местность на юго-востоке Москвы, на левом берегу Москвы-реки, к северо-западу от линии Окружной железной дороги. В 1918—1921 гг. здесь неоднократно бывал Владимир Ильич, он выступал на митингах рабочих заводов АМО и «Динамо». В конце 20-х годов началась реконструкция Ленинской слободы. Построены жилые дома для рабочих, Дворец культуры ЗИЛ, возведены новые корпуса автозавода им. Лихачева, построен стадион «Торпедо». Название сохранилось в наименовании улицы Ленинская Слобода, расположенной в районе станции метро «Автозаводская».

Между площадью Прямикова и площадью Ильича на востоке Москвы, за Садовым кольцом, расположена Тулинская улица, названная в честь В. И. Ленина по одному из его литературных псевдонимов — К. Тулин. До 1919 г. эта улица называлась Вороньей по находившейся здесь Вороньей монастырской слободе.

Между улицами Интернациональной и Большой Андроньевской на востоке Москвы находится Ульяновская улица, названная в 1919 г. в честь В. И. Ульянова-Ленина (прежнее название — Николо-Ямская).

В 1963 г. на Садовом кольце при пересечении улиц Ульяновской и Чкаловской, между транспортным тоннелем под Таганской площадью и Высокояузским мостом, построена Ульяновская эстакада.

В 1921 г. на базе электротехнической лаборатории МВТУ на Красноказарменной улице, 12 был создан Всесоюзный электротехнический институт им. В. И. Ленина (до 1927 г. — Государственный экспериментальный электротехнический институт). В институте ведутся работы по перспективным проблемам электротехники, энергетики, электроники. Здесь разработано элек-

трооборудование для Московского метрополитена им. В. И. Ленина, система освещения звезд Московского Кремля, аппаратура для звукового кино, ведутся работы по созданию и дальнейшему формированию Единой энергетической системы и др. Институт награжден орденами Ленина и Октябрьской Революции. В 1957 г. перед зданием института в сквере установлен памятник В. И. Ленину.

Одним из первых предприятий в нашей стране, которому было присвоено имя Владимира Ильича, стал московский завод, принадлежавший до Октября 1917 г. капиталисту Михельсону. В 1917 г. и в годы гражданской войны рабочие этого завода с оружием в руках боролись за утверждение Советской власти. В 1918 г. на митингах и рабочих собраниях завода шесть раз выступал В. И. Ленин. Он хорошо знал заводской коллектив, поддерживал с ним прочную связь. Тридцатого августа 1918 г. Владимир Ильич выступал здесь на митинге с речью «Две власти (диктатура пролетариата и диктатура буржуазии)». При выходе Ленина с митинга во дворе завода на него было совершено злодейское покушение, организованное эсерами. Рабочие с волнением следили за выздоровлением Ильича. У инженерного корпуса завода на месте покушения создан мемориальный сквер с памятником В. И. Ленину, а на гранитной глыбе начертано: «Пусть знают угнетенные всего мира, что на этом месте пуля капиталистической контрреволюции пыталась прервать жизнь и работу вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина». В 1922 г. рабочие обратились в Центральную комиссию по переименованию московских промышленных предприятий при Московском Совете с просьбой назвать их завод именем Владимира Ильича. С согласия В. И. Ленина их просьба была удовлетворена. Прошли годы. Изменился облик завода. Исчезли грязные, мрачные сараи, в которых трудился рабочий люд. Московский электромеханический завод им. Владимира Ильича превратился в одно из крупнейших предприятий страны. Во время гражданской войны рабочие завода выполняли задание В. И. Ленина по обеспечению Красной Армии боеприпасами, затем выпускали оборудование для первенцев советской энергетики. В номенклатуре выпускаемых сегодня изделий — электродвигатели, передвижные электростанции, вакуумные насосы, стиральные машины и др. В 1941 г. завод впервые в стране стал изготовлять снаряды для гвардейских минометов «катюша».

И еще одно памятное событие — 22 апреля 1967 г., в 97-й год рождения Владимира Ильича Ленина, первый в стране Государственный знак качества был присвоен электродвигателю, разработанному и изготовленному на заводе. Продукцию завода знают сегодня во всех уголках нашей Родины. Она экспортируется в 65 стран мира. За образцовое выполнение заданий партии и правительства во время Великой Отечественной войны и в годы

послевоенных пятилеток завод награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени.

Всемирной известностью пользуется Государственная библиотека СССР им. Ленина — общегосударственное хранилище произведений печати, ведущее научно-исследовательское учреждение в области библиотековедения, библиографоведения и истории книги, методический и консультативный центр библиотек Советского Союза. В 1893 и 1897 гг. в ее читальном зале занимался В. И. Ленин. В 1919—1921 гг. Владимир Ильич был персональным абонентом библиотеки. С 1924 г. она называлась Всероссийская публичная библиотека им. В. И. Ленина, с 1925 г. — Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина, с 1945 г. — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. В фондах библиотеки около 30 млн. единиц хранения почти на 250 языках мира, в том числе свыше 60 тыс. произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина более чем на 100 языках мира. В библиотеке 21 читальный зал на 2500 мест. Ежегодно обслуживаются свыше 2 млн. читателей. Старое здание библиотеки — дом Пашкова — не могло удовлетворить растущих потребностей. Поэтому в 1928—1958 гг. построено шесть корпусов (в том числе 19-этажное здание книгохранилища) и в 1975 г. — 10-этажное здание книгохранилища с читальным залом в г. Химки Московской области. В 1945 г. библиотека награждена орденом Ленина.

Напротив Лужниковской излучины на юго-западе Москвы расположены Ленинские горы (до 1924 г. — Воробьевы горы) — высокий правый коренной берег Москвы-реки. Горы тянутся от устья Сетуни до Андреевского моста Окружной железной дороги, частично включая территорию Центрального парка культуры и отдыха им. Горького. Высота гор — до 220 м над уровнем моря. Прежнее название произошло от бывшего села Воробьево. Ныне Ленинские горы — один из самых живописных уголков города, любимое место отдыха москвичей. От балюстрады, окружающей крутой обрыв, против здания МГУ, открывается прекрасный вид на лежащий внизу, по другую сторону Москвы-реки, стадион им. В. И. Ленина, окружающий его парк в Лужниках, древние стены Новодевичьего монастыря и море домов... С Ленинскими горами связано немало примечательных событий в истории нашей столицы. Так, в 1591 г. здесь располагался со своей ордой крымский хан Казы-Гирей. Отсюда он бежал, разбитый русскими войсками. В 1827 г. шестнадцатилетний А. И. Герцен со своим другом Н. П. Огаревым на Воробьевых горах дали клятву посвятить себя освобождению русского народа. До Октябрьской революции здесь устраивались собрания рабочих и маевки. В дни октябрьских боев отсюда революционные солдаты вели из пушек обстрел по засевшим в Кремле белогвардейцам. Весной 1918 г. сюда часто приезжал в часы отдыха В. И. Ленин. В 1949—1953 гг. в районе Ленинских гор сооруже-

но высотное здание МГУ, а в 1958—1962 гг. — Московский городской Дворец пионеров и школьников.

В 1929 г. в Москве образована Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ). Здание президиума ВАСХНИЛ размещено в бывших палатах боярина Волкова (Б. Харитоньевский пер., 21) — памятнике архитектуры XVII в. Академия только в Москве располагает десятью научными учреждениями (Научно-исследовательский институт удобрений и агропочвоведения им. Прянишникова, Научно-исследовательский институт экспериментальной ветеринарии и др.). Филиалы академии имеются в различных районах СССР. ВАСХНИЛ ведет большую научную работу по реализации Продовольственной программы, принятой майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС.

Ленинским назван один из административных районов Москвы. Впервые район под таким названием создан в 1930 г., в современных границах — с 1968 г. Его территория простирается по обоим берегам Москвы-реки, от Красной площади до Ломоносовского проспекта. Площадь — около 1400 га. Население — 130 тыс. человек (1978 г.). Многие места района связаны с именем В. И. Ленина и революционным прошлым. Рабочие промышленных предприятий, располагавшихся здесь, активно участвовали в революции 1905—1907 гг. В Октябрьские дни 1917 г. красногвардейцы и революционные солдаты вели ожесточенные бои с белогвардейцами. После переезда Советского правительства в Москву в Кремле, входящем в состав этого района, с марта 1918 по май 1923 г. жил и работал В. И. Ленин. В районе около 30 промышленных предприятий (завод «Каучук», шелковый комбинат им. Свердлова, предприятия машиностроения и др.), свыше 60 научно-исследовательских институтов, проектных организаций и конструкторских бюро, восемь высших учебных заведений (в том числе МГУ, Пединститут им. В. И. Ленина, Институт международных отношений и др.), Академия художеств СССР, Академия педагогических наук, Всесоюзная книжная палата. На его территории расположены Центральный музей В. И. Ленина, Кремлевский Дворец съездов, Исторический музей, Центральная детская библиотека им. А. Гайдара, Музей изобразительных искусств им. Пушкина, Центральный стадион им. В. И. Ленина, плавательный бассейн «Москва», мемориальные музеи А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. И. Герцена и др.

По Генеральному плану развития Москвы осуществлена реставрация ансамбля Кремля и Красной площади. На Красной площади находится самое святое место для всех прогрессивных людей земного шара — Мавзолей В. И. Ленина. Часть района в пределах Садового кольца объявлена заповедной зоной.

В 1934 г. в Москве основана чаеразвесочная фабрика им. В. И. Ленина (Боровая ул., 3), выпускающая черный байхо-

вый чай, который отправляется во все районы нашей страны и экспортируется во многие страны мира.

В мае 1934 г. в Москве на улице «Правды», 24 вступила в строй типография газеты «Правда» им. В. И. Ленина, в которой печатаются газеты «Правда», «Комсомольская правда», «Советская Россия», «Социалистическая индустрия», «Сельская жизнь», «Советская культура», «Экономическая газета», журналы «Коммунист», «Агитатор», «Партийная жизнь», «Политическое самообразование», «Советский Союз», «Огонек», «Работница» и др. Ежедневная мощность типографии — более 11 млн. экземпляров газет и около 4 млн. экземпляров журналов. Значительными тиражами печатаются также книги, брошюры, плакаты и др. Типография награждена орденами Ленина и Октябрьской Революции.

В 1938 г. имя В. И. Ленина присвоено Военно-политической академии (Б. Садовая ул., 14), которая была основана в 1919 г. в Петрограде как Учительский институт Красной Армии. В настоящее время Военно-политическая академия им. В. И. Ленина готовит руководящих партийно-политических работников и военных педагогов из числа офицеров Советских Вооруженных Сил. Многие воспитанники академии стали видными политработниками и военачальниками. В годы Великой Отечественной войны ее питомцы покрыли себя неувядаемой славой. Около 150 ее слушателям присвоено высокое звание Героя Советского Союза, тысячи награждены боевыми орденами и медалями. Академия награждена орденами Ленина, Октябрьской Революции и Красного Знамени.

На юге Москвы, между линиями Павелецкого и Курского направлений Московской железной дороги, расположена местность Ленино-Дачное, получившая название от бывшего рабочего поселка, образованного в 1939 г. и включавшего территорию Царицына. С 1960 г. — в черте Москвы, с середины 60-х годов — район массовой жилой застройки.

Перед Павелецким вокзалом, между Ленинским проездом, улицей Зацепский Вал и 1-м Зацепским проездом (на юге Москвы, в Замоскворечье), расположена Ленинская площадь (до 1940 г. — Саратовская). Названа в память В. И. Ленина, гроб с телом которого на траурном поезде прибыл на Павелецкий (бывший Саратовский) вокзал 23 января 1924 г. из Горок. В сквере на площади находится Павильон-музей «Траурный поезд В. И. Ленина» — филиал Центрального музея В. И. Ленина.

Между улицами Зацепский Вал и Кожевнической расположен Ленинский проезд, названный так в 40-е годы.

На Малой Пироговской улице, 1, размещается Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. Институт ведет свою историю от Московских высших женских курсов, основанных в 1872 г. С 25 по 28 августа 1918 г. здесь проходила

работа 1-го Всероссийского съезда по просвещению, на заседании которого 28 августа выступил с речью В. И. Ленин. В октябре 1918 г. курсы преобразованы во 2-й МГУ, в 1921 г. здесь был открыт педагогический факультет. На его базе в 1930 г. создан педагогический институт, которому в 1941 г. присвоено имя В. И. Ленина. Ныне на 14 факультетах института обучается более 11 тыс. студентов по 25 специальностям — истории, географии, русскому языку и литературе, английскому, немецкому, испанскому, французскому языкам, математике, физике, биологии, химии, музыке, дефектологии, дошкольному воспитанию и др. В числе преподавателей института более 100 докторов и профессоров, около 600 кандидатов наук и доцентов, академики и члены-корреспонденты АН СССР и отраслевых академий, лауреаты Ленинской и Государственной премий, заслуженные деятели науки РСФСР. За годы Советской власти институт подготовил свыше 65 тыс. учителей. За большие успехи в деле подготовки специалистов народного образования институт награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

В 1955 г. имя В. И. Ленина присвоено Московскому метрополитену. Решение о строительстве метрополитена в столице было принято на июньском (1931 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), а первая очередь с 13 станциями была открыта 15 мая 1935 г. К 1980 г. число станций достигло 114. Среднесуточные перевозки составляют около 6 млн. человек (в 1935 г. — только 177 тыс.), или почти 40% от городских перевозок всеми видами городского транспорта. Пять станций метрополитена тоже носят имя Владимира Ильича: «Библиотека имени Ленина» Кировско-Фрунзенской линии (1935 г.), «Ленинские горы» этой же линии (1959 г.), «Ленинский проспект» Калужско-Рижской линии (1962 г.) и «Площадь Ильича» Калининского радиуса (1979 г.), «Ленино» Горьковско-Замоскворецкого радиуса (1984 г.). На станции «Площадь Ильича» установлен бюст В. И. Ленина. В 1947 г. Московский метрополитен им. В. И. Ленина награжден орденом Ленина, а в 1985 г. в связи с 50-летием — орденом Трудового Красного Знамени.

Среди многочисленных спортивных сооружений Москвы выделяется Центральный стадион им. В. И. Ленина, построенный в Лужниках в 1955—1956 гг. В составе спортивного комплекса стадиона около 140 сооружений (Большая и Малая спортивные арены, Дворец спорта, плавательный бассейн, несколько футбольных полей и легкоатлетических комплексов, теннисный городок, тренировочный крытый каток «Кристалл», детский стадион, полигон для стрельбы из лука и др.). Все сооружения стадиона могут принять одновременно более 160 тыс. человек. В 1960 г. на Главной площади, у центрального входа, установлен памятник В. И. Ленину.

Между Октябрьской площадью и Московской кольцевой автомобильной дорогой на юго-западе столицы протянулся Ленин-

ский проспект (до 1957 г. — Калужская улица, часть Калужского шоссе и автострады Москва — Киев) — основная магистраль, связывающая район Юго-Запада с центром Москвы. Проспект возник на месте дороги, проходившей с XV в. из Москвы на Калугу. На протяжении своей истории он был свидетелем ряда важных исторических событий. В 1612 г. по Калужской дороге бежали преследуемые отрядами русских ополченцев под предводительством Кузьмы Минина войска гетмана Хоткевича. В 1812 г. по ней же отступала из Москвы армия Наполеона. Ныне проспект служит начальным звеном трассы, ведущей к Внуковскому аэропорту. Здесь москвичи встречают самых почетных гостей столицы. Незабываемая дата в истории проспекта — день триумфальной встречи в Москве первого в мире космонавта Юрия Гагарина. На Ленинском проспекте много широко известных медицинских учреждений, ряд научно-исследовательских институтов АН СССР, здание ВЦСПС, гостиницы, универмаг «Москва» и много других специализированных торговых заведений.

Все, что связано с жизнью В. И. Ленина, его титанической революционной деятельностью и бессмертным учением, бережно хранится в Центральном музее В. И. Ленина (площадь Революции, 2). В 1924 г. XIII съезд РКП(б) в постановлении об открытии Института В. И. Ленина поручил ЦК партии организовать при институте музейное отделение. Первая экспозиция была открыта 31 мая 1924 г. и размещалась в доме 24 по Большой Дмитровке (ныне Пушкинская ул.). Экспозиция состояла из двух разделов: исторического и мемориального. К 1930 г. имелось 12 залов. В 1931 г. музей переехал в дом 8 по Большому Знаменскому переулку (ныне ул. Грицевец). В 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение о создании Центрального музея В. И. Ленина на площади Революции в здании бывшей Городской думы. Ныне в фондах музея более 700 тыс. единиц хранения. В 34 залах — около 13 тыс. экспонатов, среди которых многочисленные копии рукописей В. И. Ленина, первые издания его книг, первые декреты Советской власти, подписанные В. И. Лениным, подлинные номера газет «Искра», «Вперед» и других с ленинскими статьями, личные вещи Владимира Ильича, произведения искусства, воплощающие образ В. И. Ленина, памятные подарки Ильичу и много-много других материалов. В нескольких залах размещены экспонаты, показывающие претворение в жизнь заветов В. И. Ленина в СССР и других странах социализма, деятельность КПСС по сплочению мирового коммунистического движения на современном этапе. За плодотворную работу с трудящимися по пропаганде жизни и деятельности В. И. Ленина музей в 1974 г. награжден орденом Ленина.

Ю. К. Ефремов

О ХОДЕ И ПРИНЦИПАХ НАИМЕНОВАНИЯ МОСКОВСКИХ УЛИЦ

В течение столетий процесс наименования улиц столицы шел в основном стихийно. Смена топонимических пластов и расширение списка названий вместе с ростом и усложнением жизни города имели как временной, так и пространственный характер. Они отражали его социально-исторические судьбы и присущую ему радиально-концентрическую планировку. Об этом уже не раз писали исследователи истории Москвы и ее топонимии.

В дореволюционный период наряду со стихийным процессом имели место и сознательно произведенные переименования, выражавшие то царскую волю (как было с названием Пречистенка: по указу царя Алексея Михайловича от 1658 г. Чертольская улица была переименована по церкви Пречистой Богородицы в Новодевичьем монастыре), то попытки упорядочения сети имен, предпринимавшиеся городскими властями (например, названий отдельных звеньев Бульварного и Садового кольца, улиц на месте Камер-Коллежского вала).

Бывали случаи, когда и до революции давались имена в честь выдающихся событий и лиц в связи с юбилейными датами. Столетие Отечественной войны 1812 г. отмечено появлением в Дорогомилове, т. е. на путях к Бородину, целого «куста» военно-исторических названий, напоминающих о событиях вековой давности. Тогда же наряду с улицами получил свое имя и Бородинский мост. А в ознаменование столетия со дня рождения М. Ю. Лермонтова в 1914 г. имя поэта присвоили скверу у тогдашних Красных ворот, напротив дома, в котором родился поэт. Это название затем слилось с именем нынешней Лермонтовской площади, когда переименовали Красноворотскую.

Были и довольно забавные случаи преднамеренных переименований. По ходатайству рогожских старообрядцев, живших в Чёртовом переулке (а им не полагалось произносить «черных слов»), градоначальники соизволили переименовать переулок в Дурной, видимо не желая, чтобы название стало благозвучным. Теперь это Товарищеский переулок на Таганке.

Коренное изменение в порядке наименования улиц наступило с победой Советской власти. Началась решительная «корчевка» старых названий, напоминавших о царских именах и других сторонах старого режима. Естественно родилось и стремление увековечить борцов за революцию и принципы, отстаиваемые пролетариатом, взявшим власть.

В течение 1917—1920 гг. процесс переименований оказался децентрализованным и трудноуправляемым. По инициативе районных Советов рабочих депутатов в каждом из тогдашних районов Москвы производились самостоятельные замены назва-

ний. Появились такие имена улиц, как Международная, Интернациональная, Трудовая, Пролетарская, невозможные в дореволюционные годы. Множились названия, напоминавшие о событиях и героях революций 1905 и 1917 гг. Однако при таком параллелизме усилий неизбежным было его следствие — появление одноименных названий. Так, Октябрьскими назвали не только бывшую Калужскую площадь, но и обе Таганские на Садовом кольце.

По нескольку Советских, Первомайских, Коммунистических и других улиц с подобными названиями возникло одновременно в разных районах столицы. Этот «взрыв» стихии одноименности в сочетании с немалым наследием «тёзок» от дореволюционных лет (сколько в Москве было одних только Александровских и Николаевских улиц и переулков!) создавал большие трудности в управлении городом и в работе коммунальных служб — связи, пожарной охраны и многих других.

Чтобы преодолеть все усиливавшийся беспорядок, в 1921—1922 гг. была предпринята работа, выполненная при Моссовете специальной комиссией по устранению одноименных, а заодно и части устаревших названий. В итоге своей деятельности комиссия предложила к переименованию 447 улиц и переулков. Многие новые названия преемственно отражали московскую старину (Пушечная улица вместо Софийки, Потаповский переулок взамен Большого Успенского и др.), многие увековечивали героев и события 1905 г. (Дружинниковская и Декабрьские улицы) и 1917 г. (Добрынинская площадь, Люсиновская улица и др.). Об этой работе было рассказано в журнале «Коммунальное хозяйство» (№ 6 и 8—9 за 1922 г.). Она положила начало более углубленному изучению истории названий московских улиц.

Активные участники комиссии П. Н. Миллер и П. В. Сытин выпустили в 1938 г. книгу «Происхождение названий улиц, переулков, площадей Москвы». Два издания имела книга П. В. Сытина «Прошлое Москвы в названиях улиц» (1946 и 1948), где также отражена работа комиссии 1922 г. Последняя его книга на эту тему («Откуда произошли названия улиц Москвы») увидела свет в 1959 г.

В течение последовавших за этим этапом десятилетий процесс наименования новых и переименования ранее существовавших улиц шел уже целенаправленно и централизованно — под контролем и руководством исполкома Моссовета. Продолжавшийся рост города создавал необходимость в присвоении названий вновь возникавшим улицам и проездам; в 50-х годах в Москве стали появляться проспекты. В ходе этого процесса продолжалось увековечение событий Октябрьской революции, ее предтеч, вдохновителей и руководителей; в списке улиц возникла своего рода Лениниана, нашли отражение многие события периода реконструкции, перестройки хозяйства в годы первых

пятилеток; огромный пласт названий по-своему прославил события и героев Великой Отечественной войны.

Этот процесс проходил не всегда гладко, иногда допускались и крайности. Так, однажды был поставлен вопрос о замене всех названий, связанных с бывшими домовладельцами или отражающих религиозное содержание. Это грозило утратой ценного фонда укоренившихся старомосковских названий, первоначальный религиозный или «частновладельческий» смысл которых давно стерся. Своего имени могли лишиться даже такие коренные московские улицы, как Петровка, названная по Высокопетровскому монастырю, Донская и Андроньевские — по Донскому и Андроникову монастырям, прославленным в истории России! Да и понятие «домовладелец» не следовало связывать с чем-то социально опасным.

По сути давно утратило первоначальное значение имя Лаврушинский переулок. Важно ли, что он обязан своим названием безвестной домовладелице Лаврушиной? Теперь это всемирно известный адрес Третьяковской галереи, он стал понятием культурно-исторического порядка и уже по одному этому нам дорог. Тут же в течение десятилетий существует большой жилой дом с квартирами писателей, и уже в скольких мемуарах можно прочитать о людях, навещавших в нем кто Пришвина, кто Сельвинского или Катаева... «Был на Лаврушинском» — и тут адрес звучит как историко-культурное «явление».

С конца 50-х годов активизировалась деятельность комиссии по наименованию улиц при исполкоме Моссовета, укомплектованной компетентными специалистами: историками, архитекторами и др.

Главные задачи этой комиссии формулируются так: рассмотрение предложений исполкомов районных Советов народных депутатов по вопросам, связанным с наименованием, переименованием и упразднением наименований улиц и площадей, а также ходатайств и предложений организаций и ведомств по этим вопросам; содействие охране названий, достойных заповедания, — отражающих историю города, революционные события, заслуги общественно-политических деятелей, военачальников, ветеранов партии, деятелей культуры и науки и др.

Предлагаемые наименования в соответствующих случаях подлежат согласованию в компетентных инстанциях — с Институтом марксизма-ленинизма, Главным политическим управлением Советской Армии и Военно-Морского Флота, творческими союзами и т. п.

Все одобренные комиссией предложения исполкомов райсоветов, организаций и ведомств вносятся на утверждение исполкома Моссовета и осуществляются только по его решениям. Присвоение улицам и площадям личных персональных имен производится в соответствии с принципами, изложенными в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1957 г.

Существенно новый этап в наименовании московских улиц начался в 1960 г. в результате проведенного тогда расширения территории Москвы до кольцевой автомобильной дороги. Включение в черту столицы пяти бывших подмосковных городов, множества рабочих и дачных поселков, сел и деревень привело к своего рода «топонимическому взрыву» — проникновению в Москву десятков местных, нередко уже издавна сложившихся комплексов названий, а в их составе оказалось почти 800 одноименных с ранее существовавшими в столице. Советских улиц в Москве стало 20, Московских — 19, Центральных — 18, Школьных — 17, Полевых — 16, Пионерских — 15. В таких же размерах дублировались названия, связанные с именами выдающихся государственных и политических деятелей — Маркса, Энгельса, Ленина, Свердлова, Кирова и многих других и с именами великих писателей — Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Горького. Одних Пушкинских улиц можно было насчитать 11.

Такое «нашествие» одноименных названий создало серьезные трудности в работе коммунальных служб и управления городом. Резко возросло количество недоставленных писем и почтово-телеграфных переводов, «заблудившихся» телеграмм; «скорая помощь» приезжала по вызову не на ту Кировскую, а пожарная команда — не на ту Пионерскую улицу. Трудно было и милиции. Немало помаялись шоферы такси, путаясь в лабиринте одноименных Садовых и Лесных улиц.

Это засилье одноименных названий было необходимо устранить. Но переплавка столь мощного пласта имен оказалась нелегким делом. Проще всего было бы декретировать замену одноименности единым распоряжением «сверху», но это ущемило бы права населения и районов Москвы — а кому, как не им, судить, на какие названия, с учетом каких местных особенностей следует изменить дублирующиеся? Однако явно ощущалось, что и одним районным комиссиям это поручить нельзя: от несогласованности их действий могли возникать новые и новые случаи дублирования. К тому же приходилось искать «престижные» замены таким названиям, как Советская, Кирова и т. п. Во многих случаях были найдены удачные решения: одна из Ленинских улиц названа Шушенской, одна из улиц Кирова — Уржумской (по имени города, где С. М. Киров родился). Один район «не хотел расставаться» с тургеневским именем и добился переименования дублировавшейся Тургеневской в улицу Вешних Вод!

Значительную помощь районным и городской комиссиям по наименованию улиц оказали в это время активисты Московского филиала Географического общества СССР. Они помогали районам в выборе названий, в обеспечении их географической грамотности и исторической преемственности, в сохранении историко-краеведческого содержания.

Географы были инициаторами группировки вновь предлагаемых названий по географическим направлениям — это как бы

продолжало традицию наименования улиц по прежним дорогам, ведшим из Москвы (Смоленская, Тверская, Серпуховская). Такой принцип оказался плодотворным и разносторонне оправданным.

Москве как столице страны вполне пристало, чтобы в именах ее улиц звучали названия не одних ближних городов, но и таких далеких объектов, как Магадан, Байкал, Камчатка, имена союзных республик и их столиц.

Оказалось очень удобным, что на плане Москвы подобные названия сгруппированы ориентированно — крымские и другие южные названия сосредоточились на юге города, приполярные — на севере. Так, услышав адрес «Симферопольский бульвар» или «Ереванская улица», шофер такси может безошибочно прокладывать маршрут на «крымско-кавказский» юг Москвы, а улицы Полярную или Печорскую легко отыщет на ее «крайнем севере».

В ряде случаев группировка названий велась не только географически, но и с учетом истории: с Севастопольским проспектом не случайно соседствуют Нахимовский проспект, Перекопская улица и Чонгарский бульвар.

В ансамбле «северных» имен участвуют и природные названия — Снежная и Полярная улицы, Студеный проезд, и названия, увековечивающие память полярных исследователей — Дежнёва, Беринга, Бегичева, Седова, Русанова, Черского, Амундсена, Нансена.

Было продолжено и применение принципа других тематических «кустов». В развитие уже произведенного в 1912 г. наименования ряда улиц в честь событий и героев Отечественной войны 1812 г. многие улицы Дорогомилова и Филей получили связанные с ними имена — Генерала Ермолова, Герасима Курина, Василисы Кожиной, Дениса Давыдова и др., а главная магистраль была названа Кутузовским проспектом.

Подобные же тематические «кусты» названий возникли и в других частях Москвы: связанные с именами военачальников — в районе бывшего Октябрьского поля, с именами ученых — на Юго-Западе и др.

Но даже система географической привязки названий оказалась не без изъянов — по разным причинам и в ней появлялись нарушения. Часть «географических» имен возникла исторически, вне связи с задуманной позже группировкой. Так, вне «крымского куста» оказались Крымский Вал и Крымская площадь; не по соседству с Новочеркасским бульваром и Цимлянской улицей находятся Донские улица, площадь и проезды. Ростовская набережная и ныне почти упраздненные Ростовские переулки не имели отношения к Ростову-на-Дону, а были названы по слободе архиереев из Ростова Великого. Но они находятся не на северном (ярославском) направлении, а по месту бывшего расположения слободы — близ Бородинского моста.

Название Ангарская Тимирязевский район Москвы успел облюбовать еще до перехода к географически ориентированным «кустам» имен, поэтому теперь многих удивляет, почему Ангарская улица оказалась не на востоке, а на северо-западе Москвы — у платформы Ховрино. Таманская улица на западе города (в Серебряном бору) лишь опосредствованно связана с Таманским полуостровом Кавказа, ибо наименована в честь Таманской гвардейской дивизии.

Еще одно нарушение принципа, при этом намеренное, возникло при наименовании новых улиц в Ясеневе. По инициативе строителей этого новейшего жилого района, работавших в творческом содружестве с архитекторами Литвы, тогдашний Черемушкинский (ныне Брежневский) район Москвы ходатайствовал о присвоении улицам Ясенева нескольких названий, напоминающих об этом содружестве. Так появились совсем не на северо-западе, а на юге Москвы Литовский бульвар и Вильнюсская улица.

В целом принцип кустовой географической привязки названий вполне оправдал себя в быту, облегчил ориентировку в городе как рядовым жителям, так и работникам городских служб, особенно такси, почты, телеграфа, «Скорой помощи», милиции.

В работе Г. П. Смолицкой и М. В. Горбаневского (1982) принцип географической группировки названий остроумно изображен графически в виде своеобразной «розы имен», построенной по аналогии с «розой ветров» у метеорологов. К сожалению, авторы книги пишут об этом принципе как о сложившемся стихийно, хотя в итоге и разумно. Они не попытались разузнать в Моссовете о режиссуре его возникновения и применения, ведь без единого плана не удалось бы создать тематически стройный общемосковский ансамбль.

В ходе работы комиссия исполкома Моссовета по наименованию улиц выработала следующие принципы, доложенные автором данной публикации Топонимическому совещанию при Московском филиале Географического общества СССР 18 марта 1981 г. и встретившие поддержку этого совещания:

1. Названия улиц должны отвечать своему служебному назначению как ориентиры и адреса, имеющие юридическое значение. Они должны быть рассчитаны на массовое общественное применение, живя в сознании, памяти и находясь в текущем пользовании миллионов людей; отвечать нормам русского языка, быть благозвучными и удобопроизносимыми, не создавать возможности ложных или двусмысленных прочтений и искажений.

2. Названия улиц — своеобразные культурно-исторические памятники, несущие значительную информацию. Особенно ценны и заслуживают сохранения, восстановления и применения при новых наименованиях названия — свидетельства истории города и страны, в том числе историко-революционные и военно-

исторические; названия, данные в честь и в память выдающихся людей, коллективов, событий, в честь народов нашей страны и братских народов, в честь союзных республик и их столиц, в честь советских городов и т. п.; названия, связанные с природными условиями города. Заслуживают сохранения колоритные и характерные названия, присущие данному городу (такие, как Кузнецкий Мост, Петровка, Зацепа, Балчуг, Арбат, Шаболовка и т. п.). Назрела необходимость провозглашения особого заповедного фонда таких неприкосновенных названий, своего рода их «Красной книги». Сбережение имен, не подлежащих замене, имеет большое научно-историческое, а с ним и идейно-воспитательное значение.

3. Названия должны быть стабильны и устойчивы, ибо переименования не только подрывают историческую преемственность, приводят к неуважению общественной памяти граждан, но и ведут к неоправданно большим расходам (на перепрописку, смену вывесок, указателей и т. д.), создают затруднения в работе многих служб и в текущей жизни населения, почему могут быть допустимы лишь в исключительных случаях.

4. Переименования бывают необходимы при ликвидации названий одноименных или близких по созвучию. В этих случаях рекомендуется сокращать лишние номерные названия (так, из четырех Мещанских улиц сохранено имя одной, бывшей 4-й, которая называется теперь просто Мещанской). Сравнительно безболезненно можно отсекать и другие серийные названия (Большая, Малая, Средняя и т. п.). Если после частичных переименований или упразднений остались улицы с «некомплектными» названиями (Малая, когда уже нет Большой; 3-я, когда нет 2-й или двух предыдущих), остатки серийных названий предпочтительнее отбрасывать. Однако устранение номерных названий оправдано лишь при нелогичной нумерации, запутывающей ориентировку, как это было с лабиринтом Черемушкинских улиц, проездов и переулков. Когда же порядковый счет отражает четкую последовательность в расположении улиц (1—16-я Парковые и др.), номерные названия вполне приемлемы, удобны и лучше их сохранять.

5. Следует стремиться к четкости и простоте, краткости и запоминаемости названий, избегать, кроме случаев крайней необходимости, упоминаемых ниже наименований, состоящих из двух и более слов.

К сожалению, это не всегда выполняется, и появляются громоздкие и труднопроизносимые названия вроде улицы 26 Бакинских Комиссаров. Конечно, подвиг и трагическая гибель этих героев достойны увековечения в самых различных формах, однако, называя в их честь улицу, следовало учесть, что в быту это название будет непочтительно сокращаться («на Комиссарах сойдете?»). Недаром Есенин свою балладу озаглавил короче, чем мы назвали улицу: «О двадцати шести!»

6. В случаях, когда все же возникает необходимость в присвоении улицам таких сложных, а также некоторых иноязычных имен, которые в живой речи и частом употреблении неудобны, легко подвергаются невольным искажениям, что может служить источником недоразумений и даже компрометировать объекты увековечения, рекомендуется называть такими именами не улицы, а площади, не имеющие собственной нумерации домов. Так, названия площадей в честь Зденека Неедлы, Амилкара Кабрала, Витторио Кодовильи и многих других зарубежных политических и общественных деятелей достойно увековечивают их заслуги. Эти имена звучат при объявлении остановок транспорта, о них говорят надписи на мемориальных досках, но почтово-телеграфной связи никакие искажения непривычных имен не грозят.

7. Вынужденным применение «двухэтажных» названий бывает в двух случаях. Когда принимается решение увековечить однофамильцев, различать их помогает упоминание перед фамилией в одном случае имени, в другом — должности, звания, специальности. Кроме того, включение в название улицы таких званий, как маршал, академик, генерал, по-своему подчеркивает высоту авторитета и уровень заслуг увековечиваемого лица.

Неизбежно упоминание имен или званий при наименовании улиц в честь лиц с широко распространенными фамилиями. Так появляются улица Академика Комарова и площадь Космонавта Комарова, улицы Летчика Бабушкина и Ивана Бабушкина (в честь революционера 1890—1906 гг.). Чтобы не путать с другими «петровскими» названиями, приходится именовать улицу Академика Петровского и площадь Академика Петрова. Применение имен наряду с фамилиями загромождает названия, но нередко способствует их индивидуализации, так что мы миримся с «двухэтажностью» названий в честь Павла Андреева и Петра Алексеева: именно в таких сочетаниях имени с фамилией прославились эти герои.

Однако случается и ненужное загромождение топонимов именами и званиями. Названия улиц Рудневой и Колесовой достойно прославляют заслуги двух героинь Великой Отечественной войны и без упоминания их имен — Евгении и Елены. Это не было учтено при наименовании улиц Наташи Качуевской и Наташи Ковшовой. Есть непоследовательность и в применении званий — их излишне часто упоминают. Проспект Вернадского звучит почетно и без титула академик, как и названия улиц Обручева, Образцова, Островитянова, Кржижановского. Можно было бы не упоминать этого звания и при таких широко известных фамилиях ученых, как Келдыш, Зелинский, Курчатов, Туполев.

8. Не следует допускать возникновения новых дублирующихся названий и их дезориентирующего повторения даже в близких по созвучию формах. При наличии улицы Яблочкова (в честь

русского инженера-электротехника) нежелательно, чтобы среди московских улиц появилась улица Яблочкиной, пусть и в нарушение традиции увековечивать в именах московских улиц всех великих артистов столицы. Заслуги замечательной русской актрисы достойно отмечены на мемориальных досках — на здании возглавлявшегося ею Всероссийского театрального общества, на доме, где она жила. Думаю, что путаница с адресами «Яблочкова» и «Яблочкиной» у работников такси и почты обиднее для памяти актрисы, чем отсутствие ее имени в пантеоне актерских названий улиц Москвы.

Приходится самокритически признаться, что названный принцип в единичных случаях был нарушен и в ходе работы комиссии. Когда в Бескудникове решили назвать одну из улиц Дубнинской, это было оправдано ее положением у Дмитровского шоссе, ведущего в Дубну; достоин такой чести и сам молодой город, прославленный на весь мир своим Объединенным институтом ядерных исследований; памятны также сражения советских воинов с немецко-фашистскими захватчиками на берегах реки Дубны в 1941 г. Словом, не было сомнений, что улицу можно назвать этим именем. Забыли об одном — о том, что между Павелецким вокзалом и Даниловым монастырем с 1922 г. существует близкая по звучанию и написанию Дубининская улица, названная так в честь одного из героев Октября — И. К. Дубинина и, следовательно, «разыменованию» не подлежащая. В результате такого недоучета и почта, и служба такси выступают с нареканиями: сколько писем и пассажиров ошибочно блуждает между Дубнинской и Дубининской улицами!

Подобную же претензию шоферы такси высказывают по поводу появления названия Кустанайская улица в Орехово-Борисове. Конечно, и город Кустанай, и замечательный Кустанайский железорудный бассейн вполне достойны быть отмеченными в ансамбле названий столицы. Но с 1958 г. существует в Филях-Мазилове Кастанаевская улица. Она была названа так в память о летчике Н. Г. Кастанаеве, погибшем в 1937 г. во время трансполярного перелета, предпринятого С. Леваневским. Уже были случаи, когда пассажиров, надеявшихся попасть в Орехово-Борисово, привозили в Фили-Мазилово.

Эти примеры — следствие своего рода фонетических недосмотров, и они показывают, насколько осторожным должен быть выбор любого наименования, какие неожиданные опасности искажений и возможности путаницы надлежит при этом предусматривать. Один из таких «обманов слуха» удалось вовремя предотвратить. В дни 500-летия Коперника в 1973 г. было решено присвоить его имя безымянному проезду близ университетской астрономической обсерватории. Услыхавший об этом шофер такси неожиданно заявил: «Есть уже Коперника». Оказалось, что он готов спутать вновь предлагаемое название с именем улицы Паперника на юго-востоке Москвы. Чтобы избежать но-

вых случаев путаницы, пришлось вопреки только что приведенной рекомендации дать улице сдвоенное имя — Николая Коперника.

А вот пример названия, оказавшегося «неуправляемым»: Ясеневая улица в Орехово-Борисове. Почему она возникла там, а не в новопостроенных кварталах Ясенева? В 1964 г. улица с этим названием появилась в районе Загорьевского дендропарка, у его ясеневой аллеи в бывшей деревне Загорье. Позже старые кварталы деревни были снесены, улица упразднена, и название сочли свободным для перенесения на новые объекты. Позже Красногвардейский район Москвы облюбовал себе освободившееся название и уже без всякой связи с ясенями Загорьевского дендропарка предложил назвать этим именем улицу в Орехово-Борисове. Но в 1976 г. так делать явно не следовало, ведь уже полным ходом шло строительство в новом жилом районе Ясенево, куда по праву и должна была «переселиться» Ясеневая улица. В результате еще одного «режиссерского недосмотра» пассажиры такси и тут страдают: либо требуют, чтобы их везли в Ясенево, думая именно там найти «созвучную» улицу, либо неопытные шоферы привозят их туда сами, за многие километры от Орехово-Борисова.

9. Названия для вновь возникающих магистралей и площадей следует намечать уже на стадии проектирования, чтобы новоселы не терпели неудобств с адресами в виде номеров кварталов, микрорайонов и проектируемых проездов.

10. Следует сохранять и восстанавливать названия населенных пунктов (слобод, сел, городов, поселков), вошедших в разное время в черту города. Они дороги нам как носители большой исторической информации и как памятники безыменным труженикам, создававшим эти поселения и обитавшим в них. При застройке территорий старых сел рекомендуется присваивать их названия хотя бы одной улице или площади в районе новостройки, возникающей на их месте.

Памятуя об этом принципе, удалось сохранить в Москве улицы с названиями Кунцевская, Тушинская, Люблинская и др. Лишь в единичных случаях пришлось отказаться от таких названий, когда это грозило новым дублированием уже существующих имен (улицы на месте села Воронцова и деревни Семеновской близ Черемушек).

При невозможности закрепить название села Ясенева в имени Ясеневой улицы было принято решение назвать главную улицу этого жилого района Новоясеневским проспектом — такое имя совместило в себе и память о старом Ясеневе, и новизну крупной стройки.

Иногда название, намечаемое архитекторами на стадии проектирования, в дальнейшем заменяется, как это было в случае с Новоарбатским проспектом — он стал проспектом Калинина. К 1985 г. продолжает бытовать условно-проектное название

Новокировский проспект, когда близки к завершению только отдельные его звенья.

11. Хорошо вписываются в топонимию столицы названия с окончанием *ка* как бы в подражание старомосковским Петровке, Рождественке, Маросейке. Вполне по-московски зазвучали новые по содержанию названия Каховка и Бирюсинка. Приемлемы и такие названия улиц, как Теплый Стан, Текстильщики, Мнёвники — они тоже продолжают старомосковскую традицию (Кузнецкий Мост, Щипок и т. п.).

12. При выборе названий нужно и впредь учитывать географическую ориентировку местоположения улиц. Заслуживают сохранения названия по дорогам и направлениям на различные города и села (Волоколамское шоссе, Тульские улицы, недавно восстановлена исчезнувшая было с карты Москвы Подольская улица). Географическую группировку названий в «кусты» хорошо бы продолжать и впредь, сведя до минимума нарушения этой системы, подобные описанным ранее. Географически сгруппированные названия помогают не только ориентировке в городе. Названия по имени республик и областей, городов и народов нашей страны по-своему прославляют их людей, их исторические судьбы, хозяйственную и культурную жизнь.

Имена союзных республик и их столиц звучат в названиях Украинского бульвара, Молдавской, Минской, Ташкентской, Бакинской и Ереванской улиц. В этом же списке можно упомянуть и Грузинские улицы, и Армянский переулок, связанные с давней историей поселения грузин и армян в этих частях Москвы (Грузинская слобода, грузинская типография, армянская церковь, Институт востоковедения, выросший из училища, основанного армянскими прогрессивными деятелями Лазаревыми). В сквере Грузинской площади воздвигнут памятник великому грузину Ш. Руставели; в Армянском переулке находится здание постоянного представительства Армянской ССР в Москве.

А Белорусская улица и Рижская площадь были названы по прежнему имени железной дороги (Белорусско-Балтийской) и по Рижскому вокзалу, но теперь и эти названия воспринимаются как законные члены «республиканского» и «столичного» списков имен.

13. Дискуссионной остается предпочтительность применения притяжательной формы. Она вполне оправдала себя в таких названиях, как проспекты Ленинский, Ломоносовский, Кутузовский и Мичуринский, улицы Пушкинская, Кастанаевская, Абельмановская, Платовская, Погодинская, переулки Абрикосовский и Потаповский, площади Пушкинская, Кропоткинская, Лермонтовская, бульвары Гоголевский и Суворовский. Но есть сторонники употребления имен собственных только в родительном падеже (улица Гончарова, переулок Маяковского). Второй принцип логичен для фамилий, кончающихся на *-ский* и *-ская*: Вернадский проспект звучит хуже, чем проспект Вернадского. Назы-

вая проспект не Калининским, а Калинина, стремились уйти от двойного чтения: Калининским мог быть и проспект в честь города.

И все же второй принцип, применение которого иногда вынужденно, чужд русскому языку, а в живой разговорной речи создает неудобства и прямые уродства. Мы слышим такие, например, обороты, как: «Шел по Горького, свернул на Станиславского». Особенно неуместно они звучат, когда в подобные фразы попадают названия с именами выдающихся женщин.

Автор данной статьи заявляет себя решительным сторонником названий первого — притяжательного — типа. Никакая статистика фактического словоупотребления, на которую ссылаются Г. П. Смолицкая и М. В. Горбаневский (1982), не должна быть решающей при выборе тенденции при дальнейших наименованиях такого рода.

14. При выборе названия рекомендуется оценивать его уместность в ансамбле названий смежных улиц, не нарушая их единства случайными и инородными именами. Имя самой знаменитой балерины среди десятка фамилий военачальников будет выглядеть странно и окажется мишенью неуместных шуток.

Однако следует стремиться и к разнообразию ассортимента названий, например избегать применения одних личных имен. Нехорошо, если список улиц города превращается в сплошной поминальник. Наряду с именами выдающихся деятелей и героев в названиях улиц должны звучать исторические события, титулы учреждений и предприятий, особенности местности, на которой возникла улица; могут быть отражены и ее внешние особенности — протяженность, ширина, благоустройство, озеленение. Желательно обеспечивать полноту тематических серий — закономерно, если Москва будет иметь улицы, названные в честь всех союзных республик, их народов и столиц.

15. Следует избегать применения излишне претенциозных названий, как бы оптимистически они ни звучали. Можно предвидеть неловкость, возникающую при чтении сообщения о панихиде на улице Радости или о несчастном случае на улице Счастливой! Не украшают списка названий и слащаво-сентиментальные имена улиц вроде Лазоревая или Ландышевая. Напротив, Соловьиный проезд в Ясеневе назван так по праву: на опушке Битцевского лесопарка и теперь поют соловьи. Достойна зваться Изумрудной и хорошо озелененная улица в Бабушкине. При выборе нейтральных названий лучше применять не вычурные, а простые и красивые русские слова, такие, как Снежная улица, Звездный бульвар.

Список названий московских улиц — не просто справочный каталог. Это и своего рода «хозяйство», и вместе с тем фронт работ — научно-исследовательских и оперативно-административных. К сожалению, в этом хозяйстве еще много неупорядочен-

ного, плохо ведется учет существующих и упраздненных улиц, есть противоречия в данных Мосгорсправки, справочника «Улицы Москвы» (1984), отделений милиции и связи. По многим улицам, числящимся упраздненными, почта до сих пор разносит корреспонденцию, так как на них продолжают существовать жилые и служебные здания.

Одна из ненормальностей в этом учете — отношение к улицам как понятиям только административно-адресным, нужным для прописки. Поэтому из справочников выпадают проезды ненаселенные, такие, как Красноворотский у Лермонтовского сквера или Южный, идущий от Каланчевской улицы к Казанскому вокзалу. Но эти проезды существуют географически, они продолжают служить транспортными трассами и даже в интересах Госавтоинспекции должны были бы удостоиться собственных имен. Удобно ли направлять транспорт в безымянные проезды или расследовать дорожно-транспортные происшествия, не имеющие адреса?

Однако были случаи даже намеренного упразднения названий якобы ненаселенных проездов, например по обеим сторонам Малого кольца Окружной ж. д. на участке между площадью Гагарина и улицей Вавилова. На обоих проездах напряженное движение, выезды с них на улицу Вавилова служат частой причиной пробок и сложных транспортно-пешеходных ситуаций, а коротко назвать, где это происходит, невозможно. Бывшие Окружные проезды при искоренении одноименных названий были оставлены просто безымянными.

Не случайно о них было сказано как о якобы ненаселенных: на них выходят фасады немалого числа зданий. Но беда в том, что некоторые административные службы города предпочитают «расписывать» нумерацию домов (и не только угловых) и прописывать граждан по соседним улицам, в данном случае по улице Вавилова и Ленинскому проспекту.

Многие проезды оставались безымянными лишь потому, что в проектных материалах архитекторов числились в низком ранге внутриквартальных. Этот ранг был понятием не только формальным — от него зависела, в частности, и норма расходов на поддержание благоустройства проезда.

Долго оставалась без имени уже упоминавшаяся улица на Юго-Западе, лишь в 1973 г. получившая имя Николая Коперника. Ее не хотели называть, потому что ее дома и жильцы были «расписаны и прописаны» по соседним Молодежной улице, Университетскому и Ломоносовскому проспектам.

В течение 20 лет оставался безымянным проезд, параллельный Ленинскому проспекту, хотя и играющий роль транспортного дублера на одном из его участков (трасса маршрутных такси, подъезды к больнице, отделению милиции, нескольким школам).

В 1977 г. и здесь наконец появилось название — улица Фо-

тиевой, и для многочисленных зданий отпала необходимость формально числиться по Ленинскому проспекту, на который они вовсе не выходят.

Стремление «расписывать» здания по соседним улицам иногда принимает и вовсе абсурдные формы. Если ехать от центра по Профсоюзной улице, можно удивиться большому перерыву в нумерации зданий по ее правой стороне. А вместе с тем оставлена без названия обширная уходящая вправо улица, обстроенная многими домами, — главная артерия бывшего Новоконькова. Согласно изложенным принципам, ей полагалось бы присвоить имя Новоконьковская как единственный след от былого села. Однако ее здания расписаны по перпендикулярной и весьма удаленной Профсоюзной улице. Так, более чем за километр от нее расположен в бывшем Новоконькове академический пансионат для престарелых, числящийся по Профсоюзной улице под № 132, корпус 8. Найти его по такому адресу — нелегкое дело.

Вот как много еще нужно сделать по административно-географическому упорядочению сети московских названий. Не менее важна и исследовательская работа по выявлению и научной паспортизации ценных имен с должным обоснованием их взятия под охрану для последующего создания и утверждения «Красной книги» — заповедно-охранного списка названий, не подлежащих замене.

Районные Советы народных депутатов и проектные организации призваны выявлять, какие из названий улиц, упраздняемых, исчезающих, надлежит сохранить, присвоить их соседним улицам в районах новостроек. В этой работе особую роль должны сыграть районные архитекторы. Их обязанность — быть в контакте с краеведами и историками Москвы, которые помогут им максимально учитывать исторические и ландшафтные особенности в районах наименовываемых объектов. Думается, что неправильно основывать эту работу на деятельности одних административных инстанций и общественных комиссий. Тут нужна централизация с созданием единого научно-справочного фонда былых и существующих названий — своего рода «банка» топонимической информации. Исчерпывающая картотека такого рода должна была бы существовать и постоянно пополняться при Музее истории и реконструкции Москвы. Ведение картотеки могло бы стать одной из непрерывно разрабатываемых тем научных исследований этого музея. Именно ему, а не разрозненным обществам (охраны памятников, Географическому) посильно объединить для работы над этой проблемой коллектив разносторонних специалистов — историков, географов, краеведов, лингвистов-топонимистов, градостроителей, озеленителей.

Заслуживают продолжения исследования фонда уже существующих названий с их типологической группировкой: военно-исторической, историко-революционной, персонально-мемориальной и т. д., как это сделано в книге «Имена московских улиц»

(4-е изд., 1985) или у Г. П. Смолицкой и М. В. Горбаневского (1982).

Но более неотложная задача — заполнить имеющиеся пробелы в объяснении истории названий. Число таких пробелов сегодня все еще резко увеличивается от центра города к периферии. Если историки и топонимисты старой Москвы уже основательно изучили пласты ее названий в пределах Камер-Коллежского вала, то полнота и достоверность сведений существенно убывают в полосе между заставами этого вала и Малым кольцом Окружной ж. д. Во внешнем же поясе города особенно много пробелов. Историко-краеведческие данные по городам и поселкам, включенных в пределы столицы в 1960 г., систематически еще не изучались и оказываются затронутыми лишь в единичных публикациях (например, Молева, 1982). Эта проблема заслуживает постановки специальных и развернутых историко-топонимических исследований.

Э. М. Мурзаев

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ТОПОНИМИИ МОСКВЫ

Москва — древний город. И естественно, что названия ее улиц, площадей, переулков и физико-географических объектов — рек и речек, возвышенностей — формировались исподволь, на начальном этапе стихийно, а затем как-то регламентировались органами городского управления. При этом следует учитывать, что хотя зарождение и становление многих топонимических образований относятся, по официальным данным, к прошлому столетию, истоки ряда названий Москвы уходят в глубь времен.

Номинация, при которой используются народные географические термины, — обычный прием. Не исключение и наименования городских объектов.

Первая улица, известная с 1468 г., — Великая, или Большая, в Зарядье — не сохранилась. Самый старый топоним Москвы включает слово *река:* Замоскворечье (или просто Заречье) бытует и ныне, обозначая правобережье столицы, которое оказалось на противоположной стороне от Кремля, где зародился город.

Многие старые термины, весьма активные в номинации в прошлые века, потеряли свою продуктивность. В названиях, присвоенных в послеоктябрьскую эпоху, они практически не встречаются. Одна часть исчезла в связи с переименованиями, другая сохранилась в топонимах и несет практически только историческую информацию, не соответствуя современным реалиям. К таким старым терминам относятся: бутырки, вал, ворота, гора, застава, рог, ряд, слобода, хутор. Два термина (гора,

рог) отражают физико-географические (геоморфологические) объекты, остальные характеризуют типы населенных пунктов или оборонительных сооружений. Покажем, как отразились перечисленные термины в топонимии Москвы.

Бутырки. Это слово было широко распространено на Руси для обозначения поселений на отшибе, в стороне от большого села или города. Сохранились названия: улица Бутырская, возникшая на месте пригородной стрелецкой слободы Бутырки; улица Бутырский Вал, три Бутырских переулка и площадь Бутырской Заставы. Исчезли из перечня городских объектов Бутырский проезд (ныне Масловка), аллея Бутырского Хутора (ул. Яблочкова), проезд Бутырского Хутора (ул. Руставели).

Вал. Термин весьма специфичен для топонимии Москвы. Известно, что так называемый Земляной город был окружен земляным валом, построенным Борисом Годуновым в конце XVI в. По валу получил имя и Земляной город, расположенный между Бульварным и Садовым кольцом, в Заяузье и Замоскворечье (Сытин, 1952). Валов как элементов антропогенного рельефа уже нет, но слово хорошо сохранилось в названиях улиц как часть сложного собственного имени. Оно почти всегда оказывается в позиции определяемого и сопровождается прилагательным-определением. Естественно, что такие топонимы приурочены к исчезнувшим Земляному и Камер-Коллежскому валам. Мы знаем улицы Бутырский Вал, Госпитальный Вал, Грузинский Вал, Даниловский, Зацепский, Золоторожский, Измайловский, Крутицкий, Можайский, Олений, Пресненский, Серпуховской, Семеновский, Симоновский, Сущевский, Трехгорный (по урочищу Три Горы), Фрунзенский (бывший Хамовнический) Вал. По другой модели оформлено только одно имя Валовой улицы. Исчезли Коровий Вал (ныне Добрынинская ул.), Покровский Вал (Абельмановская ул.), Черкизовский Вал (Краснобогатырская ул.).

Ворота. Термин используется в номинации в старых городах, которые имели оборонительные стены, насыпанные валы и часто сопровождающие их рвы. И конечно, он обычен в названиях городских объектов не только в древних русских населенных местах, но и в западных и восточных странах. В Средней Азии его синоним — дарваза. В Киеве — историческая достопримечательность Золотые Ворота.

В Москве ворота есть или были в Кремле, Китай-городе, Белом и Земляном городах. В Белом было 10 ворот, в Земляном — более 30. Свое нарицательное значение слово сохранило в Кремле, где ворота и поныне служат его архитектурным украшением: Спасские, Боровицкие, Троицкие ворота. Но нередко термин выступает как часть собственного названия площадей: площади Покровских, Петровских, Сретенских, Ильинских, Кировских Ворот. Пречистенские Ворота ныне имеют официальное имя площадь Кропоткина, но называются и площадь Кропоткинских

Ворот. Пока не изменились названия Никитских и Яузских Ворот, однако их нередко уже называют площадями Никитских и Яузских Ворот.

Жизнь и здесь внесла поправки: возникли Лермонтовская площадь вместо площади Красных Ворот, Таганская площадь вместо площади Таганских Ворот, площадь Ногина вместо Варварских Ворот, площадь Маяковского вместо Триумфальных Ворот. Уже мало кто знает, что Арбатская площадь когда-то называлась площадью Арбатских Ворот, а площадь Революции — Неглинскими и Воскресенскими Воротами, через которые можно было попасть в Китай-город. Как видим из этого перечня, у ворот возникли площади, откуда расходились улицы, почему имена ворот распространились и на названия ближайшей городской территории. А вот улицы уже очень редко повторяют имена ворот. Ныне известна улица Чугунные Ворота в Кузьминках. Однако эти ворота не имели тех охранительных или таможенных функций, которые были присущи большинству ворот старой Москвы. В Кузьминках чугунные ворота — часть архитектурного ансамбля парка.

Гора. «Москва стоит на семи горах (холмах)». Трудно сказать, сколько их было в прошлом, когда наша столица была очень небольшой. Еще сложнее подсчитать, сколько гор в современной большой Москве. И что считать горой, что холмом? Кремлевский холм, плоская поверхность обрыва Ленинских гор... А где гора в микрорайоне Соколиной Горы? В топонимии Москвы слово «гора» встречается часто, рождая названия по разным моделям. Оно нередко фигурирует и в уменьшительной форме — горка. Перечислим некоторые: улица Владыкина Горка; Красногорские проезды по местности Красная Горка; Подгорская набережная и улица Хорошевская Горка (в прошлом просто Горка); Нагорные улицы; бульвар, переулки, улица Трехгорный Вал и Трехгорные переулки. Много улиц Соколиной Горы, помеченных номерами. Наконец, вспомним всем известные Ленинские горы, откуда открывается широкая панорама столицы. Это название появилось в 1935 г. и сменило Воробьевы горы. Здесь в далеком прошлом было село Воробьево, расположенное «на горах».

Из забытых имен следует кратко задержаться на Вшивой горке. Считают, что улицы и переулки получили такое неблагозвучное имя по народной этимологии (первоначально Ушивая горка — по колючей траве ущ). Но нужно иметь в виду, что в древнерусском языке *ушив* — головное покрывало, а слово «голова», как известно, часто употребляется для обозначения гор, горок, холмов. Кроме того, в прошлом вошь — любое кровососущее насекомое, а не только паразитирующее на теле человека. Ведь Вшивая горка поднималась над Яузой, которая текла в болотистых берегах, что способствовало обилию кровососущих насекомых — комара, мошки. Ныне это улица Володарского.

Как в условиях рельефа Москвы отличить гору от холма? Практически это невозможно. Слово **холм** в номинации городских объектов количественно уступает горе. Известны Краснохолмские мосты — Большой и Малый, улица Краснохолмская, ныне Народная, а Краснохолмский проезд — Нижняя Краснохолмская улица. За устьем Яузы местность называлась Красный Холм. Упомянем и Холмистую улицу.

Застава. Слово, популярное в топонимии Москвы в начале XVIII в., ныне потеряло свою назывательную продуктивность и сохранилось в единичных именах: Заставный переулок (по бывшей Тверской заставе) и Дорогомиловская Застава. В четырех случаях термин присутствует в собственных названиях площадей: Крестьянская Застава (бывшая Спасская Застава), Краснопресненская Застава, Серпуховская Застава, Абельмановская Застава (бывшая площадь Покровской Заставы). На Камер-Коллежском валу было 18 застав, названия многих из них исчезли. Площадь Крестовской Заставы ныне Рижская; Калужская Застава стала одной из самых красивых площадей Москвы и носит имя первого космонавта Юрия Гагарина. Ее украшает монументальный памятник герою. Тверская Застава теперь площадь Белорусского вокзала. Рогожская Застава была переименована в площадь Заставы Ильича, а потом ее слили с площадью Ильича (бывшей Рогожской-Сенной).

Рог, враг. Эти слова обладают значением «мыс, овраг, овражек». По ручью Золотой Рожок (названному так по заливу Золотой Рог в Константинополе) возникли имена: улица Золоторожский Вал, бывшая Золоторожская улица (ныне Волочаевская). Все знают переулок Сивцев Вражек на Арбате (по речке Сивка). Но был еще Пометный Вражек, куда сваливали навоз с Конюшенного двора. Был также переулок Кожевнический Вражек (теперь Шлюзовый переулок). Одна из Расторгуевских улиц в Бирюлеве именовалась Овражной. Новые образования — две улицы и два переулка Овражные, получившие такие имена по карьерам Никольского кирпичного завода как свидетели антропогенного воздействия на рельеф.

Топонимы Рогожский Вал, Большая и Малая Рогожская и Новорогожская улицы, бывшая Рогожская застава, расположенные на восток от Таганки, связаны с именем бывшей Рогожской ямской слободы, по селу Рогожь, этимология которого восходит к растению рогоз (рогожа).

Ряд. Известно, что торговля в старой Москве специализировалась по рядам. Где шла торговля живностью — Охотный ряд, хрусталем и стеклом — Хрустальный ряд, мукой — Мучной ряд, лесом — Лесной ряд. С течением времени слово «ряд» в номинации частично сохранилось в именах улиц: Каретный Ряд (в прошлом — Тележный Ряд), Леснорядские улицы и переулок. Ветошный Ряд претерпел изменения: Ветошный переулок (позже проезд Сапунова), Хрустальный торговый ряд Гостиного двора

известен как Хрустальный переулок, Нижегородский лесной ряд переименован в Новорогожскую улицу, а Охотный Ряд — в проспект Маркса. За торговыми рядами спускалось к реке Зарядье.

Слобода. Рассмотрим три направления развития ономастической лексики с участием этого термина. Первое из них — термин исчезает, но сохраняется его определение: уже нет Крутицкой слободы, но есть улица Крутицкий Вал, Крутицкая набережная, Крутицкие переулки. Мельницкая слобода оставила наследника — Мельницкий переулок, а Мещанская слобода — Мещанскую улицу (в недавнем прошлом их было несколько). В Воротниковской слободе жили воротники — стражи у кремлевских ворот. Ее следы — улица Воротниковская и Нововоротниковский переулок. Бронники — мастера, изготовлявшие броню, — образовали Бронную слободу, ныне всем москвичам известные Большая и Малая Бронные улицы. В конце XV в. появилась слобода кузнецов, ныне здесь одна из самых оживленных улиц Москвы — Кузнецкий Мост. Другая, более молодая слобода кузнецов возникла в XVII в. Отсюда Кузнецкая улица (ныне Новокузнецкая) и станция метро. В Трубничьей слободе жили печники и трубочисты — ныне Трубниковский переулок. В районе Тверской улицы были слободы ямщиков и ямы — постоялые дворы, обслуживавшие тракт, ведущий в Тверь и Петербург. Название Тверской-Ямской слободы сохранилось в нескольких улицах Ямского поля. От длинного названия Нижняя Тверская Санкт-Петербургская слободка осталось только короткое — Нижняя улица. От Сокольнической слободки (XVII в.) остались названия — улица Сокольническая Слободка, Сокольнический Вал, несколько Сокольнических улиц и площадь Сокольнической Заставы. Улица Куриная Слободка ныне стала Строгановским проездом, проезд Швецова Слобода — Вторым Автозаводским проездом. Плотничья слобода одно время называлась Никольский переулок, а теперь — Плотников. Овчинная Конюшенная слободка опознается в Овчинниковской набережной, Большом и Малом Овчинниковских переулках. Примеры, показывающие исчезновение нарицательного «слобода», можно продолжить.

Второе направление в развитии названий со словом «слобода» показывает его сохранение и переход в ономастическую категорию путем словосложения или словосочетания. Слобода каменщиков, обслуживающих кремлевские сооружения, дала название Каменнослободскому переулку. Другая слобода каменщиков породила имена улиц Большие и Малые Каменщики, но они уже потеряли связь со словом «слобода». Были Старая, Новая и Малая Дмитровские слободы. Ныне известны Новослободская улица и станция метро. Добрая слободка оставила Доброслободский переулок в Бауманском районе. И наконец, новые образования — улица Ленинская Слобода — в прошлом часть Симонослободского Вала. В Сокольниках есть Старослободская

улица и Старослободской переулок. Здесь некогда в Старой слободке жили царские сокольничьи.

Третье направление характеризуется прямым переходом нарицательного «слобода» в собственное имя: две улицы Слобода в Дегунине, переулок Слободской от слободы у Проломной Заставы на Камер-Коллежском валу. Кроме того, в целях ликвидации одноименности в 1922 г. переименованы четыре Слободских переулка, улица Слобода в Крылатском и Старая Слободка (ныне Поморская улица) в Бескудникове.

Как видно из приведенных примеров, все названия улиц или площадей со словом «слобода» так или иначе уходят своими истоками в историческое прошлое. Все они могут считаться архаическими, даже если переоформлены в наше время. Известны исключения — новые образования: улица Ленинская Слободка, построенная в 1930 г. на пустыре, и вновь присвоенное в 1966 г. Большой улице имя Штатной Слободы.

Хутор. В Москве была улица Хутор, имя ее без изменений повторяет нарицательное слово. Три улицы и четыре переулка носят название Хуторских. Все они находятся близ бывшего Бутырского хутора. Улица Гончарова до 1958 г. была известна как Левый проезд Бутырского хутора.

Крутец. По крутому берегу Москвы-реки некогда располагалось Крутицкое архиерейское подворье. Его топонимические наследники — улицы Крутицкий Вал, Крутицкие улицы, набережная и четыре переулка. С высокого берега Яузы «падает» Крутоярский переулок.

Ландшафтные термины также получили отражение в топонимии Москвы.

Лес. В большой Москве было очень много Лесных улиц. Из них в борьбе с одноименностью 11 исчезли, но сохранились Лесная улица, четыре Лесных и Налесный переулки, Леснорядская, Новолесная улицы. Интересно, что среди переименованных была улица Вырубка Леса, ныне Третий Лихоборский проезд.

Бор. Слово «бор» отложилось в названиях: микрорайон Лихоборы, речка Лихоборка, улицы Лихоборка, Верхнелихоборская, Лихоборские Бугры, Лихоборские набережная, проезды и тупики, Нижнелихоборские проезды. В этом же ряду Боровая улица, Боровское шоссе, Боровицкая площадь, Боровицкие ворота Кремля. К «лесным» топонимам примыкают улица Старый Гай, две Рощинские улицы, несколько проездов и улиц Марьиной Рощи, улица Тюфелева Роща. Сюда же новое образование (1964 г.) — Таежная улица в Бабушкинском районе.

Поле. Слово «поле» издавна было составным элементом топонимии Москвы: улицы Большая и Малая Полянка и Полянские переулки; улица Палиха (в прошлом Полиха); проезд Девичьего Поля близ Новодевичьего монастыря на месте урочища Девичье Поле; улицы Верхние Поля и Нижние Поля в Люблине. Несколько улиц и переулков образуют «куст» Октябрьского Поля.

Есть Напольный проезд в Ивановском. При увеличении площади Москвы переименованы 13 Полевых улиц в бывших пригородах.

Луг. Этот термин встречается в именах Лужнецкой набережной и проезда. Всем известно урочище Лужники, где построен спорткомплекс на низменном левом берегу Москвы-реки. Улица Кашенкин Луг получила имя по речке Кашенке. В ближних пригородах Москвы было несколько Луговых улиц, с 1960 г. они вошли в городскую черту и впоследствии переименованы. Улица Лужниковская получила имя Бахрушина, Большой Лужников переулок стал Вишняковским.

Болото. В прошлом в Москве было немало топких, болотистых мест, но постепенно они исчезли из городского ландшафта. Болотная площадь ныне площадь Репина, украшенная величественным фонтаном и памятником художнику. Были и две Болотные улицы, им присвоены имена Торфяной и Татьяны Макаровой. Болотно-Рязанская улица стала Московско-Рязанской, а Болотный переулок — Московско-Рязанским. В списке топонимов Москвы осталось одинокое имя Болотной набережной.

Продуктивны в номинации еще пять народных терминов: **берег, песок, пруд, сад, грязь.** Река Москва петляет в пределах города на протяжении десятков километров. Естественно, что слово «берег» и его производное — «набережная» получили отражение в топонимии столицы. Левобережная улица и два проезда сопровождают левый берег канала им. Москвы. По правому берегу находится Правобережная улица. Близ канала возник Прибрежный проезд.

Бережковская набережная (около Киевского вокзала) построена вдоль реки, там, где в прошлом было урочище Бережки и Бережковская рыбацкая слобода. Улица Набережная, связанная с рекой Серебрянкой, теперь упразднена, а улицы Большая Набережная и Малая Набережная приурочены к каналу им. Москвы и деривационному каналу в Тушине. Исчезли имена Набережных улиц в Братееве (ныне Паромная), Мякинине (Первая Мякининская), Строгине (Третья улица Строгина). Однако и в наши дни термин «берег» (набережная) сопровождает имена московских объектов в качестве нарицательного служебного слова: Болотная, Кремлевская, Раушская, Озерковская, Шлюзовая, Краснохолмская, Крутицкая, Смоленская, Краснопресненская набережные и много других.

Террасы рек Москвы сложены песками. Признак песчаной почвы учитывался при номинации городских объектов. Архаичная прилагательная форма «песковский» получила отражение в таких названиях, как Новопесковские переулки, Спасопесковские площадь и переулок — по церкви Спаса-Преображения на Песках, Николо-Песковские переулки (ныне улицы Вахтангова и Федотовой) — по церкви Николы на Песках. Наконец, несколько Песчаных улиц и переулков, Малый Песчаный переулок на северо-западе Москвы. Часть Малого Песчаного переулка стала

улицей Врубеля. Есть и Песочный переулок, но уже в другом конце города, на северо-востоке.

Слово **пруд** частое в топонимии столицы: Краснопрудные улица, переулки, тупики получили название по уже исчезнувшему Красному пруду; две Напрудные улицы в Бабушкинском районе, Трехпрудный переулок. Всем известен Чистопрудный бульвар. Уютно название улицы Пруд-Ключики близ шоссе Энтузиастов, где родниковая вода питает пруд в верховьях речки Нищенки. Исчезли с плана столицы Прудная улица, Верхняя Прудовая и Нижняя Прудовая улицы (ныне Конюшковская и Дружининская), а Прудовая набережная стала набережной Шитова. Напрудная улица изменила свое имя на Токарную.

Слово **сад** обычно в номинации многих русских городов, где часто можно обнаружить Садовые улицы. Москва в этом отношении не исключение. Многие, даже не москвичи, знают Садовое кольцо, по которому протянулись Большая Садовая улица, Садовая-Каретная, Садовая-Кудринская, Садовая-Самотечная, Садовая-Спасская, Садовая-Сухаревская, Садовая-Триумфальная, Садовая-Черногрязская. В поселке Ленино есть Садово-Крестьянская улица. По подмосковной деревне Садовники названы в 1964 г. улицы Садовники и Садовая Слобода. По древней Нижней Садовнической слободе получили имена Садовнические набережная и переулок. У Курского вокзала есть Садовый тупик. Название Старосадский переулок — свидетель, указывающий на княжеские сады в урочище Старые Сады. Ныне здесь, в густонаселенных кварталах, прилегающих к улице Богдана Хмельницкого, мало что, кроме топонима, напоминает о садоводстве. Восемь Садовых улиц переименовано при расширении границ Москвы в 1960 г.

Грязь. Это слово в значениях «болото, топкое место» отложилось в гидрониме Черногрязка. Сохранились имена: Садово-Черногрязская улица, Черногрязская улица и переулок. Переименовано несколько «грязных» имен. Вместо них — Вторая Лесорядская улица, Рахмановский и Аристарховский переулки.

Малой номинативной продуктивностью отмечены следующие термины. **Мост** — Кузнецкий Мост. **Озеро** — Озерковские набережная и переулок, Озерная улица. **Остров** — Лосиноостровская улица и одноименная железнодорожная станция в пределах города; не сохранилась Островская набережная (ныне Подгорская набережная). **Река** — Заречная улица, Москворецкие улица, переулок, набережная, метро «Речной вокзал». **Мыс** — улица Зеленый Мыс. **Сходня** (из первоначального **всходня**) — Новосходненская и Сходненские улицы, переулок, тупик. **Устье** — Устьинские набережная, проезд, мост через Яузу при впадении ее в Москву-реку, был и Устьинский переулок (ныне Большой Подгорный). **Яр** — Крутоярский переулок. **Котлы** — исчезло имя деревни Котлы; Верхние и Нижние Котлы поглотило Варшавское шоссе; еще сравнительно недавно была Котловская улица (ныне

Симферопольский бульвар). **Затон** — Затонная улица. **Ключ** — Ключевая улица. **Колодезь** — улица и переулок Колодезные. **Дубки** — улица Дубки. **Глина** — Глинищевский переулок (ныне улица Немировича-Данченко) и Глинистый переулок; под вопросом этимология реки Неглинки. **Дача** — в пределах современных границ Москвы было 10 Дачных улиц и переулков, все находились в ее пригородах, теперь они не сохранились. **Дворец** — Дворцовая аллея, Дворцовые правая и левая аллеи в Петровском парке, но было еще четыре Дворцовых улицы, они переименованы. **Дорога** — Дорожная улица. Исчезло слово **брод** из топонимии Москвы: Вторая Бауманская улица с 1933 г. заменила улицу Коровий Брод. Бродников переулок в районе Большой Полянки не связан с термином. Он носит фамилию Бродниковых, имевших здесь свечной завод. **Проток** — ручей. Проток образует имя Проточного переулка, в прошлом Водопроточного. **Пустошь** — была улица Марьина Пустошь; **пустырь** — был Пустырный переулок. **Перерва** — улица Перерва. Слово **яма** использовано в названии церкви Николы на Ямах, что получило отражение в именах Николоямских набережной, переулка и тупика. Однако названия Ямских улиц, нескольких улиц Ямского Поля и Тверской-Ямской, как уже было сказано, имеют другую этимологию. **Колено** в значении «изгиб, поворот, излучина» лежит в имени Кривоколенного переулка и Коленчатой улицы. Есть в Москве Елоховский проезд; некогда были Елоховская слобода, Елоховские площадь и улица (Бауманская площадь, Спартаковская улица). Эти топонимы перекликаются с именами Елхово, Елховка в разных областях РСФСР, Елховский Куст в Ульяновской области. В словаре русских народных говоров (1972, вып. 8, с. 347) находим: **елох** — лиственный лес среди луга (в Кировской области). Сравним: ольха, в диалектах — ёлха.

Слова **деревня, село, город** не так часты в топонимии Москвы, как можно было бы ожидать при неуклонном процессе поглощения столицей пригородных населенных мест, но все-таки они есть, хотя несколько названий, связанных с этими терминами, оказались переименованными, среди них три Поселковых (ныне Олонецкая, Первая Новокузьминская улицы, Второй Покровско-Глебовский проезд). Но живут Бабьегородские переулки, улица Дьяково Городище, Новопоселковые улица и проезд, Красносельские улицы, переулки, тупик, метро.

Следует особо сказать о терминологических топонимах с затемненной или спорной этимологией.

Дербеневская улица появилась на местности Дербеневка. Сравним: *дерба* — заросшая пашня, с которой сдирается почва и растительность. Название Раушская набережная звучит не по-русски и никак не ассоциируется с каким-либо славянским термином. Между тем оно первоначально произносилось Ровушки. Здесь на берегу Москвы-реки были рвы, спасающие от наводнения. Позже на месте этих рвов сооружен Водоотводный

канал. Переулок Чертольский в урочище Чертолье назван так по оврагу, где протекал ручей Черторый. Слово **чёрт** в топонимии употребительно в случае номинации географических объектов, трудных для преодоления или освоения. Название не одиноко: Черторой — рукав Днепра в Киеве, озеро Черторыя в бассейне Вислы. Восклицание «о, черт!» произносится при трудных, досадных ситуациях, возникающих в повседневной жизни. У В. И. Даля (1912, 4, с. 1359) можно прочитать: «Чертово городище — скалистый гребень горы, группа надводных скал в море». Трудный, крутой подъем на Яйлу в районе Алупки у крымских татар получил название Шайтан-Мердвен, или Чертова лестница. Черторой — словосложение: черт+рой. Яма, овраг, вырытый чертом. Сравним: свинорой. Отметим, что А. А. Белецкий (1972, с. 109) справедливо пишет о трудностях отделения слова «чёрт» от черта (чертеж), также употребительного в топонимии в значении «граница, владение, рубеж». О московском Четорые и Чертолье см. у Ю. Федосюка (1980, с. 126).

Улица Потылиха возникла на месте пригородной одноименной слободы. Здесь слово **тыл** — задняя сторона. Название оформлено обычным топонимическим суффиксом *-иха*: по+тыл+ +иха.

В Москве были известны немецкая слобода Кукуй на реке Яузе и ручей Кукуй — приток Яузы. О содержании этого топонима, связанного, несомненно, с терминологической сферой лексики, писали и спорили. Так, В. Фасмер (1967, т. 2, с. 284) указывает: Кукуй — Иванов день (23 июня). Сравним финское «кокко» — праздничный костер, конусообразная куча. «Не ясно, относится ли сюда название немецкой слободы в Москве — Кокуй». Но названия в формах Кокуй, Кукуй повторяются в населенных пунктах в Свердловской и Читинской областях, в Удмуртской АССР; в Белгородской области есть Кукуевка. В Словаре русских народных говоров (1978, т. 14, с. 103; 1980, т. 16, с. 45) кокуй, кукуй отвечает значениям «перелесок» в зоне лесостепья, «выселок» в Забайкалье, «малоплодородный участок земли с песчаной почвой» в Кировской области, собственное название многих деревень. Добавим: небольшая роща с диким полем и степью. В Пермской области — поле, кладбище.

Деревня Раменки ныне известна как новый микрорайон столицы. Название многократно повторяется в топонимии РСФСР. **Рамень** — густой лес, лесная глушь, окраина леса, лес у поля, селение у леса. У геоботаников — ельники на незаболоченных, хорошо дренируемых почвах. Одни этимологи находят связь с **рама** — окраинная земля. Н. В. Откупщиков (1965, с. 88—89) видит корень *ра*+суффикс *мень* (ср. сухмень, пламень). Основа *ра* связывается с глаголом *орати* — пахать. Первоначально рамень — пашня у края леса, поселение на опушке.

Выше шла речь о русских географических терминах в топонимии Москвы. Но здесь присутствуют и иноязычные названия,

восходящие также к апеллятивной лексике: Арбат, Балчуг, Миусы, Ордынка, Таганка.

О происхождении очень известного имени Арбат спорят, и споры не утихают по сей день. Есть также Арбатецкие улица и переулок, Кривоарбатский переулок. Была улица Малый Арбатец (Дурасовский переулок). Наиболее вероятная версия связывает Арбат с арабским, а позже и тюркским словом «рабад», «рабат» (форма множественного числа — арбад) — окраина города, предместье, караван-сарай, сторожевой пост, иногда монастырь. Многие топонимы в наших среднеазиатских республиках и в арабских странах включают это слово. Вспомним также Арабатскую стрелку в Крыму (по уже не существующему укреплению Арабат) и столицу Марокко — Рабат. Неясны пути проникновения арабского слова в топонимию Москвы. По-видимому, следует предположить тюркское посредство. Тюркизмы в топонимии Москвы нередки, один из них — улица Балчуг (балчык — «грязь, болото, влажная земля, глина»). В казахском языке — балшик, в азербайджанском — палчыг, в монгольском — балчиг — «болото, трясина». Этот термин широко распространен в топонимии южных и восточных областей нашей страны: населенные места Палчыглы в Азербайджане, Большой Балчуг в Красноярском крае. Кроме того, город Балчуг в Болгарии.

Еще тюркизм — площадь и улицы Миусские. Легенда связывает их с именем некоего казака Миуски — соратника Степана Разина. В 1696 г. на Азовском море, в устье реки Миус, Петр Великий сооружал гавань. «Материалы для ее строительства заготовлялись в разных местах и, вероятно, в Москве. На поле между Тверской-Ямской и Новой Дмитровской слободами мог находиться склад строительных материалов для Миюсской гавани — Миюсский склад, по которому местность, вероятно, и стала называться Миюсским полем». Автор этой цитаты П. В. Сытин (1952, с. 456), судя по ее тексту, не очень убежден в правоте такого утверждения. В короткой цитате видны сомнения: «Материалы... заготовлялись в разных местах и, вероятно, в Москве»; «мог находиться склад», «по которому, вероятно, и стала называться...» Три вольных предположения, но нет фактов. Между тем топоним Миус(ы) повторяется в украинских гидронимах р. Миус, р. Кальмиус, оз. Миус. Кроме того, р. Миус впадает в р. Иргиз бассейна Волги. Есть также р. Миоша, приток Камы. Возможно, в этом ряду р. Мияс (Миас, Миасс) на Южном Урале. Е. С. Отин (1974, с. 83—88) пишет, что в основе таких названий «лежит образ угла или рога». Сравним тюркские слова: мыйыс, мис, мюгюз, мюз, мюс — «рог», переносно «мыс»; муш, мюйш — «угол». В ногайском языке муйиз — «рог».

Одна из старых улиц в Замоскворечье — Ордынка. Отсюда некогда начиналась дорога в Золотую Орду. Это тюркско-монгольское слово стало достоянием многих европейских языков. Орда, орду — «лагерь хана, дворец, войско, страна, государст-

венные союзы кочевых племен». В русском языке первоначально оно обозначало «стан, кочевье». Позже появились значения «удел, область, крепость, пограничное войско, шум, беспорядок, банда, шайка». Помимо восточнославянских языков слово отмечается в польском horda — «орда», болгарском орда — «военный отряд», немецком horde — «орда, шайка», итальянском orda, английском horde — «орда, ватага, стая, рой насекомых», французском horde — «орда, шайка, ватага». О значениях слова «орда» в русском языке и диалектах см. статью Г. А. Богатовой (1970). Многочисленные топонимы этого ряда собраны Г. Ф. Благовой (1972).

Наконец остановимся на происхождении популярного названия площади, улицы, станции метро — Таганка. Здесь некогда была слобода мастеров, производящих таганы — металлические треножники, подставки под котлы. Тюркское слово «таган» восходит к греческому «теганон» — сковородка с ручкой — и оказывается также географическим термином. Оно обнаруживается в большом топонимическом ряду: селения Таганча в Киевской и Черкасской областях, Таган в Новосибирской области, гора Алтын-Таган на Алтае, город Таганрог в Ростовской области. В географии таган — «гора, холм, вершина горы».

Какие же выводы можно сделать из обзора об участии народных географических терминов в топонимии Москвы? Русская, да и не только русская, номинация широко использует географическую лексику. Москва не исключение. Однако количество терминологических топонимов со временем постепенно уменьшается. Многие старые слова теряют свою продуктивность и практически выпадают из употребления, переходя в пассивный запас, кое-где сохраняясь только в названиях, зарождение которых — в прошлом. В нашу эпоху они не принимают участия в наименованиях вновь возникающих городских объектов. В последние полвека значительно увеличилось число мемориальных топонимов. К ним относятся, например, Ленинский проспект, улицы Ленинская Слобода, Ленинская Слободка, Ленинская площадь, Ленинский проезд, Ульяновская улица, Ульяновский переулок; проспект Маркса, улица Маркса — Энгельса, улица Карла Маркса, улица Фридриха Энгельса; проспект Калинина, улицы Бебеля, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Станиславского, Вахтангова, Чайковского, Горького, Льва Толстого, Тургеневская площадь, площадь Репина, проспект Вернадского, улицы Рылеева, Вавилова и т. д. Этот ряд представлен городскими топонимами, восходящими к фамилиям. Другой ряд мемориальных названий отражает исторические даты и события: площадь Краснопресненской Заставы, Краснопресненская набережная, площадь Революции, улица 25 Октября, Октябрьская площадь, Октябрьская улица, улица Восьмого Марта, улицы 1812 года и 1905 года, Бородинская, Первомайские, Перекопская, улица 800 лет Москвы.

Увеличилось количество производственных названий: улицы Текстильщики, Металлургов, Метростроевская, Краснопролетарская (по типографии «Красный пролетарий»), Тарный проезд, Автозаводские площадь, улица, проезды. Производственные названия опираются на давнюю традицию, ведь многие московские слободы и слободки формировались как профессиональные сообщества, что получило отражение в топонимах: Кадашевская, Кожевническая, Бережковская, Рыбацкая, Бронная слободы.

Эти два разряда топонимов (мемориальные и производственные) лежат вне нашей темы, почему нет нужды останавливаться на их анализе. Необходимо показать другое — большую роль оттопонимических названий улиц, площадей в Москве. Имена городов, рек и гор издавна переносились на имена городских объектов. Такая традиция складывалась веками и присуща практике номинации не только в нашей стране, но и во многих других государствах. Первоначально такие названия присваивались улицам, которые продолжались дорогами, трактами, ведущими в тот или иной город, то или иное село. Вспомним бывшую Тверскую улицу в Москве, а в наши дни Ленинградский проспект и Ленинградское шоссе, Смоленскую и Большую Тульскую улицы, Алтуфьевское, Варшавское, Щелковское, Владимирское шоссе (Владимирка) — ныне шоссе Энтузиастов, Ярославское и Дмитровское шоссе. Но постепенно связь «улица — дорога» стала необязательной. В последние 20 лет на плане столицы появились названия не только близких, но и далеких от нее географических объектов: Ереванская и Ташкентская, Челябинская и Криворожская, Олонецкая и Ферганская, Архангельская и Красноярская улицы, Симферопольский и Кронштадтский бульвары. Этот ряд образован именами городов СССР. Другой ряд сложен гидронимами: улицы Азовская и Беломорская, Окская и Бирюса, Волжский бульвар и Енисейская улица, Байкальская и Онежская, Ангарская и Севанская, Кубанская и Чусовская, Селигерская и Каспийская улицы. Появились Индигирский, Неманский, Ильменский проезды, Черноморский бульвар, Ленская улица. Третий ряд отображает горы, острова, полуострова: Чукотская, Таймырская, Уральская улицы и Кавказский бульвар, Алтайская, Жигулевская, Сахалинская улицы.

По списку московских улиц подсчитано количество оттопонимических названий. Их оказалось около 500, или 26% от общего числа. Немало. Можно надеяться, что эта категория будет увеличиваться. Москва — политический, экономический и культурный центр СССР. Московская топонимия как зеркало отражает разнообразие природы нашей страны. Имена многих городов СССР в названиях улиц Москвы — это как бы символическое их представительство в столице.

Р. А. Агеева

ГИДРОНИМИЯ МОСКВЫ

Названия рек, озер, прудов, болот и других гидрообъектов Москвы начали исследоваться учеными в основном с середины XIX в. (И. М. Снегирев, И. Е. Забелин и др.). В последние десятилетия интерес к топонимии Москвы и Подмосковья значительно усилился. Следует особо отметить работы Н. В. Топорова, Г. П. Смолицкой, Е. М. Поспелова, Н. В. Подольской, Г. П. Бондарук, М. В. Горбаневского и др. Многие работы посвящены изучению названий улиц и урочищ Москвы. Однако в изучении названий гидронимов имеются существенные пробелы. Гидронимы Москвы в новых границах города не собраны полностью, и не опубликован их список. Наибольшее количество гидронимов исследовано в работах В. Н. Топорова, но они посвящены исключительно тем названиям, которые автор считает балтизмами.

Настоящая работа представляет собой попытку собрать все известные по разным источникам гидронимы и дать обзор наиболее интересных названий с привлечением существующей литературы.

Основными источниками для сбора гидронимов Москвы мы считаем следующие работы: Г. П. Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки (1976) (в этом каталоге, составленном в основном по «Планам генерального межевания» конца XVIII в., использована масса других рукописных и печатных источников: писцовые и межевые книги, летописи, списки населенных мест, словари и т. д.); И. А. Здановский. Каталог рек и озер Московской губернии (1926) (он также использован в работе Г. П. Смолицкой); Е. Д. Смирнова. Реки и озера Московской области (1958); Ф. Я. Нестерук. Водное строительство Москвы (1950); его же. Гидротехническое прошлое великого города (1947) (опубликованную в этой работе карту гидросети Москвы составили Б. М. Даньшин и С. С. Дмитрик, 1940); Очерки гидрогеологии и инженерной геологии Москвы и ее окрестностей (1947), а также современные гидрогеологические карты Москвы. Значительное количество гидронимов Москвы содержится в разных работах И. М. Снегирева и И. Е. Забелина. Кроме того, в справочнике «Имена московских улиц» даются имена существующих сегодня гидрообъектов или существовавших в древности; аналогичным образом гидронимы могут быть взяты из работ А. А. Мартынова, П. Н. Миллера, П. В. Сытина и др.

Как указывал А. Г. Векслер, учеными подсчитано, что на нынешней территории Москвы в старину было свыше 800 озер, болот, прудов и стариц, протекало не менее 150 речек и ручьев. Впоследствии многие речки были засыпаны или заключены в трубу, а болота осушены с помощью водоотводов-дренажей и укрепления грунта сваями (1968, с. 7).

Ниже мы приводим списки названий настоящих и существовавших в прошлом рек, озер, прудов и болот в границах современной Москвы. Названия установлены нами по указанным источникам; в силу ограниченности объема статьи конкретные источники в списке не указываются, за исключением тех случаев, когда это необходимо. Названия в каждой группе гидронимов даются в алфавитном порядке; в скобках приводится количество вариантов; даются отсылки от вариантов к основному названию. Для названий озер, прудов и болот мы сочли необходимым дать географическую привязку к окружающей местности; при названии каждой речки указана лишь река, в которую последняя впадает: принадлежность каждой речки к бассейнам Москвы или Яузы может быть легко установлена по списку. В списках не указано отражение гидронимов в топонимии улиц Москвы.

Реки города Москвы

Алчанка, п. пр. Чермянки

Андреевский овраг — см. Кровянка

Безымянные ручьи (3), л. пр. Ходынки

Безымянный ручей (вблизи Киевского вокзала), п. пр. Москвы

Безымянные ручьи (6), п. пр. Неглинной

Безымянный ручей в восточной части Замоскворечья, п. пр. Москвы

Безымянный ручей, п. пр. Жабенки

Безымянный ручей Богоявленского пруда, п. пр. Жабенки

Безымянные ручьи (2), п. пр. Жабенки

Безымянный ручей, п. пр. Каменки

Безымянный ручей, п. пр. Копытовки

Безымянные ручьи (2) в Богородском, л. пр. Яузы

Безымянный ручей в Преображенском, л. пр. Яузы

Безымянный ручей из цепи мелких прудов, п. пр. Яузы

Безымянный ручей, п. пр. Хапиловки

Безымянные ручьи (5) (со стороны Измайловского шоссе), л. пр. Хапиловки

Безымянный ручей, л. пр. Рыбинки

Безымянные ручьи (2), л. пр. Яузы

Безымянные ручьи (2), л. и п. пр. Синички

Безымянный ручей (вблизи Дворцового моста), л. пр. Яузы

Безымянные ручьи (2), л. пр. Яузы

Белая, л. пр. Успенского вражка

Беляевская, п. пр. Тропаревки

Березовка — см. Каменка

Битца, п. пр. Москвы

Богородской, ручей, п. пр. Тропаревки

Бубна, л. пр. Пресни

Будайка, л. пр. Яузы

Буданка, п. пр. Москвы

Вавилон, л. пр. Москвы

Вешка — см. Навершка

Водянка, п. пр. Москвы

Волкона (Волхона, Волхонка), л. пр. Москвы

Высоковский ручей, л. пр. Яузы

Глядянка (Гольдянка, Голяденка), л. пр. Нищенки

Гнилушка, л. пр. Химки

Головинский ручей, п. пр. Лихоборки

Гольдянка — см. Глядянка

Голяденка — см. Глядянка

Горленка — см. Горячка

Городня — см. Городянка

Городянка (Городня, Городенка), п. пр. Москвы

Горячка (Горленка, Останкинский ручей), п. пр. Яузы

Граворонка — см. Нищенка

Даниловский ручей (Даниловка), п. пр. Москвы

Ермаковский ручей, л. пр. Москвы
Жабенка (Жабина), п. пр. Лихоборки
Жабина — см. Жабенка
Золотой Рожок, ручей, л. пр. Яузы
Измайловка — см. Серебрянка
Ичка, л. пр. Яузы
Кабаниха, л. пр. Пресни
Кабанка, л. пр. Пресни
Кадашевский овраг — см. Чура
Каменка (Кашенка) (верховья — Березовка), п. пр. Яузы
Капля, л. пр. Напрудной
Каришка, п. пр. Лихоборки
Кашенка — см. Каменка
Кипятка, п. пр. Сетуни
Кобылий овраг, п. пр. Москвы
Кокуй — см. Кукуй
Коломенка — см. Нищенка
Копытовка (Трепанка), п. пр. Яузы
Коршуниха, л. пр. Котловки
Котловка, п. пр. Москвы
Кровянка (Андреевский овраг), л. пр. Чуры
Кукуй (Кокуй), л. пр. Чечеры
Ленивка (Ленивый вражек), л. пр. Москвы
Лихоборка, п. пр. Яузы
Маланинский ручей — см. Олений ручей
Москва, л. пр. Оки
Навершка (Вешка), п. пр. Сетуни
Напрудная (Самотёка), л. пр. Неглинной
Натошенка, п. пр. Сетуни
Неглинная (Неглинка), л. пр. Москвы
Нищенка (Граворонка, в верховье — Коломенка), л. пр. Москвы
Носков ручей (Носковка), л. пр. Москвы
Олений (Маланинский) ручей, п. пр. Яузы
Ольховец, п. пр. Чечёры
Ольховка — см. Чечёра
Останкинский ручей — см. Горячка
Очаковка, л. пр. Раменки
Песочный ручей — см. Проток
Пехорка, л. пр. Москвы
Печатинка, п. пр. Москвы
Подон, л. пр. Москвы
Пометный вражек, л. пр. Москвы
Пресня (Синичка), л. пр. Москвы
Проток (Песочный ручей) — открытый сток дождевых и талых вод в Москву-реку. В р-не станции метро «Смоленская»
Путеевский ручей, п. пр. Яузы
Рабочая, п. пр. Яузы
Раменка, п. пр. Сетуни
Рачка, л. пр. Москвы
Робка — см. Серебрянка
Ровенка — см. Рыбинка
Ручей, п. пр. Бубны
Ручей, п. пр. Котловки
Ручей (у ул. Текстильщиков), п. пр. Яузы
Ручей, л. пр. Стеклянного ручья
Ручей, п. пр. Ольховца
Ручей, л. пр. Золотого Рожка
Ручей с Охотного ряда, п. пр. Неглинной
Ручей у Зачатьевского переулка, л. пр. Москвы
Ручей у Камушков, п. пр. Ермаковского ручья
Ручей у Рубцовского переулка, п. пр. Яузы
Ручьи (2), л. пр. Черторыя
Ручьи (3), л. пр. Кабанихи
Ручьи (3), п. пр. Черногрязки
Ручьи на Ленинских горах, п. пр. Москвы
Ручьи в Нескучном саду, п. пр. Москвы
Рыбинка (Ровенка), п. пр. Яузы
Самотёка — см. Напрудная
Сара, л. пр. Москвы
Серебрянка (верховья — Измайловка), в древности Робка, л. пр. Хапиловки
Сетунь, п. пр. Москвы
Сивка (Сивец), л. пр. Черторыя
Сивец — см. Сивка
Синичка, л. пр. Яузы
Синичка — см. Пресня
Синичка — см. Успенский вражек
Соколка, пр. Березовки, басс. Яузы

Сорочка, л. пр. Москвы
Сосенка, п. пр. Хапиловки
Стебелька, п. пр. Яузы
Стеклянный ручей, п. пр. Серебрянки
Студенец, ручей — см. Черная, л. пр. Москвы
Студенец, л. пр. Копытовки
Студеный овраг, л. пр. Москвы
Сукромка, п. пр. Яузы
Сходня, л. пр. Москвы
Таракановка, п. пр. Ходынки
Тарасовка, л. пр. Раменки
Трепанка — см. Копытовка
Тропаревка, п. пр. Сетуни
Трубная, п. пр. Неглинной
Успенский вражек (Синичка), п. пр. Неглинной
Филька — см. Хвилка
Хапиловка, л. пр. Яузы
Хвилка (Филька), п. пр. Москвы
Химка, л. пр. Москвы
Хмелевка, л. пр. оврага Кузнецова (? или п. пр. Москвы)
Ходынка, л. пр. Москвы
Хохловка, л. пр. Москвы
Черкасовский ручей, п. пр. Водянки
Чермянка, п. пр. Яузы
Чернава (Чернавка?), п. пр. Химки
Черная (Чернушка), л. пр. Химки
Черная — см. Студенец
Чернишка, л. пр. оврага Кузнецова
Черногрязка, п. пр. Яузы
Чернушка — см. Черная
Чертановка, п. пр. Москвы
Черторый, ручей, л. пр. Москвы
Чечёра, п. пр. Яузы (верховья — Ольховка)
Чура (Кадашевский овраг), п. пр. Москвы
Язвенка (Язва), п. пр. Городенки
Яуза, л. пр. Москвы

Озера города Москвы

Батюнинское, левобережье р. Москвы
Белое » » »
Дитятки » » »
Карташиха
Кривая Баба
Кривое
Малое озерцо (Новинское)
Масилино (Мачилино?)
Медвежье
Нагатинское
Новые Мостищи
Новинское — см. Малое озерцо
Новинское (Ближнее)
Постылое (ныне акватория Южного порта, Пролетарский р-н, Кожуховская излучина)
Радино (Ратное), вблизи Южного порта
Ратное — см. Радино
Святое
Угрешское
Черное

Пруды города Москвы

Антроповы ямы — р-н Селезневской ул.
Архиерейский — см. Черкизовский
Балкан (Коптелка), XIX в. — Балканский пер., 1-я Мещанская ул.
Белый — в верховьях Чуры
Богоявленский — в среднем течении Лихоборки, ст. Владыкино
Борисовские — Борисовская ул., Каширское ш.
Бутырский — Бутырская ул.
Вавилон, XVII в. (?) — Новодевичий монастырь
Великий — см. Красный
Верхнепресненский, XVII в. — старая территория зоопарка
Виноградный (Серебрянский), XVII в. — Измайловский парк
Воксальный, XIX в. — р-н Таганской ул.
Вышеславцевы, XIX в. — Вышеславцев пер.
Головинские, XVIII в. — ст. Лихоборы
Даев — Садовая-Спасская ул.
Золотой, XVII в. — Измайловский парк
Измайловский, XVII в. » »

Калитников — ст. Конная Курской ж. д.
Каменки-реки пруды, XVIII в. — р-н ВДНХ
Каменный — Измайлово
Камушки — см. Студенец
Кирхгофский (Торфяной), XIX в. — в верховьях Пресни, ст. Гражданская Калининской ж. д.
Ключики — в верховьях Нищенки, ул. Пруд-Ключики, Авиамоторная ул.
Коптелка — см. Балкан
Корочкин, XIX в. — между Дружинниковской ул. и Горбатым пер.
Красный (Великий), XV в. — ст. метро «Красносельская»
Лебяжий — в р-не Неглинной, у Боровицких ворот
Лефортовские — парк МВО, Лефортово
Лизин, XVIII в. — Ленинская Слобода
Люблинский — Люблино
Миюсский — в р-не Неглинной
Напрудный, XIV в. — парк ЦДСА
Неглиненские — р-н Неглинной
Нижнепресненский, XVII в. — Конюшковская ул.
Олений, XVII в. — Измайлово
Останкинские, XVIII в. — Прудовой проезд, с. Пушкинское
Патриарший, XVII в. — см. Пионерский
Пионерский, XX в. — Малая Бронная ул.
Плёсо — у Троицких ворот
Поганый — см. Чистый
Прачечный — Б. Семеновская ул.
Пресненский, XVII в. — Измайлово
Розсховатец поганый — см. Чистый
Садки — пос. Текстильщики
Садовый (Тимирязевский), XVII в. — в верховьях Жабенки, парк Тимирязевской академии
Самотёцкий — см. Самотёчный
Самотёчный (Самотёцкий), проточный пруд — Самотёчный б-р
Серебрянский — см. Виноградный
Серебряный, XVII в. — Измайлово
Синичкин — Лефортово
Сокольнического ПКО пруды — Сокольники
Студенец (Камушки) — Краснопресненский ПКО
Тимирязевский — см. Садовый
Торфяной — см. Кирхгофский
Три пруда — между б. Тверской и Спиридоновкой
Хапиловский, XIV в. — рч. Хапиловка
Хлудовский, XIX в. — пересечение ш. Энтузиастов и Октябрьской ж. д.
Царев
Царицынские — Царицыно, Прохладная ул.
Черкизовский (Архиерейский), XIV в. — Черкизово
Чистые пруды (Чистый пруд, Поганый до начала XVIII в.) — Чистопрудный б-р
Яузский-Сыромятнический, XVIII в. — Сыромятники

Болота города Москвы

Балчуг — ул. Балчуг, р-н М. Каменного моста
Болото — урочище на правом низменном берегу Москвы-реки
Горелое болото — в верховьях Пресни
Каланча — на Комсомольской пл., в басс. р. Чечеры, соединяется с бывшим здесь прежде Красным прудом
Козье болото — р-н Пресни, в Земляном городе, в прежней Патриаршей слободе (или Козиха)
Моховое — по обоим берегам Неглинной, позади Кремля, рядом с б. Моховой ул.
Пашенское — в верховьях Копытовки
Поганая лужа — на месте Чистопрудного б-ра, в верховьях р. Рачки

Погорелое — на земле Петровского монастыря (р-н Петровских Ворот)

Роушки (Ровушки) — урочище на правом низменном берегу Москвы-реки

Сукино болото — Текстильщики

Яндова — урочище на правом низменном берегу Москвы-реки

Ниже мы даем общий обзор гидронимов Москвы с точки зрения основных принципов номинации; на некоторых названиях останавливаемся подробнее.

Названия рек и озер Москвы следует изучать в более широком контексте, т. е. не отрывая их от названий окружающих территорий и сопоставляя с другими гидронимами, в первую очередь бассейна Оки. С этой точки зрения большинство гидронимов Москвы по принципам номинации ничем не отличаются от других русских гидронимов. В московской гидронимии можно, например, выделить:

1. Названия, данные по физико-географическим особенностям объекта:

а) по цвету воды. Так, трижды встречается Синичка, ср. такие названия рек в бассейне Оки, как Синец, Синея, Синишка и др.; р. Синица в бассейне самой р. Москвы (Смолицкая, 1976, с. 378). Есть и название Сивка (Сивец); эта река, левый приток Черторыя, заключенная в начале XIX в. в трубу, текла прежде по оврагу Сивцев вражек, теперь одноименная улица в районе Гоголевского бульвара. Ф. Я. Нестерук приводит сведения о том, что на прилегающих к Сивке лугах паслись, по преданию, царские лошади (намек на возможность связи с мастью лошадей — сивая, Сивка-Бурка и т. п. (?). — *Р. А.*) (Нестерук, 1950, с. 72). Надо полагать, что название дано по серому (сивому) цвету воды; названия типа Сивец, Сивка широко распространены, ср. в бассейне Оки (Смолицкая, 1976, с. 378). Другие названия, связанные с цветом воды, — Кровянка, Серебрянка, Белая, Черная, Чернушка;

б) по составу и температуре воды, особенностям течения и т. п. Ср. Капля, Ленивка, Кипятка, Пресня, Гнилушка, Студенец, Самотёка. Речка Ленивка, или Ленивый вражек (так называлась до 1738 г. бóльшая часть ул. Волхонки), как полагают, получила свое название по тихому, спокойному течению в противоположность соседнему бурному Черторыю (Нестерук, 1947, с. 178). Этому названию есть параллель в бассейне Зуши — отвершек Ленивой (Смолицкая, 1976, с. 58).

Пресня — гидроним, видимо имеющий значение «пресная вода». Такого мнения придерживаются Г. П. Смолицкая и М. В. Горбаневский (1982, с. 52), хотя они допускают и возможность объяснения на почве балтийских языков. В свою очередь В. Н. Топоров объясняет из прусского Perses и др., днепр. Пересна (1982, с. 40). Думается, что наиболее вероятно объясне-

ние на славянской почве; ср. также в Поочье овраг Пресной в басс. Мокши и р. Пресянка (Преянка?) в басс. Рановы (Смолицкая, 1976, с. 261, 181);

в) по характеру русла, почвы, растительности на берегах и т. п. Ср. Каменка, Ольховец, Ольховка, Песочный ручей, Сосенка и др.

2. Названия, данные по связи с другими географическими объектами.

В первую очередь это гидронимы, образованные от названий бывших деревень или слобод, которые, войдя затем в черту города, сохранили память о себе либо в названиях микрорайонов, либо в названиях улиц и речек. Можно упомянуть здесь такие речки: Граворонка, Лихоборка, Измайловка, Кадашевский овраг, Копытовка, Напрудная, Останкинский ручей, Очаковка, Раменка, Тропаревка, Хапиловка, Красный пруд и др. Например, р. Граворонка (второе название р. Нищенки); варианты его по документам — Гравороновка, Граворновка, Граворна. В Поочье есть и другие гидронимы от этой основы: Граворонка, Граворонок, Грайворонка (Смолицкая, 1976, с. 81, 82, 134). По всей вероятности, название реки могло произойти от имени близлежащей деревни Граворновки (более древнее — Граворна). Имя живет до сих пор в названии Грайвороновской улицы у Волгоградского проспекта: оно было дано по находившемуся здесь селу Грайворонову (Имена московских улиц, 1975, с. 114).

Кадашёвский овраг (вариант гидронима Чура) получил свое название по местности Кадаши (в прошлом Кадашёвская слобода). Речка Копытовка названа по селу Копытово (или Копытовка) на берегу Яузы (с середины XVII в. — Алексеевское). Река Очаковка — по поселку Очаково, р. Тропаревка — по селу Тропарево и т. д.

Среди других внутримосковских городских объектов, давших свое имя рекам, озерам, прудам, могут быть монастыри и церкви, резиденции церковных деятелей (Даниловский ручей, или Даниловка, протекает у Данилова монастыря; Архиерейский, или Черкизовский, пруд; Патриарший, впоследствии Пионерский, пруд); улицы и урочища (Пресненские пруды), а также другие гидрообъекты (Синичкин пруд по р. Синичке в Лефортове).

Интересно название пруда Балкан (Коптелки) в районе Сретенки. Так же называлась и окружающая местность (название Балкан зафиксировано в 1852 г.). По мнению И. М. Снегирева, урочище Балкан названо так благодаря наличию бакалдин, или оврагов; словом «балкан» обозначается и значительный провал между лесом и нагорьем (Снегирев, 1865, с. 97). Действительно, в московских говорах есть местный географический термин «балкан» со значением «угорье, придол, чищоба между лесом и нагорьем» (Даль, 1956, т. I, с. 43).

Ряд названий гидрообъектов содержит в своем составе антропонимы; как правило, это результат не прямой номинации, а

опосредствованной через названия улиц, микрорайона — бывших деревень. Так, ручей Ермаковский берет свое начало из прудов у Ермаковской рощи (теперь улица Ермакова Роща, в районе бывшего Тестовского поселка); последняя в свою очередь получила название по фамилии землевладельца середины XIX в. (Имена московских улиц, 1975, с. 145). Борисовские пруды близ платформы Москворечье на юго-востоке Москвы, как и бывшее село Борисово, связаны с именем Бориса Годунова, поскольку прилегающая территория была одной из вотчин Годуновых (там же, с. 64).

Группа названий образовалась в результате определенных функций гидрообъектов: ср. Прачечный пруд, пруд Садки; бывшее название Чистых прудов (Чистого пруда) — Поганый пруд (в него до начала XVIII в. сбрасывались отходы мясных лавок); ручей Проток в районе метро «Смоленская» представлял собой открытый сток дождевых и талых вод в Москву-реку, который в конце XIX в. был заключен в трубу (там же, с. 341). Много таких названий «функционального» происхождения имеется в Измайлове: Стеклянный пруд (он обслуживал стеклянный завод), Пиявочный (для лечебных целей в нем разводили пиявок), Зверинецкий (его вода шла на нужды большого зверинца), Олений (из Ольняной, в нем мочили лен; см. Смолицкая, 1982, с. 125). К этой группе названий можно отнести и такие, как Ходынка или Сходня. Название Ходынка (Ходынь), как предполагают Г. П. Смолицкая и М. В. Горбаневский, может быть связано с корнем *ход-* (т. е. речка, через которую или по которой можно было ходить, переходить, плавать и т. п.), хотя не исключается и переосмысление формы Ходынь из Хотынь (Смолицкая, 1982, с. 136).

Название р. Сходни (варианты Всходня, Входня, Выходня) может быть связано с тем, что в прошлом по этой реке мелкие суда «всходили» из Москвы-реки к Черкизовскому волоку на Клязьму, что создавало наиболее удобный путь во Владимиро-Суздальское княжество (Имена московских улиц, 1975, с. 408). «Этот переволок в действительности существовал вверх по реке Восходне, несомненно так прозванной по путевому восхождению по ней в долину Клязьмы, и притом... почти к самой вершине этой реки» (Забелин, 1905, с. 12). И. Е. Забелин предполагает, что в древнее время Всходней называлась не сама река, а особая местность, лежащая выше по Москве-реке; река же раньше, видимо, называлась Горедвой, так как «вверху теперешней Всходни в нее впадает река этого имени более значительным потоком, чем верховье самой Всходни» (там же, с. 13).

Наконец, в Москве имеется и небольшая группа гидронимов, образовавшихся в результате ассоциаций с другими известными географическими объектами. Таково название ручья Золотой Рожок, которое было дано в XIV в. по стамбульской гавани Золотой Рог (Имена московских улиц, 1975, с. 158); название это-

му ручью, протекавшему под Спасо-Андрониковым монастырем, было, вероятно, дано основателем монастыря митрополитом Алексием в память его посещения в 50-х годах XIV в. Константинополя.

Название ручья и пруда Вавилон объясняется ассоциацией с библейским Вавилоном; мотив номинации понятен, если учесть, что эти гидрообъекты локализованы в районе Новодевичьего монастыря, ср. также место Вавилонская площадка (названа по бывшему монастырскому саду Вавилон на территории Хамовников, Лужников). Ручей Вавилон вытекал прежде из колодца, носившего название Вавилон. На плане Москвы 1811 г. ручей уже не показан — он исчез (Нестерук, 1947, с. 44).

Среди московских рек есть и много безымянных или таких, которые называются просто Ручей, Ручьи. В этих случаях, как правило, в название добавляется имя-ориентир — название окружающей местности. Ср. Ручей с Охотного Ряда, Ручей у Камушков, Ручей у Рубцовского переулка, Ручьи в Нескучном саду и т. п. — типичная микрогидронимическая модель.

Ниже даем обзор некоторых названий московских рек, которые представляют интерес с точки зрения лингвистики и истории.

Алчанка — по В. Н. Топорову (1972, с. 253), название может производиться из балтийских языков; ср. прусск. Alkayne, лит. Alka и др. Есть соответствия в Среднем левобережном Поочье: р. Алчанка (Эльченка), п. пр. Шатухи, басс. Плесенки (Смолицкая, 1976, с. 97). Следует обратить внимание на то, что в этом же ареале имеется р. Альшанка, л. пр. Плесенки.

Битца — варианты по историческим документам: р. Битцовская и р. Ивовые Кусты (Битцовская), р. Абица, Аибица, Обитца. Ср. деревня Старые Битцы, ст. Битца. Есть соответствия в Среднем левобережном Поочье: р. Битенка и руч. Бицкой (Смолицкая, 1976, с. 117, 136, 157).

Бубна — по В. Н. Топорову, балтизм: ср. прусск. Bubain, лит. Bubà, лтш. Bubene и др. с иллирийскими параллелями (Топоров, 1972, с. 226); в более поздней работе возводится к *Bub-in — *Буб-ьн- от звукоизобразительного корня, ср. лит. bubénti — «грохотать», «громыхать», bùbyti — русск. «бубнить» и т. п. Указывается, что Бубна была шумным ручьем, под большим уклоном стекавшим с холма (Топоров, 1982, с. 41). В бассейне Оки есть другие параллели: р. Бубенец в Среднем правобережном Поочье; менее показательны верх Бубнов, овраг Бубновской (Смолицкая, 1976, с. 76, 105, 167). Следует прежде всего обратить внимание на значения корня в русских говорах: кроме бубнить в указанном значении и в значении «болтать без умолку» есть также бу́бнить — «киснуть, пучиться, подниматься бубном» (Словарь русских народных говоров, 1968, вып. 3, с. 234); это значение характерно для гидронимии всех индоевропейских языков (ср. также буба и бубон — «желвак, ушиб, опухоль», кото-

рые, впрочем, производятся из латинского языка, но вошли в русские говоры (Даль, 1956, т. 1, с. 135). Параллели также на Украине: гидронимы Бубен в Закарпатье; Бубина в басс. Самары, Поднепровье; Бубонець (Бубенец) в Житомирской обл. (Словник гідронімів України, 1979, с. 72). В белорусском языке отмечены местные географические термины «бу́бен» — место высокое и бедное растительностью, болото, которое можно перейти, а также «бубен» приблизительно с тем же значением (так, урочище Бубен представляет собой высокий берег с песчаными и крутыми склонами) (Яшкін, 1971, с. 26). Не исключено, что какая-либо река могла получить свое название по признаку смежности с урочищем такого типа. В топонимии Белоруссии также имеются названия типа Бубен, Бубенцы, Бубновік, Бубноўка (Мікратапанімія Беларусі, 1974, с. 32).

Таким образом, налицо по крайней мере две лексические основы в восточнославянских языках, к которым можно возвести московский гидроним Бубна, с надежными параллелями по всей восточнославянской языковой территории.

Будайка и *Буданка* — эти гидронимы, вероятно, ойконимического происхождения от широко распространенной в восточнославянских языках основы *буд-* со значением «строить», «постройка». Много соответствий в гидронимии самого Поочья: Буда, Буденец, Буденка, Будка, Будянка и др. (Смолицкая, 1976, с. 30, 32, 104, 126, 132).

Волкона (варианты *Волхона, Волхонка*). Есть соответствия в Верхнем правобережном Поочье (басс. Упы): Б. Волкона и М. Волкона, верх Волконь (Смолицкая, 1976, с. 85). В. Н. Топоров сопоставляет название волости Волкона с балтийскими топонимами типа Volka, Volkana и т. п. (Топоров, 1972, с. 272).

Глядянка с вариантами *Гольдянка, Голяденка* (также Голедянка, Голодянка, Голединья) (Смолицкая, 1976, с. 109) возводится В. Н. Топоровым к балтийскому этнониму голядь (1982, с. 22).

Ичка. Есть соответствия в бассейне Оки: Ича, Иченка и др. (Смолицкая, 1976, с. 94, 133), а также на Украине: Іченька, Ічня и др. (Словник гідронімів України, 1979, с. 224). По В. Н. Топорову, возможен балтийский источник, ср. лтш. Iča (1972, с. 241).

Кукуй (*Кокуй*) — это название исследовано Г. П. Смолицкой и М. В. Горбаневским, которые сопоставляют его с диалектным географическим термином «кукуй» — небольшой лесной островок, рощица среди поля (1982, с. 38). Сопоставления с топонимией Русского Севера приводятся у И. М. Снегирева (1865, т. 1, с. 164).

Москва. Хорошая сводка различных этимологий из славянских, балтийских и финно-угорских языков представлена в работе Г. П. Смолицкой и М. В. Горбаневского (1982, с. 81—89). Наиболее подробно в настоящее время разработана балтийская этимология (Топоров, 1982, с. 28—31).

Неглинная. Можно согласиться с объяснением на славянской почве, данным Г. П. Смолицкой и М. В. Горбаневским, — от основы *глин-* (глина, глинистый и т. п.): «Вероятно, река была названа Неглинной по неглинистому дну и берегам, что было ее характерной особенностью» (1982, с. 19). Есть соответствия в бассейне Оки: р. Неглинка в Нижнем левобережном Поочье, басс. Илевны; верх Неглинской в Верхнем правобережном Поочье, басс. Зуши. В Нижнем левобережном Поочье, в бассейне Нерли, есть овраг Глинской, рядом овраги Глининской и Неглинной (Смолицкая, 1976, с. 62, 193, 216). Иначе, из балтийских языков, объясняет В. Н. Топоров (1982, с. 36—37).

Нищенка. Есть соответствие в бассейне Москвы — Нищенка, п. пр. Вилинки, вариант Нищена (Смолицкая, 1976, с. 118). В Белоруссии — р. Ница, пр. Друти, басс. Западной Двины; это название В. А. Жучкевич производит от славянской основы со значением «слабый, ничтожный» (Жучкевич, 1974, с. 259). Возможное объяснение (ср. рус. нищий, но это слово имеет этимологию «чужой, нездешний»), но основа не характерна для гидронимии.

Пехорка (вариант *Пехра*) — предположительно финно-угорское или дофинноугорское название.

Подон — проток, также рядом Подонский овраг. По И. М. Снегиреву, Подон и Сара — ручьи у Крутицкого подворья, некогда местопребывания Сарских и Подонских владык; ручьи Сара и Подон наименованы от рек Сара и Подон в Золотой Орде (Снегирев, 1865, т. 1, с. 115). В этом сообщении, данном без ссылок на источники, сомнительны обе формы гидронимов: они не локализованы в Золотой Орде. Фонетический облик названия Подон не характерен для тюркских языков. Можно предположить славянское происхождение гидронима, связь с лексемой *дно*; ср. русск. диал. *подонки* — «осадок, гуща, осед, отсед, что опало на дно, село, выделившись из мутной жидкости», также прилагательное *подонный* (Даль, 1956, т. 3, с. 192).

Рачка. Возможно, связано по семантике с другими гидронимами бассейна Оки типа Рака (Раки), Раков, Раковая, Раковка, Раковня (Смолицкая, 1976, с. 167 и др.). В. Н. Топоров сопоставляет название Рачка с лит. Rãkija, прусск. Rekenike и др. и с гидронимом Рача в бассейне Днепра, обращая, однако, внимание на то, что форма Рача может быть результатом упрощения названия Радча (Топоров, 1972, с. 225). Последнее объяснение в ряде случаев возможно. Добавим несколько примеров из гидронимии Псковской обл.: «оз. Ратча и дер. Ратча Холмского у.; оз. Рача (Роча) и дер. Рачи Великолуцкого у.; рч. Рачица Великолуцкого у., пр. Насвы. Наоборот, название оз. Рачно (хотя деревня на нем называется несколько иначе — Рачево) Опочецкого у. может быть связано именно с апеллятивом рак, ср. русск. диал. рачить — «ловить раков», рачное, рачистое место, речка, «обильная раками» (Даль, 1956, т. IV, с. 57).

Сара — см. также Подон (объяснение И. М. Снегирева). Название сходно со многими гидронимами центра и севера европейской части СССР; возможные объяснения — из финно-угорских языков: ср. финск. sara — «камыш», saari — «остров», вепск. сара — «ветвь, ответвление». В. Н. Топоров сопоставляет с балтийскими языками: лит. Sarià и др., указывая также на легенду о связи названия с городом Сараем и другие легенды (1972, с. 225—226).

Сетунь — В. Н. Топоров возводит к балтийским языкам (из *Set-un, *Sat-un) (1972, с. 242; 1982, с. 40). Есть много параллелей в бассейнах Оки и Днепра.

Хвилка (*Филька*), варианты Хвыля, Хилка, Фильня, ср. с. Покровское (Фили, Хвили) (Смолицкая, 1976, с. 114). Есть предположение, что первоначальное название речки и села было Хвили и дано было по болотистой местности — «хвилое, нездоровое место» (Никольский, 1901, с. 246). В. Н. Топоров производит из лит. Svìle и т. п. (1972, с. 246).

Химка (вариант *Хинка*) — по В. Н. Топорову, балтизм, из лит. kìminas — «мох» (Топоров, 1982, с. 40). Иначе считают Г. П. Смолицкая и М. В. Горбаневский, которые обращают внимание на вариант Хинка; в этой форме название реки было известно с XVI в., в форме Химка оно окончательно закрепилось с XIX в. Гидроним Хинка сопоставляется с русск. диал. *хинь* — «чепуха, пустяки, вздор» и др., Хинка — «незначительная, пустяковая, бесполезная речка» (Смолицкая, 1982, с. 138). Следует отметить, что оба варианта — Хинка и Химка — имеют параллели в разных областях; ср. в Поочье — оз. Хинино, Хининь, овраг Хинской, овраг Химкинской (Смолицкая, 1976, с. 92, 159, 160); на Украине — Хима, Хiмiвка, Хинель, Химчина (Химкина) и др. (Словник гiдронiмiв України, 1979, с. 589). Кажется, еще нигде не предусматривалась возможность происхождения части указанных названий из антропонимов: ср. Хима — Евфимий, фамилия Химин (Веселовский, 1974, с. 338), с. Химино Водской пятины и т. п.

Чермянка — несомненно славянское название из основы *c̃rmen, прилагательное čьrmьnъ — «красный», ср. русск. диал. *черемный* — «чермный, красный». Имеет широкие параллели по всей славянской языковой области: ср. оз. Черeменецкое в Ленинградской обл., урочище Черменец (Червенец) в бассейне Западного Буга, р. Čermenica (Crmenica) в Словении, оз. Czermno в Польше. По русским говорам часто контаминируется с лексемой *черный*, ср. также вариант названия Чермянка — Черная (Смолицкая, 1976, с. 108).

Иначе у В. Н. Топорова: Чермянка объясняется с помощью балтийских параллелей (1972, с. 225; 1982, с. 37, 40).

Чертановка — варианты *Чертонавка, Чертона,* ср. дер. Чертаново (Смолицкая, 1976, с. 114). Ср. также р. Чертанка (Чертома) в басс. Клязьмы (там же, с. 219). Варианты Чертона и

Чертома мешают трактовать гидронимы и ойконимы с этой основой как славянские (впрочем, известна русская фамилия Чертанов, XVI в., Ярославль) (Веселовский, 1974, с. 352). Возможны поиски балтийских и финно-угорских параллелей, см. балтийские соответствия у В. Н. Топорова (1982, с. 40).

Черторый — варианты *Черторья* (Забелин, 1905, с. 55) и *Чертолья* (видимо, результат диссимиляции из Черторья), ср. также урочище Чертолье и Чертольский пер. По известному с XIX в. объяснению, быстрый поток, прорывший себе ложе (как будто черт рыл) (Снегирев, 1865, т. 1, с. 90). От географического апеллятива черторой — «овраг, рытвина от воды» (Даль, 1956, т. 4, с. 598). Иначе у В. Н. Топорова, который приводит балтийские параллели типа Ķertene, лит. Ķertenȳs, а также обращает внимание на суффикс *-ол-* в формах Чертолье и Чертолино (название места к западу от Ржева) (1972, с. 223). По нашему мнению, формы Чертолье и Чертолино — разного происхождения: последнее название может быть отантропонимическим, ср. фамилию Чертолин, XVII в., Вязьма, видимо от прозвища (Веселовский, 1974, с. 353).

Чечёра — много соответствий в бассейне Оки. По мнению Г. П. Смолицкой и М. В. Горбаневского, из местного географического термина «чечора» — старое русло реки, ставшее болотистым оврагом, или топкое болото (1982, с. 52). Иначе у В. Н. Топорова: балтийские соответствия — лит. Čičirys, лтш. Ciecere (1972, с. 219; 1982, с. 41).

Чура (вариант *Чур*) — возможно, связано с рус. диал. *чур* — грань, граница, рубеж, межа. Есть соответствия в Поочье — Чурка (Смолицкая, 1976, с. 189). В. Н. Топоров сопоставляет с лит. Ķiáur-upė от kiáuras — узкий (1982, с. 40).

Язвенка (*Язва*) с оврагом Язовским. Большое количество соответствий в Поочье: Язва, Язвенка, Язвина, Язвинка, Язвица и др. (Смолицкая, 1976, с. 432). Соответствия на Северо-Западе РСФСР, в Белоруссии, на Украине и в других местах. Много возможных объяснений на славянской почве: ср. апеллятивы *язь* — вид рыбы; *яз* (*ез*) — запруда речки для ловли рыбы. В частности, В. А. Жучкевич объясняет названия Езва, Езовинь, Язно, Язовка, Язвины от устаревшего термина «езва» (езова) — песчаный нанос или отмель у берега реки, староречье, мелководный залив в озере, полыньи в болоте, реке (1974, с. 116, 417).

Следует обратить внимание на значение слова *язва* — щель, трещина, отсюда *язвина* в земле — яма, нора и диалектное *язвик, язвец, язвинник* — барсук. Возможно, часть названий связана с последним кругом значений. Так, в бассейне Оки есть ареалы, в которых в непосредственном соседстве зафиксированы названия типа Язвенка и Барсучий. Например, р. Язва (п. пр. Сенета, л. пр. Ловати, п. пр. Жиздры) — р. Барсучки (п. пр. Рессеты, п. пр. Жиздры); верх Барсучей (п. пр. Мога, басс. Нугри) — р. Язвенка/Язва (п. пр. Мога, басс. Нугри) — верх Бар-

суков (л. пр. Речицы, л. пр. Рога, п. пр. Мога) — верх Барсуков (л. пр. Рога, п. пр. Мога); ручей Барсучей (п. пр. Угры) рядом с р. Язвенкой (п. пр. Угры) и т. д. (Смолицкая, 1976, с. 26, 33, 34, 44). Большое количество примеров такого рода указывает на определенную закономерность, которую следует подтвердить на материале других территорий.

Яуза (по летописи под 1156 г. — Ауза). Предлагались этимологии из славянских и финно-угорских языков. В. Н. Топоров убедительно сопоставляет с балтийскими названиями — лтш. Aûzes и латышским апеллятивом àuzãjs, auzaine и др. в значении «стебель овса, ость, солома». Дополнительным аргументом считается наличие р. Стебельки по соседству с Яузой (Топоров, 1982, с. 36).

Рассмотренные данные представляют собой лишь некоторые материалы для будущего этимологического словаря гидронимии Москвы и Подмосковья. Эти материалы нуждаются в дальнейшем углубленном исследовании. Помимо уточнения славянского происхождения ряда гидронимов Москвы следует обратить серьезное внимание на балтийский гидронимический пласт (многое в этом отношении уже сделано В. Н. Топоровым), а также на почти неисследованный возможный финно-угорский пласт. При взгляде на карту Москвы и Московской области можно отметить, что гидронимический контекст города Москвы отличается преобладанием финно-угорских элементов к северу, балтийских — к западу и большим смешением славянского, балтийского и финно-угорского элемента — к югу. Тем самым намечаются возможные направления изучения субстратной и славянской гидронимии Москвы.

Т. П. Савченко

НАЗВАНИЯ ОСТАНОВОЧНЫХ ПУНКТОВ НА ТРАНСПОРТНЫХ ЛИНИЯХ МОСКВЫ

Названия остановочных пунктов на различных транспортных линиях являются такими же полноправными наименованиями, как и наименования любых больших и малых городских объектов. Вопрос о названиях остановочных пунктов в топонимической литературе еще не затрагивался. Тем не менее исследование принципов, тенденций и закономерностей формирования этих наименований имеет большое практическое значение. Растут города, прокладываются новые транспортные линии, и возникает острая потребность в названиях новых остановок. Нередко этот процесс проходит стихийно, хаотично, порой внося диссонанс в уже сложившуюся систему названий и затрудняя ориентирова-

ние пассажиров. Между тем основная функция данных микротопонимов — служить хорошим указателем для жителей города и приезжих. Нередко и переименования остановок связаны с тем, что возникают новые объекты — более значимые ориентиры для пассажиров; например, построили на Дмитровском шоссе высотное здание гостиницы «Молодежная», и остановка «Улица Немчинова» была переименована в остановку «Гостиница «Молодежная»».

Необходимо отметить такую особенность названий остановок, как постоянное воспроизведение их в устной речи: они звучат вокруг нас каждый день в автобусе, троллейбусе, трамвае, метро. Поэтому при выборе названий следует избегать труднопроизносимых, многословных, созвучных другим и неблагозвучных.

Транспортные средства Москвы очень разнообразны: метро, автобус, троллейбус, трамвай, электропоезд, речной трамвай. Наибольшее количество остановок, а следовательно, и их названий находим на линиях городского наземного транспорта: автобусных, троллейбусных, трамвайных. Все они рассматриваются нами вместе, так как принципы выбора этих названий одни и те же и сами остановки автобуса, троллейбуса, трамвая часто совпадают. Обычно остановочный пункт получает имя по городскому объекту, близ которого он расположен. Это может быть улица, площадь, промышленное предприятие, культурно-бытовое учреждение и т. п. Подавляющее большинство остановок названо по соответствующим улицам.

На протяженной магистрали названия остановкам чаще всего даются по имени пересекающей улицы. Этот принцип выдерживается и в Центре, и в новых районах города. Например, при движении от Центра по проспекту Мира троллейбус № 9 делает следующие остановки: Грохольский переулок, Метро «Проспект Мира», Капельский переулок, Банный переулок, Трифоновская улица, Рижский вокзал, Крестовский мост, Новоалексеевская улица, Метро «Щербаковская», Староалексеевская улица, Маломосковская улица, Кинотеатр «Космос». Как видно, из 12 остановок семь получили название по вышеуказанному принципу.

На северо-восточной окраине Москвы автобус № 171 делает следующие остановки: Камчатская улица, Уссурийская улица, Алтайская улица — все эти улицы перпендикулярны Красноярской, по которой движется автобус.

Остановки автобуса № 257: Камчатская улица, Сахалинская улица, Камчатская улица, 4, Уссурийская улица, 1. В этом случае находим еще один принцип наименования остановок — название магистрали, по которой движется транспорт, с указанием номера дома. Такие названия характерны для новых районов и чаще всего используются там, где нет пересечений с магистралью, например Давыдковская улица, 4; Давыдковская ули-

ца, 14; Давыдковская улица, 28 (автобус № 201). Подобные названия нельзя считать вполне удачными, так как при объявлении остановки номер дома, т. е. часть названия, несущая основную смыслоразличительную нагрузку, может не прослушиваться из-за несовершенства техники, или из-за невнятного произношения, или вследствие шума.

Если же подобные названия разделены рядом других, то неудобств становится еще больше. Так, на маршруте автобуса № 147 имеются следующие остановки: Кировоградская улица, 4, Кировоградская улица, 6, Сумская улица, Днепропетровская улица, Кировоградская улица, 18, Школа, Улица Красного Маяка, Кировоградская улица, 28, Кировоградская улица, 42, Мебельный магазин, Кировоградская улица, Улица Академика Янгеля, Конечная. Название «Кировоградская улица» повторяется 6 раз, в последний раз без указания номера дома. Это было бы оправданно, если бы отсутствие указания на номер дома само сигнализировало о том, что, сойдя на этой остановке, пассажир окажется в начале улицы или в конце. Однако такого единообразия в наименованиях нет. Остановка по названию улицы может находиться в начале этой улицы — Чертановская улица (трамвай № 49), в конце — Улица Павла Корчагина (автобус № 98), посередине — Улица Академика Королева (троллейбус № 9), а иногда и в любой ее части. Последние два случая, на наш взгляд, вообще недопустимы.

Многим конечным остановкам даны названия московских улиц. Это оправданно, если такие названия указывают, хотя бы приблизительно, в какой части города окажется пассажир в конце маршрута, например: Севастопольский проспект — юг Москвы, Камчатская улица — северо-восточный район города, Бескудниковский переулок — Бескудниково и т. п. Но что подскажут пассажиру такие безликие названия конечных остановок, как 3-й Дорожный проезд, 4-я Кабельная улица, Базовская улица.

Названия площадей также служат наименованиями остановочных пунктов. Это особенно характерно для центра города. При движении транспорта здесь можно наблюдать «нанизывание» названий площадей, например автобус № 89 делает следующие остановки: Площадь Ногина, Площадь Дзержинского, «Детский мир», Улица Горького (в обратном направлении — Площадь Революции), Площадь 50-летия Октября, Арбатская площадь. Площади служат хорошим ориентиром для пассажиров, они достаточно известны, не обладают большой протяженностью, как улицы. Поэтому вполне закономерен выбор подобных названий для конечных остановок, например Комсомольская площадь (трамвай № 7), Площадь Маяковского (троллейбус № 1), Бауманская площадь (автобус № 3) и др. В Москве 93 площади, имена 57 из них стали названиями остановочных пунктов.

В названиях остановочных пунктов Центра закрепились всем известные и всеми любимые старые московские имена: Никитские Ворота, Ильинские Ворота, Петровские Ворота, Сретенские Ворота, Дорогомиловская Застава, Сокольническая Застава и др.

Среди наименований остановок в районах новостроек нередко встречаются названия бывших сел, деревень, поселков, вошедших в черту города. Многие старые имена получили вторую жизнь и стали хорошо известны москвичам как названия новых микрорайонов: Медведково, Нагатино, Черемушки, Коровино, Теплый Стан и др. Так названы и конечные остановки. Находим названия, создающие неповторимый облик определенной части города: Зябликово, Подушкино, Чагино, Давыдково, Нижние Лихоборы и т. п. Отметим, что часто подобные имена (например, Зябликово) не закрепились больше нигде (ни в названиях улиц, переулков, ни в названиях станций метро, ни в названиях жилых кварталов). Таким образом, от забвения их спасает только увековечение в именах остановочных пунктов городского наземного транспорта. Такую тенденцию наименования в районах новостроек можно только приветствовать.

Все виды городского наземного транспорта служат связующим звеном между другими видами транспорта — железнодорожным, речным и особенно метро, и название остановки должно сигнализировать о возможности пересадки на другой вид транспорта. Поэтому вполне закономерно, что названия 82 станций метро стали названиями остановок городского наземного транспорта. Эта тенденция очень продуктивна, так как сами имена станций метро служат ориентирами для москвичей (мы говорим: «В районе метро «Варшавская»...», «Недалеко от метро «ВДНХ»...» и т. п.), и, как только открываются новые станции, сразу же возникают соответствующие названия остановок автобуса, троллейбуса, трамвая, например: Метро «Бабушкинская» (трамвай № 5), Метро «Свиблово» (автобус № 71) и др. Связаны имена остановок и с железнодорожным транспортом. По всем девяти московским вокзалам названы остановки наземного транспорта, в основном конечные: Белорусский вокзал (автобус № 167 и др.), Рижский вокзал (автобус № 76), Киевский вокзал (автобус № 119) и др. В черте города с 1960 г. оказалась 81 железнодорожная станция, по 42 из них названы остановки городского наземного транспорта, например: Платформа Яуза (автобус № 56), Платформа Новогиреево (трамваи № 2, 34, 37), Платформа Северянин (троллейбус № 14) и т. д. Сигнализируют рассматриваемые микротопонимы и о возможности пересесть на речной транспорт: остановки Южный порт (автобус № 8), Пристань (автобус № 69) и др.

Нередко именами остановочных пунктов становятся названия предприятий, учреждений различного назначения и других внутригородских культурно-бытовых объектов. Причем, как пра-

вило, в названиях остановок закрепляются неофициальные имена подобных объектов. Остановкам даны названия около 70 московских заводов: Завод «Динамо», Механический завод, ГПЗ-2, Завод кожизделий и др.; более 20 фабрик: Фабрика «Ударница», Швейная фабрика, Фабрика им. Свердлова и др.; более 20 комбинатов: Хладокомбинат, Рыбокомбинат, Строительный комбинат и др.; различных баз, типографий, депо и т. д.; научно-исследовательских институтов, учебных заведений: Институт зерна, МГУ, Институт физкультуры, Индустриальный техникум, НАМИ, НИИАТ и др. Заметим, что аббревиатуры, подобные двум последним, почти лишены информативности и в качестве названий остановок нежелательны. Важным, значимым для района объектом является районный Совет народных депутатов, поэтому закономерно, что 12 из 32 райсоветов отражены в названиях остановочных пунктов: Кировский райсовет, Тушинский райсовет, Гагаринский райсовет и т. д. Все большее количество названий остановок (особенно в районах новостроек) связывается с предприятиями бытового обслуживания: Фабрика-кухня, Химчистка «Чайка», Ателье срочной химчистки и т. п.

Наименованиями остановочных пунктов служат названия мест отдыха: Краснопресненский ПКиО, Сад «Дружба», Зоопарк и др.; названия спортивных объектов: Дворец спорта «Сокольники», Стадион «Локомотив», Бассейн и др. Причем если объект занимает обширную площадь, то название остановки поясняет: ВДНХ (северная), ВДНХ (южная), Центральный стадион им. В. И. Ленина (южный вход) и т. п. Представлены в названиях остановок театры, клубы, дома культуры, музеи, библиотеки: Театр имени Гоголя, Клуб имени Чкалова, Дом культуры энергетиков, Дворец культуры Метростроя, Музей восточных культур, Библиотека имени Перовской и др. При выборе названий учитывается значимость данного объекта для москвичей. Так, кинотеатры ежедневно посещает 200—300 тыс., а в выходные дни — 500 тыс. человек. В Москве 120 кинотеатров, остановки названы по 61 из них: Кинотеатр «Рига», Кинотеатр «Слава», Кинотеатр «Ударник» и т. д.; а из 130 московских ресторанов только три дали названия остановкам: Ресторан «Гавана», Ресторан «Рига», Ресторан «Крым». Это обусловлено тем, что по значимости в повседневной жизни рестораны уступают другим объектам.

Важную роль в нашей повседневной жизни играют магазины, поэтому закономерно, что они дали названия многим остановкам: Магазин «Ядран», Магазин «Ленинград», Магазин «Ванда», Универмаг «Минск» (фактически слово «магазин» в подобных названиях опускается, так как важна только вторая часть наименования, несущая основную информацию и выполняющая смыслоразличительную функцию), Мебельный магазин, Дом обуви, Дом книги, Зоомагазин, и др. В районах новостроек, где поначалу мало магазинов, последние служат хорошим ори-

ентиром, и появляются остановки: Магазин, Универмаг, Универсам, Продмаг. Но микрорайоны разрастаются, благоустраиваются, магазинов становится больше, и значение приведенных выше названий как ориентиров размывается. Это особенно относится к названию «Продмаг». Появляется несколько одноименных остановок в пределах одного микрорайона, например в Зюзине, Чертанове, Медведкове. Количество одноименных, недифференцированных, малоинформативных названий остановок в районах новостроек все увеличивается. Так, в Москве 4 остановки Магазин, 9 — Универмаг, 16 — Универсам, 26 — Продмаг, 11 — Почта, 17 — Детский сад, 40 — Поликлиника (из них 21 без указания номера), 13 — Аптека, 66 — Школа (27 из них без указания номера). Появляются даже по две остановки «Школа» на одной линии (автобусы № 259 и № 145), причем существуют остановки «Школа» с указанием номера и просто «Школа» (автобусы № 1 и № 42).

Рассмотрев основные принципы выбора названий остановочных пунктов на линиях городского наземного транспорта, отметим, что большинство названий удовлетворяет требованиям, предъявляемым к ним пассажирами, однако единые принципы выдерживаются не всегда. Нередко встречаются малоинформативные названия даже в качестве названий конечных остановок, плохо ориентирующие пассажиров, создающие путаницу и т. д.

Все сказанное свидетельствует о том, что система названий остановочных пунктов автобуса, троллейбуса, трамвая требует упорядочения.

Метро — наиболее современный скоростной вид транспорта, самый популярный среди москвичей и гостей столицы. Прокладываются новые линии метрополитена, увеличивается количество станций, и поэтому все большее значение приобретают сами названия этих подземных вокзалов.

Хотелось бы напомнить о статье в газете «Литературная Россия», подписанной такими известными писателями, как Владимир Чивилихин, Лев Ошанин, композитором Анатолием Новиковым и доктором филологических наук Никитой Ильичом Толстым. Авторы этой статьи выражали тревогу по поводу того, что труднее стало ориентироваться в названиях станций Московского метро. А связано это, по их мнению, с тем, что существуют созвучные названия: Октябрьская и Октябрьское Поле, Измайловская и Измайловский Парк; близкие по семантике названия: Водный Стадион и Речной Вокзал, Студенческая и Молодежная. Большую путаницу вносят различные переименования.

Рассмотрим, согласно каким же принципам выбираются названия будущих станций? Московский метрополитен насчитывает девять линий, среди них — Кировско-Фрунзенская, Горьковско-Замоскворецкая, Арбатско-Покровская, Арбатско-Филевская (Филевская), Кольцевая и др. Единообразия в наименованиях

линий нет. Существуют названия по двум станциям, принадлежащим линии: Кировско-Фрунзенская, Калужско-Рижская, Ждановско-Краснопресненская, Арбатско-Филевская (чаще используется название «Филевская линия» во избежание путаницы, так как существует еще Арбатско-Покровская линия). Неудачно название Арбатско-Покровская линия, так как вторая часть наименования не ориентирует пассажиров — это не название станции и не название района, а Покровский бульвар начинается от станции метро «Кировская», принадлежащей Кировско-Фрунзенской линии.

Большинство станций Московского метро получили названия по соответствующим городским наземным объектам: по площадям — «Площадь Свердлова», «Площадь Революции», «Пушкинская», «Колхозная» и др.; по улицам — «Проспект Маркса», «Ленинский проспект», «Шоссе Энтузиастов», «Каховская», «Профсоюзная» и др. Как видно, не выдерживается единый принцип наименования: в одних случаях термин (улица, площадь, проспект) сохраняется, в других опускается, например «Преображенская площадь», но «Дзержинская», «Волгоградский проспект», но «Пролетарская», «Шоссе Энтузиастов», но «Варшавская» и т. п. Думается, что предпочтительнее названия в форме прилагательного женского рода без термина. Эта модель наиболее продуктивна в названиях станций, метро, удобна и привычна.

Ряд станций получили названия по учреждениям, культурным и спортивным объектам: «Библиотека им. В. И. Ленина», «Университет», «Парк культуры», «ВДНХ», «Динамо» и др. К существующим названиям станций метро по бывшим населенным пунктам, вошедшим ныне в черту Москвы («Беляево», «Медведково», «Щукинская» и др.), прибавились новые: «Перово», «Новогиреево», «Свиблово» и др. Можно только приветствовать, что закрепляются хорошие старые названия, отражающие историю нашего города.

По направлению названы одна действующая станция «Юго-Западная» (Кировско-Фрунзенской линии) и строящаяся «Южная» (Серпуховской линии).

Отличительная черта Московского метро — большое количество пересадочных станций, из них половина одноименны: «Белорусская», «Комсомольская», «Проспект Мира» и др. Они не представляют затруднений для пассажиров, чего нельзя сказать о станциях пересадок с разными названиями: «Краснопресненская» — «Баррикадная», «Пушкинская» — «Горьковская», «Новокузнецкая» — «Третьяковская» и др. Даже москвичу трудно держать в памяти подобные пары названий, не говоря уже о гостях столицы. Создает неудобство для пассажиров существование двух разных станций с одинаковым названием «Смоленская». Эти станции принадлежат разным линиям и не являются пересадочными.

Еще один отрицательный факт — переименования, особенно неудачные, если при этом происходит перемещение названий: от станции «Измайловская» линия метрополитена была продолжена, и следующая станция получила название «Измайловский парк», но позже была переименована в «Измайловскую», а старая «Измайловская» теперь называется «Измайловский парк». Есть и другие примеры.

Возвращаясь к статье, опубликованной в «Литературной России», хочется вслед за ее авторами отметить, что ошибки, недочеты, допущенные в названиях станций метро, теперь уже исправить трудно, но предупредить подобные ошибки в будущем необходимо.

Скоро пойдут поезда в Орехово-Борисово и Братеево. Почему бы не закрепить эти старые названия? Однако уже известно, что конечная станция будет называться не «Братеево», а «Красногвардейская» по названию района Москвы. Но называть станции по району не принято. Например, станция «Пролетарская» названа так потому, что выходит на Пролетарский проспект и расположена не в Пролетарском, а в Красногвардейском районе. Красногвардейский же бульвар, 1—4-й Красногвардейские проезды расположены в Краснопресненском районе, т. е. совершенно в другой части города. Какой же это будет ориентир для пассажиров?!

На Серпуховской линии снова появятся две новые станции, названные по проспектам. Но одна из них — «Нахимовский проспект», а другая — просто «Севастопольская». Снова планируются разноименные пересадочные станции. Необходимо более тщательно подходить к выбору названий, соблюдать единые принципы, стремиться к четкости и простоте, тем самым обеспечивая максимум удобств для пассажиров.

Не рассматривая подробно названий железнодорожных станций, попавших в черту города, отметим, что они сохраняют свои старые имена по бывшим населенным пунктам — селам, деревням, слободам, усадьбам. Во второй половине XIX в., когда началось активное строительство железных дорог, многие из таких селений стали дачными местами. Станции получили уже готовые названия, которые и сохраняются в сегодняшней Москве: Перерва (от названия слободы, известной с XVI в.), Матвеевское (от названия села, известного с XVI в.), Очаково, Вешняки и др.

Встречаются отантропонимические названия, возникшие уже после Великой Октябрьской социалистической революции: Маленковская (в честь революционера Емельяна Михайловича Маленкова), Ждановская (в честь видного партийного и государственного деятеля Андрея Александровича Жданова), а также названия по городам: Дмитровская, Ленинградская и др.

Система названий железнодорожных станций сложилась раньше, чем названия других видов транспорта Москвы, но принципы наименования и их структура в основном сходны.

Остается упомянуть об остановках речного трамвая. Это сезонный вид транспорта, перевозящий пассажиров всего на нескольких сравнительно небольших участках реки Москвы между пристанями: Киевский вокзал — Новоспасский мост, Киевский вокзал — Кунцево, Серебряный Бор-2 — Троице-Лыково, Серебряный Бор-1 — Кольцевая, Северный речной вокзал — Захарково, Южный речной вокзал — Печатники.

Названия двух речных вокзалов указывают, в какой части города они находятся. Принципы наименования 27 московских пристаней в основном те же, что и уже рассмотренных нами остановочных пунктов московского городского наземного транспорта.

В статье была предпринята попытка описать тот богатый и разнообразный ономастический материал, который дают нам названия остановочных пунктов на транспортных линиях города Москвы, классифицировать типы наименований по их первоисточнику и рассмотреть данный материал как систему. Система указанных названий складывалась стихийно, и, как всякой системе, ей присущи закономерности и случайности. Несмотря на некоторые особенности наименования остановок разных видов городского транспорта, главными в выборе названий остаются значимость внутригородского объекта как ориентира для пассажиров и его роль в жизни города. В связи с этим хотелось бы еще раз подчеркнуть, что необходимо упорядочить названия остановочных пунктов, добиться их большей согласованности между собой.

В. А. Скрозникова

«РЕКРЕАЦИОННО-ДЕЛОВЫЕ» НАЗВАНИЯ

В пределах современного города обозначение множества объектов производственных объединений, комбинатов, торгов и торговых фирм, издательств и редакций газет и журналов, зрелищных и спортивных учреждений, предприятий по благоустройству города и других осуществляется разными способами: по их предназначению (Детская горнолыжная база), целевому назначению или местонахождению (Драматический театр на Малой Бронной), с помощью сложносокращенных слов (Мосгаз) и аббревиатур (ВДНХ), по номерам (Аэроклуб № 1), включением в состав их наименований слов «имени», «памяти» (Дом культуры им. В. П. Чкалова; библиотека Памяти 1905 г.), использованием собственных названий (швейное производственное объединение «Детская одежда», кондитерская фабрика «Ударница»).

В статье рассмотрены оформленные кавычками собственные наименования объектов, по отношению к которым можно употребить условный термин «рекреационно-деловые».

Этот термин в достаточной степени емкий и полностью выявляет функции рассмотренных слов: одна часть определяемых ими объектов предназначена для отдыха, развлечений и т. п., другая — служит деловым целям, но в большинстве из них можно усмотреть двойное назначение. Ведь если стадион или каток для спортсмена — место, где он творчески занимается спортом, то обычные посетители могут там просто отдохнуть и восстановить свои силы. То же относится и ко многим другим подобным учреждениям. Ресторан, с одной стороны, место, где можно в свободное время встретиться с друзьями, получить удовольствие от вкусно приготовленной еды, с другой — это просто оборудованная на более высоком уровне обслуживания, чем ординарные столовые и закусочные, точка общественного питания.

Все объекты, имеющие собственные названия и призванные удовлетворять многообразные запросы и потребности жителей большого города, выступают в несколько ином, измененном качестве, чем объекты, не обладающие собственными названиями.

Если, к примеру, словом «бассейн» обозначается «естественный или искусственный водоем, специально оборудованный для занятий и соревнований по плаванию, прыжкам в воду, водному поло», словом «библиотека» — «учреждение, осуществляющее общественное пользование всеми видами печатных изданий и рукописных материалов», а словом «стадион» — «спортивный комплекс с футбольным полем, различными площадками для спортивных соревнований и тренировок, трибунами для зрителей, вспомогательными сооружениями и помещениями» (Словарь, 1979), то с присоединением к этим словам имен собственных для обозначения конкретных объектов их названия приобретают дополнительную окраску. Так, название бассейна «Олимпийский» вызывает представление о его оборудовании на уровне современных мировых стандартов, стадиона «Наука» — ассоциируется с комплексом спортивных площадок, находящихся в распоряжении ученых, а библиотеки «Пионер» — косвенно указывает на пионерский возраст основного контингента ее читателей и т. д.

Иными словами, номинация объектов, имеющих «рекреационно-деловое» назначение, чаще всего дает их посетителям, зрителям или покупателям более широкую информацию о том или ином объекте, увеличивает его популярность, создает по отношению к нему определенный эмоциональный настрой.

В первую группу имен «рекреационно-деловых» объектов мы относим наименования зрелищных, культурно-просветительных и спортивных предприятий Москвы (плавательных бассейнов. библиотек, Дворцов и Домов культуры, катков, кинотеатров,
 клубов, концертных залов, музеев, парков культуры и отдыха,

пляжей, стадионов и др.). Значительная их часть распознается по адресу или по ведомственной принадлежности и кавычками не выделена, т. е. собственными названиями не обладает.

Из всех названий этой группы наиболее разнообразны по семантике наименования кинотеатров, образующие четкие, поддающиеся классификации ряды. Это названия, образованные от имен географических объектов, — «Владивосток», «Варшава», «Ереван», «Казахстан», «Киев», «Ленинград», «Литва», «Москва», «Улан-Батор», «Прага», «Ташкент», «Таллин», «Волга», «Нева», «Эльбрус» и др. Сюда относятся названия союзных республик, их столиц, других городов Советского Союза, столиц некоторых социалистических стран, а также рек и горных вершин. Примечательно, что кинотеатры, носящие названия союзных республик СССР, отличаются соответствующими национальными интерьерами, к тому же именно в них чаще всего происходят смотры фильмов республиканских киностудий. В этих случаях можно, по-видимому, усмотреть координацию названий с творческой, пропагандистской деятельностью этих кинотеатров.

Названия ряда кинотеатров даны по местам их расположения: «Баррикады», «Первомайский», «Полярный», «Урал» — на улицах Баррикадной, Первомайской, Полярной и Уральской соответственно. Некоторые кинотеатры носят названия времен года, частей света, природных явлений: «Лето», «Север», «Восход»; иные названия так или иначе связаны с Галактикой: «Звезда», «Звездный», «Марс», «Метеор», «Планета», «Сатурн», «Космос», «Орбита». Московские кинотеатры названы также по видам птиц: «Орел», «Чайка»; по конкретным предметам: «Вымпел», «Маяк», «Фитиль»; по драгоценным камням: «Рубин», «Янтарь». Среди наименований кинотеатров нередки и абстрактные понятия: «Встреча», «Дружба», «Слава», «Юность», а также названия, отражающие конкретную целевую направленность их репертуара: «Круговая кинопанорама», «Наука и знание», «Повторного фильма» и др.

Некоторые объекты «рекреационно-деловой» сферы носят названия, отражающие их назначение (библиотека «Просвещение трудящихся», выставка «Природа и фантазия») или ведомственную принадлежность (каток «Метростроя», выставка «Морской флот СССР», Дома культуры «Медик», «Химик», «Красные текстильщики» и др.). Некоторым из предприятий этой сферы даны названия по абстрактным понятиям (каток «Энергия», клуб «Дружба»), по конкретным предметам (библиотека «Вымпел», Дворец культуры «Прожектор», Дом культуры «Маяк») или по адресам их расположения (Дворец культуры «Москворечье» на Каширском шоссе, катки «Чистые пруды» в районе Чистопрудного бульвара, «Пионерские пруды» на Пионерских прудах и др.). Определенное место в системе номинации приобрели слова, несущие в себе идеологическую на-

грузку (библиотеки «Патриот», «Пионер», Дома культуры «Заветы Ильича», «Октябрь» и др.), отражающие разные формы творческой и практической деятельности человека (Дома культуры «Высотник», «ВДНХ», «Созидатель», каток «Строитель», клубы «Машиностроитель», «Десантник», «Строитель» и др.), а также идеалы и стремления советских людей (Дом культуры «Новатор», клубы «Активист», «Гагаринец»).

Особый характер присущ названиям музеев. В них не только определена специализация и историческая ориентация этих объектов культурно-просветительной сферы, но и сохранен колорит старины, а также отражены русские национальные традиции: «Боярский быт», «Усадьба Кусково XVIII века», «Русская литература XVIII—XIX веков», «Кутузовская изба», Оружейная палата, «Новодевичий монастырь» и др.

Поэтические наименования некоторых пляжей («Оленьи пруды» в Сокольниках или «Серебряно-Виноградные пруды» в Измайлове) сохранили, по-видимому, особенности флоры и фауны, свойственные ранее этим местностям.

Названия культурно-просветительных и спортивных объектов чаще всего мотивированы. К ним можно отнести названия катков и других спортивных сооружений по существующим добровольным спортивным обществам («Буревестник», «Авангард», «Локомотив», «Спартак», «Наука»), клубов (Московский городской клуб подводного спорта «Дельфин», клуб юных моряков учебного центра ОСВОДа РСФСР «Бригантина», клуб трудового воспитания детей Киевского РОНО «Мастерок», клуб Московского общества рыболовов «Рыболов-спортсмен») или театров («Ромэн», «Современник», кинотеатр «Круговая кинопанорама») и др.

Вторая группа объектов рассматриваемой нами сферы относится к продовольственным и промтоварным магазинам, предприятиям общественного питания, торгово-заготовительным базам и т. п. Подавляющее большинство продовольственных магазинов райпищеторгов собственных названий не имеют и определяются по номерам и адресам (булочные, винно-фруктовые магазины, магазины кулинарии, молочные, мясные магазины и т. п.). Наиболее крупные продовольственные магазины — гастрономические (в том числе универсамы), часть которых отличается собственными наименованиями в соответствии с местами их расположения: гастроном «Новоарбатский» на проспекте Калинина, универсамы «Вешняковский» на Вешняковской улице, «Ленинград» на Ленинградском шоссе, «Новогиреевский» на Новогиреевской улице, «Перовский» на Перовской улице и т. д. Некоторые гастрономические магазины характеризуются абстрактными наименованиями: «Восход», «Спутник» и др.

Ряд специализированных продовольственных магазинов объединен под своего рода фирменными названиями: «Диета», «Ми-

неральные воды», «Дары природы», «Океан», «Русский квас», «Сыр», «Хлеб» и пр. В самой семантике этих названий не только заключена характеристика качественного плана, но и подчеркнуто обилие того или иного товара. Все эти названия наделены как бы значением фирменного знака.

Несколько иное место в номенклатуре названий продовольственных магазинов занимают наименования, заранее предопределяющие национальный характер ассортимента предлагаемых в них товаров: «Армения», «Балатон», «Варна» — продовольственные товары из Армении, Венгрии и Болгарии. Некоторые продовольственные магазины названы в соответствии с ориентацией предметов их торговли: «Автоматы» — продажа штучных товаров, «Рыжик» — магазин, где можно купить грибы, «Лакомка» — торговля кондитерскими изделиями и т. п.

Большинство точек общественного питания, таких, как блинные, бутербродные, домовые кухни, пельменные, пивные бары и пивные залы, пирожковые, столовые, кафетерии, кафе-молочные и кондитерские и другие, не оформлены собственными названиями и определяются лишь по адресу. Однако и среди них есть объекты, подвергшиеся номинации, — это кафетерий «Белоснежка», кафе-мороженое «Снежок», пельменная «Сибирь», пивной бар «Саяны», молочное кафе «Юность», столовые «Пеликан», «Беларусь», «Искра».

Все рестораны и бóльшая часть неспециализированных кафе обладают разнообразной номенклатурой названий. Имена ресторанов, такие, как «Армения», «Арагви», «Баку», «Украина», «Узбекистан» или «Белград», «Берлин», «Варшава», «Прага», служат указанием на преобладание в них национальной кухни (армянской, грузинской, азербайджанской, украинской, узбекской или югославской, немецкой, польской, чешской). В этих ресторанах приятны не только своеобразные национальные меню, но и национальные оригинальные и нарядные интерьеры.

Названия ряда ресторанов окрашены сугубо русским национальным колоритом: «Витязь», «Дубрава», «Золотой рожок», «Изба рыбака», «Русская изба», «Русский зал», «Русский лес», «Русь» и др. То же можно сказать и о названиях некоторых кафе: «Кижи», «Лель», «Садко», «Ярославна» и др. Большинство названий ресторанов, кафе уже сами по себе создают определенный эмоциональный климат и как бы заранее располагают их посетителей к отдыху: рестораны «Лазурный», «Лесной», «Сказка», «Хрустальный», кафе «Молодежное», «Чудесница», «Шоколадница», «Мечта», «Солнечное».

К промтоварным магазинам, распознаваемым по адресу, относится значительное число галантерейно-трикотажных, парфюмерных, магазинов готового платья, белья, головных уборов, мехов, культтоваров, мебельных, обувных, ткани и др. Среди них есть крупные магазины (универмаги), которые наделены самостоятельными названиями, принявшими на себя адресную

функцию и в то же время определяющими целевое назначение этих объектов: «Москва», «Богатырь», «Детский мир», «Все для дома» и др.

Несколько промтоварных магазинов предназначены для популяризации промышленных товаров и сувениров из социалистических и дружественных нашему государству стран: «Белград» и «Ядран» — товары из Югославии, «Букур» — из Румынии, «Польская мода» — из Польши, «Ганга» — из Индии и др.

При номинации всех ювелирных магазинов использованы названия драгоценных и полудрагоценных камней, сразу же определяющие торговую ориентацию этих магазинов: «Агат», «Аквамарин», «Бирюза», «Гранат», «Рубин», «Сапфир», «Янтарь» и др.

Названия некоторых магазинов готового платья отражают стремление к удовлетворению запросов и вкусов современной моды — «Модный трикотаж», «Модный силуэт», причем в некоторых случаях точно указано, какому контингенту покупателей предназначен товарный ассортимент: женщинам («Наташа», «Татьяна», «Светлана», «Товары для женщин»), мужчинам («Мужская мода», «Мужские сорочки», «Руслан») или детям («Машенька», «Тимур», «Малыш»). Многие из специализированных магазинов, торгующих детскими товарами, имеют собственные названия: «Детский мир», «Пионер», «Смена», «Звездочка», «Орленок» и др.

Сами названия таких магазинов, как «Богатырь» — для продажи товаров нестандартно больших размеров, «Школьник» — для продажи канцтоваров, школьно-письменных принадлежностей или «Тысяча мелочей» — для продажи товаров домашнего быта и т. п., придают товарам как бы дополнительные достоинства «фирменных изделий», а потому особую привлекательность.

Совершенно точно раскрывают специализацию магазинов хозяйственных товаров их названия — «Уют», «Все для дома», «Сантехника», «Сантехоборудование», «Товары для дома». То же относится и к обувным магазинам — «Каблучок», «Сапожок», «Башмачок», и к магазинам культтоваров — «Авторучка», «Голубой экран», «Радиотехника». Среди магазинов парфюмерии и цветочных магазинов, к сожалению, есть лишь несколько названий, правда в достаточной степени поэтических, — «Сирень», «Цветы России», «Цветы Болгарии» и «Польская гвоздика».

Из числа названий специализированных книжных магазинов можно выделить те, которые говорят о целенаправленном назначении этих магазинов: букинистические «Букинист», «Антиквар», «Книжная находка», «Старая книга», магазины «Патентная литература», «Всемирная литература»; некоторые эмоционально окрашенные названия призваны оказывать влияние на рост популярности книжных магазинов среди населения —

«Новелла», «Поэзия», «Пушкинская лавка» и др. Широкий ассортимент книг и альбомов, изданных в социалистических странах (ГДР, Болгария, Венгрия, Польша и др.) на их национальных языках, можно приобрести в фирменном книжном магазине под символическим названием «Дружба».

Отдельно нужно остановиться на наименованиях, в состав которых входит слово «дом»: «Дом игрушки», «Дом мебели», «Дом обоев», «Дом педагогической книги», «Дом ткани», «Дом фарфора» и др. Этот тип названий объединяет магазины разного профиля и назначения, но все они вызывают ассоциации с широким ассортиментом и большим выбором товаров и с их высоким качественным уровнем. Представляется, однако, что наличие филиалов (пять магазинов «Дом книги», два «Дома обуви» и т. п.) нарушает представление об их уникальности.

Названия нескольких продовольственных и промтоварных магазинов объединены словом «русский», входящим в их состав. Оно придает им не только фирменный, но и сугубо национальный колорит — «Русские узоры», «Русский квас», «Русский лен», «Русский сувенир» и др.

Третья группа «рекреационно-деловых» названий относится к жилищно-коммунальному хозяйству. Это гаражно-строительные кооперативы (ГСК), жилищно-строительные кооперативы (ЖСК), гостиницы, а также предприятия по бытовому обслуживанию населения Москвы (парикмахерские, приемные пункты прачечных и химических чисток и др.). Названия этих объектов легко вписываются в уже приведенные нами семантические ряды. По месту нахождения предприятий — ГСК «Тушинец», «Щукино», гостиницы «Останкино», «Можайская», ЖСК «Дегунино», «Матвеевский», «Нагатинский» и другие, расположенные в соответствующих районах Москвы. В качестве названий всех этих учреждений нередко употреблены абстрактные понятия: ГСК «Восход», «Дружба», гостиницы «Мир», «Юность», ЖСК «Культура», «Встреча», «Здоровье»; географические названия: ГСК «Ладога», гостиницы «Москва», «Алтай», «Белград», «Берлин», «Варшава», «Урал», ЖСК «Истра», «Волга», «Ангара», «Селигер», «Сетунь», «Ташкент», «Карпаты».

Часто среди названий учреждений и предприятий встречаются самые неожиданные, ничем не мотивированные и не объяснимые наименования. Особенно отличаются в этом плане пайщики ЖСК, давшие ряду кооперативных домов такие названия, как «Альтаир», «Девон» или «Ситал», нуждающиеся в особой расшифровке.

Небезынтересно, что из более чем тысячи парикмахерских, включая салоны, особыми названиями наделены лишь единицы — «Московский цирюльник», «Чародейка», «Локон», «Юбилейный», «Машенька», «Челочка», а для всех пунктов пошива одежды по индивидуальным заказам и для химчисток, кроме «Дом моды» и «Новинка», «Снежинка», вообще нет названий.

Среди прачечных Москвы также нет ни одного предприятия, имеющего собственное имя.

Дополнительного освещения в статье требует вопрос об увязке названий «рекреационно-деловых» объектов с их местонахождением. Наименования многих объектов, как было показано выше, скоординированы с их расположением в городе. Подобная координация иногда носит общий характер: на юге Москвы есть ресторан «Юг», ЖСК «Южный»; на севере — ресторан «Северный», кинотеатр и ЖСК «Север», гостиница «Северная», а в центре — гостиница «Центральная», ресторан «Центральный», кафе «Центральное», ЖСК «Центр»; а иногда и конкретный: гостиница «Ярославская» — на Ярославской улице; кафе «Новогиреевское» — на Новогиреевской улице; ресторан «Крым» и универмаг «Симферополь» — на Симферопольском бульваре; кинотеатр «Нева» — на Беломорской улице и т. д. Однако присвоение географических наименований названиям объектов «рекреационно-деловой» сферы не всегда приведено в соответствие с их месторасположением. Зачастую эти названия бывают случайными и их появление трудно обосновать. Непонятно, например, почему кинотеатр, находящийся на Дмитровском шоссе, назван «Ереван», на Севастопольском проспекте — «Таллин», кафе на ул. Рылеева носит название «Адриатика», на ул. Маршала Тухачевского — «Зеленый мыс», а наименование «Минск» присвоено ресторану и гостинице на улице Горького. И наконец, некоторым из рассмотренных нами городских объектов названия даны настолько нелогично, что они служат причиной досадных недоразумений. Разве не могут дезориентировать приезжих названия гостиницы «Алтай», находящейся не на Алтайской, а на Гостиничной улице, «Восток», расположенной не на востоке Москвы, а на севере, в Останкине, ресторана и гостиницы «Варшава» — на Октябрьской площади, а не на Варшавском шоссе, универсама «Центральный», который нужно искать отнюдь не в центре города, а на Зеленом проспекте (в Перове и Новогирееве), или, скажем, тот факт, что наряду с гостиницей и рестораном «Ленинград», находящимися на Каланчевской улице, вблизи Ленинградского вокзала, кафе, что на Арбате, и кинотеатру на улице Вальтера Ульбрихта присвоены соответственно наименования «Ленинградское» и «Ленинград»?

Тем не менее в большинстве случаев «рекреационно-деловые» названия предприятий и учреждений культурно-бытовой сферы Москвы подчиняются определенным закономерностям. Основное назначение наименований — быть своего рода рекламой тех объектов, которые ими определяются. В рекламе особенно нуждаются кинотеатры (для того чтобы широко информировать зрителей о тематике текущих кинопрограмм), рестораны (для привлечения посетителей своим обслуживанием и качеством своей кухни) и т. д.

 Во всех видах «рекреационно-деловых» названий использо-

ваны наименования подлинных географических объектов, абстрактных понятий (выражающих некоторые нюансы эмоционально окрашенных человеческих отношений), конкретных предметов (подчеркивающих качественную характеристику объектов) и др. Все выделенные нами названия, несомненно, нацелены на создание положительных эмоций, а потому можно сказать, что в них самих заложен определенный положительный потенциал.

Известным закономерностям подчиняется и правописание названий. С прописной буквы обычно пишется первое слово наименования и имя собственное, входящее в его состав: «Молодая гвардия», «Красная Пресня». Названия не согласуются с определяемым словом, по отношению к которому они выступают в качестве приложения: в просторном универмаге «Москва», а не «Москве». Когда же название входит в состав подлежащего, согласование сказуемого происходит лишь с нарицательным существительным: кафе «Восток» открылось. В том случае, когда в роли подлежащего выступает только одно наименование, имеет место его грамматическое согласование со сказуемым: «Прага» открылась после ремонта (Розенталь, 1978, с. 23, 238, 243).

В вопросах присвоения наименований существует ряд нерешенных проблем. В Москве есть объекты с одинаковыми названиями, принадлежащие к различным сферам и ведомствам (название «Восход», например, присвоено ресторану, кафе, кинотеатру, гастроному, магазину книг и школьно-письменных принадлежностей, магазину мотоциклов и запчастей к ним и дорожных велосипедов, ГСК, ЖСК). В то же время одно и то же название дается целому ряду однотипных объектов: есть три магазина «Железнодорожник», два кондитерских магазина «Ударница», не менее десяти ЖСК «Чертаново», которые отличаются друг от друга только порядковым номером, и т. д. Такое дублирование названий вызывает смещение связанных с ними ассоциаций и в какой-то мере снижает степень оригинальности и популярности этих наименований.

Для того чтобы избежать дублирования названий, а также с целью популяризации объектов культурно-бытовой сферы, повышения качества их рекламы, соблюдения требований эстетики при присвоении им названий целесообразно было бы пользоваться специально составленными для этой цели рекомендательными списками. К этой работе наряду с участием общественности столицы следует привлекать и специалистов, причем при номинации объектов немаловажно учитывать и географическую привязку названий к местам их расположения.

А. П. Афанасьев

ФИННО-УГОРСКАЯ ГИПОТЕЗА ТОПОНИМА МОСКВА

О происхождении топонима Москва написано очень много. Имеются десятки вариантов этимологий. Обилие версий красноречиво свидетельствует о том, что вопрос пока остается нерешенным.

В статье Г. П. Смолицкой, помещенной в этом же сборнике, рассматриваются основные заслуживающие внимания гипотезы о смысловом значении названия Москва, поэтому здесь нет необходимости останавливаться на конкретном их анализе.

Исследователи, которые когда-либо затрагивали вопрос о происхождении названия Москва, выводили его из языков следующих народов: финно-угров, древних балтов, древних иранцев, славян, древних балто-славян и народов Кавказа. Справедливо подвергая критике многочисленные гипотезы, Г. П. Смолицкая вслед за В. Н. Топоровым (1981) склонна название реки Москва связывать со словами из славянских и балтийских языков: *моск, мозг (мож), мощ (мост)*, mask, mazg, mast, mak со значениями: «жидкий, мягкий, слякотный, гнилой», «бежать, убегать, идти», «бить, ударять, постукивать». По мнению Г. П. Смолицкой, слово, которое легло в основу гидронима Москва, было в обиходе балто-славянской общности, вероятно, до 1-го тысячелетия н. э. и, таким образом, осмысливалось как «слякотная, болотистая река».

Достоверность балто-славянской этимологии дополнительно подтверждается возможностью сблизить название Москва со словами из балтийских языков и распространением ареала гидронима на *-ва* и *-ава* далеко на запад (бассейн Оки, Верхнее Поднепровье, Прибалтика).

В одной из недавних работ В. Н. Топоров (1981) пишет, что только в Подмосковье находится не менее 300 названий балтоязычного типа, а включая пограничные с Подмосковьем территории Калужской, Смоленской и Калининской областей, количество названий увеличивается до 400. Эти факты склоняют к мысли, что в балто-славянской перспективе вопрос о происхождении названия Москва решается как будто бы положительно. И все же балто-славянская гипотеза не лишена уязвимых мест. Кроме того, археологические данные и этническая история населения Волго-Окского междуречья не позволяют перечеркивать возможность интерпретации топонима Москва на общефинской основе.

Против финно-угорской гипотезы Г. П. Смолицкая приводит следующие доводы: 1) объяснение основного компонента названия *-моск* на почве финно-угорских языков неубедительно;

2) связи между ареалами на *-ва* московского и уральского регионов отсутствуют.

Финно-угроведы действительно не предлагали обоснованной этимологии первого компонента в названии Москва, но вряд ли это обстоятельство связано с «затруднениями» в области лексики. Скорее всего затруднения возникли из-за тех методических просчетов, которые были допущены исследователями при изучении топонимии Волго-Окского междуречья. Основной просчет — попытка этимологизировать древние топонимы региона на основе современных финно-угорских языков, попытка определить смысловое значение отдельных названий без выявления топонимического ряда и вне связи с топонимической системой в целом. Немаловажное значение имеет и тот факт, что никто из финно-угроведов не привлекал массовый топонимический материал северо-востока Европы и Средней Волги для сопоставления с гидронимией Волго-Окского междуречья, Верхнего Поднепровья и Западной Двины.

По данным археологии, финские племена — носители волосовской культуры появляются в Волго-Окском междуречье еще во 2-м тысячелетии до н. э. Дьяковская культура, возникшая на базе волосовской через посредство поздняковской культуры, прослеживается четко с 1-го тысячелетия до н. э. до второй половины 1-го тысячелетия н. э. На раннем этапе дьяковская культура называется культурой сетчатой керамики, которая простиралась от Средней Волги до Прибалтики. Этнокультурная близость населения Средней Волги с Волго-Окским междуречьем прослеживается и на поздних этапах дьяковской культуры. В частности, Е. И. Горюнова, изучая материалы мерянских и муромских поселений и могильников второй половины 1-го тысячелетия н. э., обнаружила черты сходства отдельных предметов из Волго-Окского междуречья с находками не только Средней Волги, но и Прикамья и Приуралья (Горюнова, 1961, с. 130). Принадлежность населения дьяковской культуры к финским племенам, так же как и летописных народов меря и мурома, признается почти всеми исследователями.

Почти одновременно с древними финно-απрами в Волго-Окское междуречье с запада проникают древние балты, но влияние последних на топонимию упомянутого района, по крайней мере до второй половины 1-го тысячелетия н. э., не следует преувеличивать. Весьма вероятно, что племена шнуровой керамики оставили балтские водные названия в Верхнем Поднепровье, восходящие к самым отдаленным временам (начало 2-го тысячелетия до н. э.). Что же касается влияния фатьяновской и балановской культур (близких, по мнению В. В. Седова, к культуре племен шнуровой керамики) на топонимию Волго-Окского междуречья и Средней Волги, то его следует поставить под сомнение. «Фатьяновцы», проникшие в западную часть Волго-Окского междуречья и междуречья Волги и Клязьмы, уже к середине

2-го тысячелетия до н. э. были уничтожены или изгнаны финноязычными носителями волосовской культуры (Седов, 1974, с. 24).

«Балановцы» имеют определенное отношение к племенам шнуровой керамики, поскольку представляют племенную группу одного из вариантов культур с боевыми топорами, но «шнуровой орнамент на балановском этапе отсутствует полностью» (Бадер, Халиков, 1976, с. 55). По-видимому, «балановцы» проникли в Среднее Поволжье из Среднего Поднепровья через Северский Донец и Верхний Дон, захватывая области, заселенные людьми средиземноморского типа, поскольку лица, принадлежавшие к восточносредиземноморскому типу, не только составляли основное антропологическое ядро популяции балановской культуры, но и занимали господствующее положение. В Балановском могильнике к этому типу относятся все погребения воинов с медным и каменным оружием и наиболее богатые погребения женщин. К числу рядовых членов племени принадлежали лица, обладавшие кроманьоидными и монголоидными чертами.

По всей вероятности, люди кроманьоидного облика — это остатки автохтонного населения мезолита и неолита, а ослабленные монголоидные черты, по-видимому, принадлежали представителям носителей волосовской культуры — древним предкам всех финнов. Господствующая верхушка балановского общества — пришлое население южноевропеоидного облика — вряд ли говорила на каких-то балтских языках. Скорее всего их язык был близок к языку очень древних предков ираноязычного населения. То же самое можно сказать и о пришлой части населения поздняковской культуры (вторая половина 2-го тысячелетия до н. э., названа по с. Поздняково близ города Мурома; хозяйство — скотоводство, земледелие, охота, рыболовство; население имело бронзовые предметы: ножи, кинжалы, украшения), поскольку она была связана с племенами срубной культуры рек Дона и Северского Донца. Следует отметить, что и «балановцы» и «поздняковцы» в языковом отношении быстро растворились в среде финно-угров.

Археологи не отмечают значительного влияния балтов в Волго-Окском междуречье в течение 1-го тысячелетия до н. э. И только в конце 1-го тысячелетия до н. э. и в самом начале нашей эры племена днепро-двинской культуры, связанные с балтами, расширяют свою территорию в восточном направлении, заселяя западные районы междуречья Оки и Волги (Седов, 1974, с. 28). Переселение балтов с Верхнего Поднепровья и Западной Двины в бассейн Волги было, по-видимому, связано с активизацией германских племен в Центральной Европе. Дальнейшая инфильтрация балтоязычного населения в Волго-Окское междуречье усиливалась в связи с вторжением готов в пределы Восточной Европы, расширением территории славян в бассейне Днепра, Западной Двины. По-видимому, этот процесс во второй половине 1-го тысячелетия н. э. относительно безболезненно от-

ражался как на местном (финно-угорском), так и на пришлом (балтоязычном и славянском) населении. Именно в это время, в эпоху раннего средневековья, в Европе наблюдается климатический оптимум: постепенное повышение температуры и уменьшение влажности (Монин, Шишков, 1979, с. 343—355). Появляется возможность для занятия земледелием не только в лесных районах бассейна Волги, но и в бассейнах северных рек Восточной Европы: Онеги, Сухоны, Вычегды, Северной Двины, Мезени. Комплексное хозяйство балтов, славян и финно-угров получает широкие возможности для освоения новых территорий. Вероятно, по этой причине и происходит быстрая смена этносов в Волго-Окском междуречье в конце 1-го — начале 2-го тысячелетия н. э.

Отсутствие финно-угорских микротопонимов в Волго-Окском междуречье объясняется тем, что на смену финно-уграм пришли не славяне, а балтоязычное население, которое почти полностью обновило микротопонимию, но маловероятно, чтобы полностью изменились названия крупных географических объектов, особенно названия крупных рек и озер. О смене местного населения Волго-Окского междуречья пришельцами балтского происхождения имеем косвенное свидетельство в русских летописях: «Беста бо два брата в Лязех, Радим, а другий Вятко. Пришедше седоста Радим на Рсьжу, и прозвашася радимичи, и Вятко седе с родом своим по Оце, они же прозвашася вятичи, иже есть резанцы и до сего дни» (Полное..., 1977, с. 12).

Принято считать, что здесь речь идет о приходе династов. Но скорее всего в летописи отражена легенда о передвижении с запада балтоязычного населения. И вряд ли до прихода балтов на Соже и Оке находились славяне, поскольку ни радимичей, ни вятичей летописец не включает в число племен, говорящих на славянском языке: «Се до в Руси словенский язык: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дерговичи, север, бужане, зане седоша по Бугу, последи же волыняне» (Полное..., 1977, с. 11). Рязанцы конца 1-го тысячелетия н. э. конечно же имели какое-то отношение к финно-угорскому миру, в частности к древним предкам современных эрзя. Что касается радимичей, то их территория выходит за пределы Волго-Окского междуречья, поэтому весьма сомнительно связывать их с древними финнами, но ведь никто еще не установил точно пределы юго-западного расселения финноязычного населения из Волго-Окского междуречья, где оно проживало по крайней мере в течение трех тысяч лет (со 2-го тысячелетия до н. э. до начала 2-го тысячелетия н. э.).

Судя по археологическим материалам, теоретически возможна интерпретация топонима Москва на основе балто-славянской языковой общности, но практически маловероятно, чтобы названия крупных рек сплошь и рядом объяснялись из языка древних балто-славян, который предположительно существовал не позднее 1-го тысячелетия до н. э. Подавляющее большинство балто-

язычных топонимов в Волго-Окском междуречье, во всяком случае в пределах нынешней Московской области, должны иметь возраст 1000—1500 лет. По данным археологии, топонимию Волго-Окского междуречья, имеющую возраст старше рубежа нашей эры, логично интерпретировать в основном из языков древних финнов.

Но не только этапы развития этнической истории населения Волго-Окского междуречья ставят под сомнение балто-славянскую гипотезу топонима Москва. В названиях крупных рек не встречаются те признаки характеристики объекта, которые якобы легли в основу образования гидронима Москва: «жидкий, мягкий, слякотный, гнилой, болотный». Последние три признака могут быть присущи ручьям и небольшим речушкам длиной до двух-трех десятков километров, но не рекам протяженностью несколько сот километров. Большие реки от истока до устья несколько раз меняют характер берегового ландшафта, характер течения и даже химический состав воды.

Предположение о том, что Москва-река получила свое название близ истока и что это имя распространилось на все течение реки, как будто бы дает основание допустить возможность возникновения и закрепления гидронима со значением «гнилая, болотная» (река). Действительно, Москва-река берет начало из большого болота, которое иногда называют Москворецкой лужей (Смирнова, 1958, с. 34). Кроме того, логично допустить, что древние балты попали в бассейн Москвы через верховья Днепра или Вазузы, по волоковым соединениям вышли почти к истоку Москвы-реки, обосновались в верхнем течении, а затем постепенно освоили весь бассейн. Вместе с этносом на весь бассейн распространяется и первоначальное название реки. Такое предположение правдоподобно.

Авторы недавно вышедшей работы «Топонимия Москвы» пишут: «Раскопки Дьякова городища, например (в южной части Москвы, у Коломенского), показали, что здесь существовало поселение уже с середины 1-го тысячелетия до н. э. Племена дьяковской культуры оставили свои городища по всему бассейну реки Москвы. В современной науке их соотносят с древнейшими названиями финно-угорского гидронимического пласта» (Смолицкая, Горбаневский, 1982, с. 14). Выходит, авторы признают, что бассейн Москвы с середины 1-го тысячелетия до н. э. был уже освоен оседлым населением и что река имела свое название. Конечно же это название было местного, финноязычного происхождения или более древнее, заимствованное от предшественников. Добавим к этому то, что уже было отмечено выше: по данным археологии, финно-угорское население в Волго-Окском междуречье более или менее постоянно обитало с начала 2-го тысячелетия до н. э.

Теоретически можно допустить, что какая-то группа очень
 древних балтов все же проникла в бассейн Москвы-реки раньше

древних финнов, т. е. примерно в первой половине 1-го или даже во 2-м тысячелетии до н. э. Но в это время Москва-река вытекала не из болота и даже не из лужи, а из большого озера ледникового происхождения, окруженного высокими моренными холмами. По мнению исследователей, заросшие озера котловинно-моренного типа на Смоленско-Московской возвышенности перестали существовать только около тысячи лет назад (Смирнова, 1958, с. 76).

Судя по названию, болото Москворецкая лужа, где берет свое начало река Москва, заросло полностью совсем недавно. И если древние балты вышли к истоку реки 2500 лет назад или раньше, то они назвали бы ее не гнилой или болотной, а наверняка озерной. Таким образом, балто-славянская гипотеза гидронима Москва, выдвинутая В. Н. Топоровым и поддержанная Г. П. Смолицкой и М. В. Горбаневским, ставится под серьезное сомнение.

Что касается версий о финно-угорском происхождении названия Москва, то до сих пор не было ни одной достаточно аргументированной гипотезы. Следует учесть и то обстоятельство, что ни один финно-угровед еще не пытался исследовать топонимию Волго-Окского междуречья на массовом материале. Тюркский и особенно балтский пласты географических названий Центра изучены несравненно лучше. Гипотеза о финно-угорском происхождении топонима Москва практически не поддерживается никем из ученых не потому, что она маловероятна, а потому, что недостаточно обоснована исследователями.

Нельзя сказать, что специалисты вовсе обходили вниманием финно-угорскую топонимию Центра. Были неоднократные попытки восстановить язык летописных финнов этого региона. Особенно много внимания уделялось проблеме летописных меря путем сравнения топонимии древних мерянских областей с топонимией современных финнов Поволжья. Видный специалист финно-угорской филологии, топонимист, историк, философ и математик А. И. Попов высказал весьма перспективную идею для дальнейшего исследования финно-угорской топонимии Центра: «Языковые элементы, интерпретируемые как мерянские, сопоставимы не только с марийскими и мордовскими, но и с прибалтийско-финскими, саамскими и пермскими данными» (Попов, 1974, с. 13).

В финно-угорской топонимии северо-востока Европы в гидронимах часто повторяется элемент *мос* (*моз, мож, мош, мас*): Космос, Мосва, Мосъя, Кырыкмас, Чермоз, Можвай, Мошьюга, Мадмас, Ядмас и т. п. Элемент *мос* в древних пермских языках означал «ключ», «источник» (Лыткин, 1970). В компонентах гидронимов *мус, мас, мос* Е. М. Поспелов (1970) склонен видеть измененные термины *мукса, макса, мокса, мокша* и связать их с названиями таких рек, как Мокша, Мокшур (обе басс. Оки), Мокшура (басс. Ветлуги), Мокса (басс. Костромы). Логичность

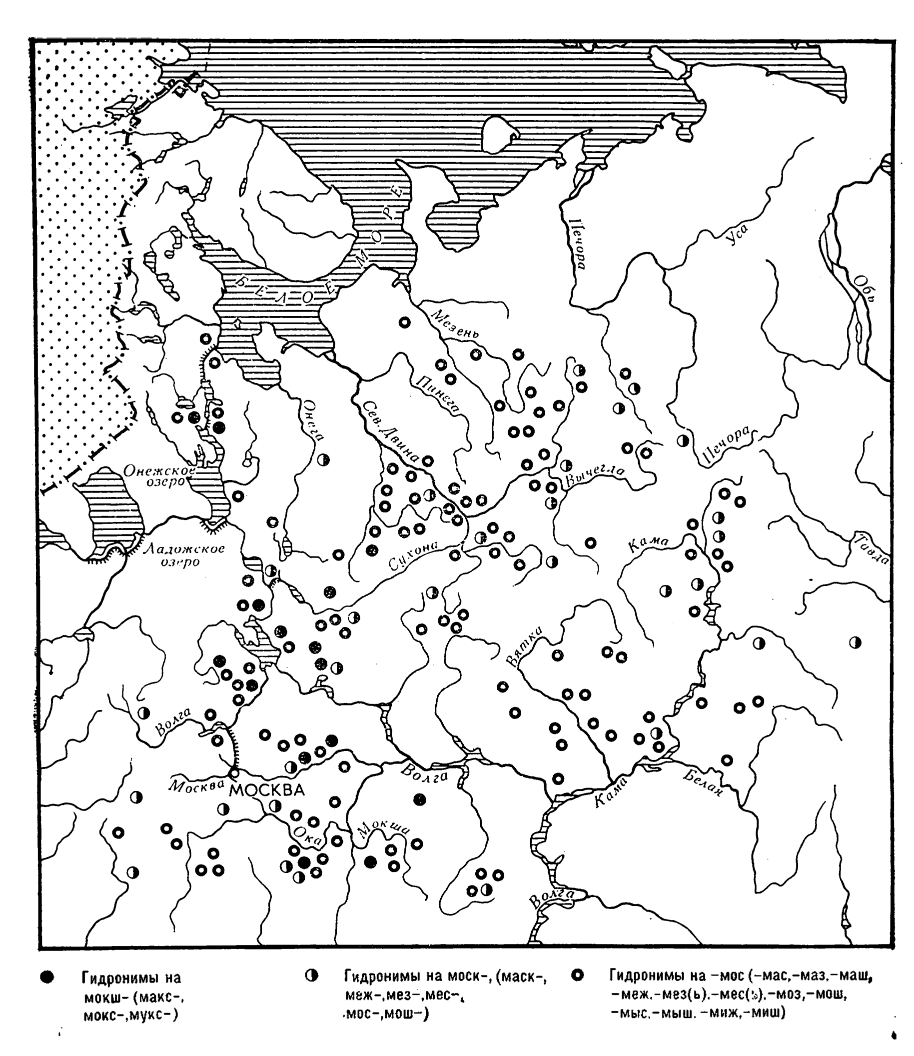

Рис. 1. Гидронимы Европейского Севера, Урала и Волго-Окского междуречья на *мокш-*, *моск-*, *-мос* (по различным источникам)

этой точки зрения подтверждается материалами пермских языков. После отделения пермской языковой общности от финно-угорской в пермских языках наблюдается отпадение конечных гласных, перестановка в сочетаниях *-кс, -кш* на *-ск, -шк* и утрата конечных согласных: макса (фин.), максо (морд.), мокш (мар.), мус(к) (коми), мус (удм.) — «печень»; вуокса (фин.), векс (мар.), вис(к) (коми) — «ветвь, протока», «протока», «протока из озера»; шокш (мар.), сос (коми) — «рукав». Зная пути исторической эволюции языка, древнюю финно-угорскую форму тер-

мина *мос* можно реконструировать следующим образом: праперм. *моск,* фин.-угор. *мокса* (диал. *мокш, мокша*). Надо полагать, смысловое значение этого термина включало в себя более широкий спектр понятий, чем теперь: «ключ, родник, источник, поток, приток» и т. п.

Гидронимы с основами или формантами на *-мос(к)-, -мокс-, -мокш-* широко встречаются почти во всех областях расселения современных финских народов в пределах СССР.

В древнем финно-угорском языке преобразование *мокс* на *моск* под влиянием прапермского языка произошло в начале 1-го тысячелетия до н. э. Первый элемент названия *Москва* явно сопоставляется с прапермской формой речного (водного) термина *моск.* Если это совпадение не случайное, то второй компонент гидронима (*-ва*) не требует дополнительных доказательств его принадлежности к древнему пермскому языку. В современных пермских языках коми, коми-перм. *ва,* удм. *ву* — «вода, река». Таким образом, гидроним Москва имеет возраст несколько тысяч лет и осмысливается из прапермской лексики как «приток-река» (по отношению к Оке) или «река с притоком» (по отношению к Яузе или другим притокам).

Связь между гидронимическими ареалами на *-ва* московского и уральского регионов в настоящее время не прослеживается, но это не значит, что она никогда не могла существовать в прошлом. Отдельные этнические группы прапермян могли попасть в Волго-Окское междуречье еще в ананьинское время (ананьинские племена — вероятные предки современных коми и удмуртов) в VIII—III вв. до н. э. Позднее, в IV в. н. э., Прикамье испытало вторжение южноуральских этнических групп (так называемый харинский этап ломоватовской культуры). Под давлением пришельцев прапермское население, возможно, переселилось не только в бассейн северных рек (Вычегды, Сысолы и др.).

С эпохи «великого переселения народов» на разрыв московского и уральского гидронимических ареалов на *-ва* могли повлиять неоднократные вторжения кочевых племен на Среднюю Волгу: сарматов, аланов, угров, гуннов, хазар, болгар и, наконец, монголо-татар. Исследователям необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что традиционное представление о том, что родиной прапермян является Прикамье или Вятско-Камское междуречье, поддерживается далеко не всеми специалистами.

Видный специалист по финно-угорской археологии А. Х. Халиков считает, что прапермская общность не может быть связана ни с ананьинской, ни с ломоватовской культурой, что исходная зона прапермян должна быть помещена не южнее верховий Вятки, Камы и Вычегды (Халиков, 1979, с. 70). Вопрос о прародине пермян выходит за пределы данной статьи. Он затрагивается лишь для того, чтобы избежать одностороннего взгляда на проблему связи гидронимических ареалов на *-ва.*

4—1360

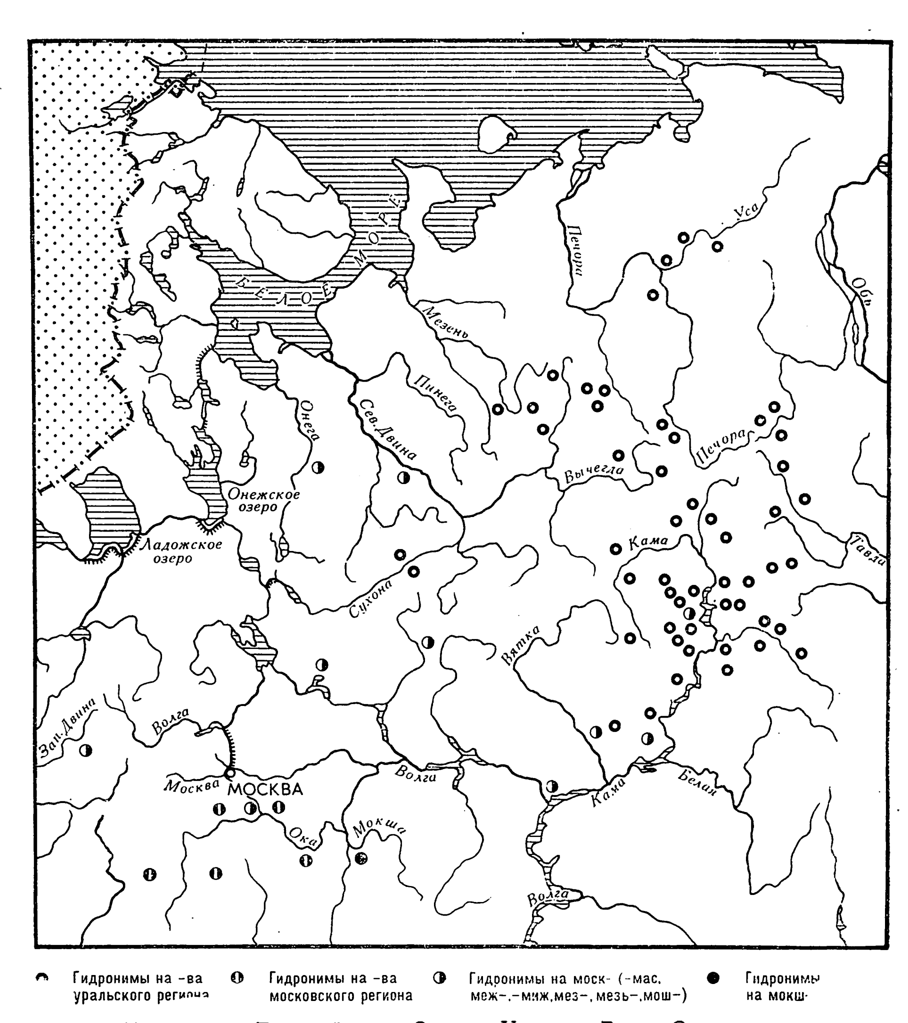

Рис. 2. Гидронимы Европейского Севера, Урала и Волго-Окского междуречья на *-ва, моск-, мокш-* (источник: карты СССР масштаба 1 : 2 500 000)

Топонимия и исторические источники XIV—XV вв. отмечают былое пребывание предков коми намного западнее современного расселения: в бассейне Юга, на Нижней Вычегде и Пинеге. Возможно, заволоцкая чудь имела какое-то отношение к прапермянам. Правда, А. К. Матвееву (1965; 1971) не удалось найти явные следы пермян в субстратной топонимии Заволочья. Нет ничего пермского и в скудных остатках мерянской топонимики (Серебренников, 1967, с. 180). Но по данным языка, пермские народы когда-то имели контакты с древнеиранским миром. В результате этих контактов в прапермском языке образовался зна-

чительный слой лексики, который и поныне легко интерпретируется из иранских языков (сталь, железо, сошник, нож, миска, хлеб, курица, корова, скот, плеть и др.). Особенно значителен в лексике пермских народов слой древнечувашских заимствований: редька, репа, серп, сноп, зерно, карман, лукошко, гриб, хлев, цыпленок, буран и др. (Лыткин, Тепляшина, 1976, с. 218). И если Прикамье не может быть прародиной пермян (по А. Х. Халикову), то, по данным языка, ее логично искать вдоль северной границы лесостепи Восточной Европы, учитывая линию водораздела между правыми притоками Оки, Средней Волги и бассейном Дона.

Почему отсутствует связь между топонимическими ареалами на *-ва* московского и уральского регионов, доказать нетрудно, сложнее выяснить вопрос о наличии связи гидронимов на *-ва* с финноязычным населением. В. Н. Топоров (1972) утверждает, что гидронимия с формантом *-ва* известна не только далеко на востоке от Москвы, но и западнее от нее, что элемент *-ва* нельзя рассматривать только как нарицательное слово.

Бессмысленно искать во всех гидронимах с формантами на *-ва, -ава* следы влияния финно-угров, но в пределах былого или предполагаемого расселения финноязычного населения подобная попытка вполне уместна. Пока точно не установлены западные и юго-западные границы распространения финно-угорских топонимов в Волго-Окском междуречье и за его пределами, поэтому трудно судить о том, что будет сопоставимо с финно-угорским апеллятивом *-ва,* а что с балтийскими формантами на *-ва, -ава.* Только конкретный анализ всех топонимических пластов может дать ответ на этот вопрос.

В данной статье не затронута гипотеза о славянском происхождении названия Москва. Наиболее убедительные этимологии были выдвинуты академиками С. П. Обнорским, Г. А. Ильинским, П. Я. Черных, польским славистом Т. Лер-Сплавинским. Славянскую гипотезу в целом можно принять, если допустить: 1) что Москва-река до прихода славян была безыменной; 2) что славяне, переселяясь с Оки, почему-то вышли не к устью и даже не на какой-то участок среднего течения Москвы-реки, а прямо к болотистому истоку; 3) что слово *Москва* образовалось из *москы,* склонявшегося по типу *букы (буква), тыкы (тыква)* и т. д. Такая длинная цепочка допущений представляет славянскую гипотезу как маловероятную.

Отсутствие убедительной версии о происхождении названия Москва из индоевропейских языков дает основание вновь вернуться к финно-угорской гипотезе. Независимо от окончательного решения вопроса этимологические изыскания являются актуальными не только с точки зрения языка. Загадочные топонимы, особенно с такой степенью известности, как Москва, вызывают широкий интерес во всех уголках нашего государства. Комплексный подход к исследованию вопроса о происхождении названий центра

нашей страны облегчает понимание сложной полиэтнической структуры древнего населения, которое стояло у истоков Русского государства, и роли этнокультурного синтеза, т. е. вклада в прошлое страны не только славян, но и других народов нашего многонационального государства.

Н. В. Подольская

КОНСЕРВАЦИЯ ДРЕВНИХ НАЗВАНИЙ УРОЧИЩ МОСКВЫ В ИМЕНОВАНИЯХ ДРУГИХ ОБЪЕКТОВ

Каждый город вбирает в себя физико-географические объекты: реки, ручьи, озера, холмы, леса, болота, овраги, долины и т. д., имена которых так или иначе сохраняются на карте города.

М. Г. Рабинович в своем исследовании «Очерки этнографии русского феодального города» (М., 1978, с. 23) пишет, что для русских городов характерна свобода застройки: «В городе имелись даже значительные незастроенные площади: широкие полосы вокруг укреплений, необходимые для их обороны, пустыри между улицами, топографически неудобные места (напр., заболоченные участки вдоль реки и т. п.)».

От рельефа зависела и планировка города; особенно большую роль играла река. В Москве были застроены оба берега реки, в других городах застраивалась лишь одна сторона, например в Киеве, Симбирске (Ульяновске). Большая река в городе — это один из главных ее ориентиров.

Свои микрогеографические объекты город со временем убирает, так как они ему мешают: небольшие речки часто прячет в трубы под землю, вырубает леса, болота осушает или засыпает, срывает холмы и горки, сглаживая рельеф, делая его удобным для своих новых построек. Эти городские объекты, творения рук человеческих, служат нуждам социальным, хозяйственным, культурным.

Город чутко откликается на многие социальные и политические изменения возникновением новых объектов, уничтожением старых и, еще чаще, их переименованиями. Переименования знал в России не только XX век, но и более ранние эпохи. Если говорить о дореволюционной Москве, то, читая старые чертежи и справочники, мы видим, как названия ее улиц, переулков все время менялись. Но эти замены были не принципиальными, а однотипными: новое имя улицы бралось из той же лексической сферы, из которой было образовано старое, например улица или переулок назывался по одному домовладельцу, а получал имя другого. Революция 1917 г. внесла коренные изменения в именования городских объектов, в частности многие улицы и переулки, ранее названные по церквам или монастырям, получили новые

названия по именам революционных деятелей, по революционным событиям, т. е. возникли идеологические названия — советизмы.

Но для истории имеют значение и ранее существовавшие объекты и их имена. В этом отношении названия культовых сооружений — церквей, монастырей, без которых невозможно вообразить не только средневековую Москву, но и Москву конца XIX в., представляют значительный интерес для топонимиста и историка города, так как часто включают в свой состав название урочища, на котором были построены. Этот своеобразный источник информации тем более интересен, что такие наименования строились по определенной модели.

Названия церквей типа Никола на Пыжах возникли естественно, как необходимость различения одноименных церквей, а их было немало. К началу XIX в. в Москве было более 20 церквей, носивших имя святителя Николая. Они могли быть расположены не только в разных частях города, но даже в одной. Нужны были дополнительные опознавательные знаки для их различения. Таковым становилось, как правило, указание на место, где стояла церковь. Так возникли: Никола в Столпах, Никола, что в Кобыльском, Никола в Плотниках, Никола на Ямах, Никола Сапожок, или Никола в Сапожке, церковь Николая, что на Новом Ваганькове, церковь Николая Заяицкого и т. д.

Названия соборных церквей также могли включать ориентир, например в Кремле Успенский собор в Маковице (1326 г.), Архангельский собор на площади (1247 г.), Благовещенский собор на площади (1290-е годы).

Мы исключили из обзора названия пригородных церквей, находившихся в близлежащих селах, например церковь Трифона в Напрудном (близ Рижского вокзала): «село Напрудное со дворы городскими и посадскими» в XVIII в. вошло в состав города. Эти названия однотипны: они содержат название села в предложном падеже с предлогом «в».

Основная масса названий относится к церквам XVII—XVIII вв., но многие были построены раньше, в XIV—XVI вв. Из ныне известных к самым ранним относятся церковь Иоанна Предтечи под Бором (сер. XII в.), находившаяся в самой ранней по застройке юго-западной части Кремля, и рядом с ней церковь и монастырь Спаса на Бору (90-е годы XIII в., т. е. время расширения Кремля при Юрии Долгоруком). Несомненно, обе ориентированы на один и тот же бор, который был на кремлевском холме: «под бором», «у бора», «на бору», т. е. на территории самого бора, вероятно потесненного уже к тому времени расширявшейся территорией Кремля. Эта модель названий возникла еще в древнерусском языке и прошла известный путь преобразований, сохраняя актуальность и по сей день в определенных текстах. В древнерусском языке эта модель писалась так: «церковь святого мученика Никиты, иже за Яузой» (лето-

пись под 1476 г.), сокращенный вариант — «Никита, иже за Яузой» (ст.-слав. *иже* — др.-рус. *который*). Позднее местоимение *иже* было заменено на *что* (хотя *чьто* было известно в старославянском и древнерусском языках в том же значении): «Никита, что за Яузой» (эта форма сохранялась еще в XIX в.). В современных исторических и искусствоведческих описаниях, когда нужно упомянуть церковь с названием такого типа, пишут «Никита за Яузой», опуская «что».

Мы говорили о письменной форме названий. Она могла быть очень сложной: «церковь святых Девяти мучеников, что за Синодальным житным двором на Кочерыжках» (XVII в.). Однако в быту, в разговорной речи употреблялись эллиптированные формы; известно, что «церковь святого Пимена, что в Новых Воротниках» называли в московском просторечье «Новый Пимен». Говорили: «Воскресенье в Кадашах» (XVII в.), «Георгий в Ендове» (XVII в.). Но указание на местоположение и в живой речи было совершенно необходимо как ориентир и потому сохранялось. Эта модель была настолько распространенной и активной, что по ней образовывались названия церквей, в которых отсутствовало указание на местоположение, например Спас, что в Чигасах (Спасочигасовский пер. Яузской части). Эта Спасская церковь ранее находилась в монастыре и была сооружена в 1483 г. игуменом этого монастыря Чигасом. Другой пример касается знаменитой церкви Троицы в Никитниках (ныне в Никитниковом пер.). Эта церковь построена в 1634 г. по заказу богатого купца Григория Никитникова. Модель названия построена по образцу многочисленных именований церквей, включавших в себя названия слободы или местности в форме pluralia tantum, типа: церковь Михаила Архангела в Овчинниках (по Овчинной слободе), Никиты в Старых Толмачах (по месту, где жили русские и татарские переводчики — толмачи) и т. п.

В названиях московских церквей известна и другая модель, более простая, например: Илья Обыденный, Николай Заяицкий; первая названа так потому, что была построена «обыденкой», т. е. сложена из бревен в один день (Даль, т. II, с. 637); вторая выстроена заяицкими казаками. Этот тип был значительно менее распространен, и не всегда такое название указывало на местоположение. Однако иногда один тип названия преобразовывался в другой, ср. церковь Николая, что в Дербени — в просторечье Никола Дербенский. Почти в каждом случае такое двучленное наименование оставляло след в названиях улиц и переулков; некоторые из них сохранились до сих пор и служат своеобразными языковыми памятниками древней и средневековой Москвы. В названиях улиц могла быть отображена первая или вторая часть модели, или обе порознь, или даже обе вместе, например: ц. Алексея, что на Глинищах (ср. Глинищевский переулок Тверской части, ранее назывался Алексеевским); ц. Апостола Иакова, что в Казенной слободе в Хлебниках (ср. Яковлевский

переулок Яузской части и переулки Большой и Малый Казенные названы по Казенной хлебной слободе); храм Введения в Барашах (1701 г.) (ср. Введенский пер. и Барашевский пер. Яузской части, здесь жили в XV—XVII вв. бараши — «шатерничие, обойщики»); ц. Николы на Ямах (ср. Николоямская ул. Рогожской части); ц. Космы и Дамиана, что в Шубине (ср. пер. Шубинский, переименован в Космадамиановский). Шесть Космадамиановских переулков (нач. XIX в.) в Москве соответствовали шести церквам с этим именем и все имели указания на местоположение: «в Кадашёве», «что в Нижних Садовниках», «что на Покровке», «что на Ржищах», «что в Старой Кузнецкой», «что в Шубине».

Таким образом, этот тип названий был постоянным источником для именования других городских объектов в старой Москве.

Церковные названия дают возможность получить дополнительные сведения о почвах и рельефе города, о его топографии, о торговой, социальной, хозяйственной жизни, о его культуре.

Почвы и рельеф отражены в названиях: ц. Воскресения на Грязи (на Балчуге Замоскворецком); ц. Троицы на Грязи (на Балчуге у Покровских ворот); ц. Алексия, что на Глинищах (Глинищевский пер. Тверской части); ц. Преображения Спасова, что на Глинищах (Спасоглинищевский пер. Мясницкой части); ц. Ермолая, что на Козьем болоте (ср. Ермолаевский и Большой Козихинский пер. Арбатской части); Знаменская церковь, что на Песках (за Петровскими воротами); ц. Николы на Песках (Николопесковский пер. Арбатской части); ц. Преображения Спасова, что на Песках (Спасопесковский пер. Арбатской части); ц. Троицы, что в Больших Лужниках (урочище Лужники находилось между Пятницкой и Кузнецкой улицами); ц. Троицы, что в Коптелке (или в Коптельках), неправильно называемая «на Капельках» (Коптельские 1-й и 2-й пер. Мещанской части) — «по пруду Коптелка, именуемый Балкан; руч. Коптелка дал существование и название пруду; балкан, по Далю, — «угодье, придол» (вся местность расположена в низине)» (Мартынов, 1878, с. 90).

Говорят, что Москва стоит на семи холмах, однако холмов и гор в старой Москве было значительно больше: Варвара-гора, Варгуниха, Гостинная, Знаменская, Крутицы, Лыщикова, Мухина, Псковская, Рославльская, Три Горы, Цыбина, Шипилова — и две горки — Красная и Вшивая, а также холмы — Боровицкий и Красный; известны урочища — На Высоком и Пупыши. Многие московские церкви названы по горкам и овражкам: ц. Георгия на Красной горке (1629 г.); ц. Петра и Павла, что на Горке (Петропавловский пер. Мясницкой части); ц. Покрова на Лыщиковой горе (ныне Лыщиков пер., на высоком левом берегу Яузы); ц. Покрова на Псковской горе (на быв. Варварке); ц. Никиты Мученика на Вшивой горке (XVII в., ныне Таганский холм); был в Москве и Вшивой вражек рядом с Сивцевым вражком, на ко-

тором стояла ц. Афанасия и Кирилла, что на Сивцевом вражке, названном по речке Сивке (сейчас переулки Сивцев Вражек и Малый Афанасьевский); ц. Успения, что на Успенском вражке (Тверской части), и две церкви на одном вражке — Саввы Освященного и Воздвижения, что на Пометном вражке (Большой и Малый Вражские переулки с XVIII в.; так называются и поныне). Пометный вражек — «потому что здесь были дворцовые государевы запасные конюшни, с которыми неразлучен помет», — читаем у А. Мартынова (с. 37). Церковь Воскресения на Вражках (ныне ул. Неждановой, ранее Вражковский и Воскресенский переулки). Церковь Никола в Подкопаеве названа по местности Подкопаево, расположенной на склоне горы, «как бы в подкопе» (ныне Подкопаевский пер.).

Память о естественных природных объектах, таких, как луга, леса, росчисти, хранят названия: ц. Нового Воскресения на Остоженке, была и церковь Старое Воскресенье, связанная с названием Старое Остожье (эта местность, расположенная по берегу Москвы-реки, была занята *остожьем* — лугами и покосами); ц. Николая, что в Дербени (Дербенская, или Дербеневская, ул. Серпуховской части шла от одного берега Москвы-реки до другого: *дерба, дебина* — «залежь с моховиной и корчажником, иногда залежь, вновь поросшая лесом», Даль, т. I). Известны топонимы Дербень за Новодевичьим монастырем и Дербеневка близ Сретенки, церковь Всех святых на Кулишках (1380 г.; около пл. Ногина) и еще пять других церквей, тоже «на Кулишках». Церковь поставлена в честь победы на Куликовом поле. По Далю, *кулижное поле* — «на росчисти, на пожеге», от слова *кулига*; др.-рус. *кулига* — участок земли, угодье, раскорчеванное место (Фасмер, т. II, с. 410). В Москве существовало несколько Всполий, о чем свидетельствуют такие названия церквей: ц. Георгия, что на Всполье, находилась в Арбатской части, а ц. Екатерины, что на Всполье, была в Якиманской части. Известна ц. святого Николая в Драчах (Драчевская ул., или Драчевка, Сретенской части), в XVI в. здесь был монастырь «в Драчах», что значит «в залежи, на месте, заросшем травой».

О двух самых ранних церквах в Кремле — «на бору» и «под бором» — уже было сказано выше. Известна и более поздняя ц. Успения на Бору (1462 г.) (в районе нынешней пл. Дзержинского), а также была ц. Иоанна под Вязом (1493) (у старинного рва и вала с восточной стороны Загородья, близ бывшей Никольской ул.); ср. старое урочище Под Сосенками (ныне Подсосенский пер.).

Память о болотах и полях хранят такие названия, как ц. Троицы, что за Болотом (на Пятницкой ул.); ц. Параскевы Пятницы у Старых Поль, или в Полях (1625 г.) (совр. Пятницкая ул. и ул. Большая и Малая Полянка).

Подсобные занятия горожан нашли отражение в названиях
 городских местностей и слобод, а они в свою очередь вошли в

названия церквей, например ц. Харитония, что в Огородниках (Старый и Новый Огородные переулки Якиманской части); ц. Владимира в Старых Садах (1510 г.) (совр. Старосадский пер.), на месте урочища Старые Сады, где в XV в. находились великокняжеские сады; ц. Благовещения, что в Бережках (совр. Бережковская наб.) — в XVII в. здесь находилась Бережковская рыбацкая слобода.

Некоторые городские объекты, не имевшие собственного имени, также служили ориентирами и могли входить в состав названий; например: ц. Анны, что на Остром конце (1493 г.), именуется ц. Анны, что в Углу — в восточном углу Китай-города; Покровский собор, что на Рву, позднее названный Василием Блаженным (ров тянулся от Спасских ворот до Никольских, затем на его месте был ботанический сад); ц. Николая, что на Студенце (Студенецкий пер.), названа «по обширному и глубокому колодцу с чрезвычайно холодной водой, единственному в этом околотке» (Мартынов, с. 162). В этом месте был и ручей Студенец, который, видимо, получил название по колодцу; слово «студенец» в значении «колодец» известно в Центральной России. Церковь Рождества в Путинках (1649—1652 гг.; быв. Путинковский пер.), путинка — «путь, дорога», здесь дорога к Дмитрову. Церкви, находившиеся в слободах, получали обычно дополнение по названию слободы и сохранили таким образом сведения о хозяйственной и ремесленной жизни города.

В других древнерусских городах также известны названия аналогичной конструкции.

Во Владимире — ц. Николы в Га́леях. Галеями назывались в древности большие гребные суда. По-видимому, у подножия городских высот в этом месте была корабельная пристань, над которой на холме поставили деревянную церковь Николы — покровителя плавающих и путешествующих, упоминаемую в источниках XII в. (см.: *Н. Н. Воронин.* Владимир. Боголюбов. Суздаль. Юрьев-Польский. — М., 1966, с. 33). В Боголюбове — широко известный храм Покрова на Нерли.

В Ростове Великом — ц. Спаса на Сенях (1675 г.) (сени устроены между митрополичьим домом и церковью и имеют вид гульбища): ц. Николы, что на Всполье (1813 г.); ц. Спаса на Торгу (XVII в.) на территории Гостиного двора; ц. Спаса на Песках, сохранилась от Спасского, что на Песках, монастыря (вторая половина XIII в.).

Особенно интересны по включенным в модель предлогам названия церквей во Пскове. До сих пор мы встречались с конструкцией с предлогами *на, в, у,* реже — *под, за.* Во Пскове также встречаются эти предложные словосочетания: ц. Василия на Горке, ц. Михаила Архангела в Городце, ц. Успения у Парома, ц. Кирилла над Греблей и др. Но кроме них известны названия с предлогами *от, с, со*: ц. Николы от Торга и ц. Покрова от Торга, ц. Николы от Каменной (церкви, находящиеся на дороге

или улице, идущей от Торга, от Каменной), ц. Козьмы и Демьяна с Примостья, ц. Козьмы и Демьяна с Гремячей горы, ц. Богоявления с Запсковья, ц. Богоявления с Бродов (у бродов), ц. Георгия со Взвоза. Этот предлог с род. пад. означает движение откуда, заменяет предл. *изъ, отъ:* как только вы сошли или приехали с Гремячей горы или со Взвоза, тут и церковь стоит (Даль, 1956). Эту конструкцию следует признать диалектной.

Названия этого типа повлияли и на имена других объектов: в Москве была известна местность Новое Ваганьково, что на Трех Горах, переулок На Костях (ныне Костянский).

Но не только русские города знали и знают названия внутригородских объектов сходной конструкции. В Праге известны названия костелов Jan na Pádle, Jan na Skalce, Jan pod Skalou (последнее стало названием населенного места), а также иных объектов: Целнице (таможня) на Вытони (1500 г.), Целнице у Чибернов, Пивовар у Флеков, Пивовар у святого Томаша и многие другие. То же в Польше. Это свидетельствует об общности в славянских странах типа наименования некоторых видов городских объектов, во всяком случае начиная с эпохи средневековья.

М. Н. Морозова

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ТОПОНИМИИ МОСКВЫ

Городская топонимия всегда избирательно использует средства национального языка для создания своих моделей, по которым образуются конкретные топонимы, причем прилагательные как особый класс слов изначально были присущи русской топонимии. И в современной городской топонимии имена прилагательные занимают значительное место. Характерно это и для Москвы. «Так, можно сказать, что основным структурным типом названий московских улиц являются имена прилагательные, употребляемые в функции географических названий. Эти прилагательные образуются от самых разных слов (как имен собственных, так и апеллятивов) при помощи суффиксов *-ск-, -овск-, -евск-, -инск-* и др., которые, кстати говоря, вообще распространены в топонимии» (Смолицкая, Горбаневский, 1982, с. 67). Наиболее распространен суффикс *-ск-*, дающий производные от основ различной семантики. Реже используются относительные прилагательные с суффиксами *-н-, -ов-, -ев-;* совсем редко встречаются в городской топонимии качественные прилагательные непроизводные.

Общее классификационное значение прилагательных — обозначение признака — в прилагательных-топонимах сужается до выражения отношения топонимичности, т. е. способности быть

географическим названием. Кроме того, прилагательное характеризуется «гибкостью» своей морфологической структуры: оно способно формы рода, числа и падежа подчинять формам господствующего слова, например Ленинградский проспект и Ленинградское шоссе, Крестьянская застава и Крестьянский тупик.

Современные города растут не только количественно, но изменяются и качественно. С ростом их населения увеличивается число имеющихся видов объектов, а с расширением и совершенствованием сферы обслуживания возникают новые. Все они должны получить свое наименование как средство их индивидуализации. Следовательно, с ростом города связано усложнение его топонимической системы, в результате чего возникают новые названия, удовлетворяющие потребностям общества и соответствующие называемым объектам.

Исследованный материал показал следующую частоту употребления топонимов-прилагательных в Москве:

в названиях вокзалов	100%
» мостов	100
» шоссе	90
» набережных	86
» станций метрополитена .	67
» улиц	44
» гостиниц	31
» кафе	16
» ресторанов	10
» кинотеатров	4
» магазинов	2

Прилагательное в качестве топонима выполняет основную функцию названия — выделяет объект из числа однородных. Но кроме того, прилагательное-топоним способно к выполнению и дополнительных функций, например оно может служить пространственным ориентиром — определять направление, что особенно важно для линейных объектов — шоссе, улиц, проездов (Волоколамское, Минское шоссе, Вяземская, Луховицкая, Тарусская улицы). Ориентация по странам света также может быть выполнена прилагательными-топонимами. Известно, что к северу от центра Москвы улицы имеют названия, образованные преимущественно от названий северных городов, к югу — от названий южных городов и т. д. Ориентирами служат и названия вокзалов: Белорусский, Казанский, Киевский, Рижский. Названия станций метрополитена дают ориентацию по наземным объектам: Арбатская, Добрынинская, Октябрьская, Смоленская. В названиях-прилагательных этого типа можно говорить о «географическом» принципе номинации или даже шире — о «пространственном» принципе, так как географические объекты, названия которых послужили базой для образования этого типа топонимов, привязаны к определенному пространству.

Топонимы-прилагательные могут выражать в известной степени и временные отношения, т. е. «привязывать» возникновение

объекта и его названия к определенному историческому периоду. К прошлому относят нас названия улиц Бронная, Бутырская, Стрелецкая, с современностью связаны названия улиц Авиамоторная, Автозаводская, Комсомольская, Коммунистическая, Колхозная, Профсоюзная. В топонимах-прилагательных может быть мотивирована связь с культурно-историческим наследием народа. Это ярче всего проявляется в отантропонимических образованиях от фамилий прогрессивных и революционных деятелей, писателей, ученых, художников, знаменитых полководцев и других знаменитых людей. К таким можно отнести названия улиц Бакунинская, Кропоткинская, Боткинская, Пушкинская, проспекты Ленинский, Кутузовский, Нахимовский. В названиях этого типа можно говорить об историко-культурном принципе, или принципе посвящений. В редких случаях прилагательные используются в качестве базы для образования эмоционально-экспрессивных названий, например названия кинотеатров («Художественный», «Звездный») и кафе («Артистическое», «Солнечное», «Хрустальное»).

В названиях гостиниц, ресторанов, магазинов прилагательные-топонимы занимают незначительное место. В этой сфере обслуживания прилагательные используются для названия «пищевых точек», специализирующихся на одном виде изделия: Пельменная, Пирожковая, Шашлычная, Чебуречная.

В заключение можно сказать, что — прилагательные-топонимы продуктивны в топонимии Москвы по отношению ко всем видам городских объектов, но и частота их употребления для названий различных видов объектов неодинакова; они удобны в связи с гибкостью их структуры и однословностью; прилагательные топонимы способны кроме основной и обязательной функции идентификации выполнять дополнительные функции.

Перечисленные свойства прилагательных-топонимов служат причиной их широкой употребительности в современной городской топонимии.

М. В. Горбаневский

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТОПОНИМИИ МОСКВЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Наименования улиц, проспектов, площадей, переулков, бульваров, жилых массивов столицы СССР несут в себе большую и ценную информацию лингвистического, исторического, географического, страноведческого характера. Анализ этих топонимов дает много нужных и интересных сведений об истории и географии самого города, об истории страны, о современной жизни Советского государства, о развитии советской многонациональ-

ной и русской культуры. Вместе с тем этот анализ дает в наше распоряжение важные сведения о русском языке и его истории. Как отмечал доктор филологических наук, член-корреспондент АПН СССР, директор Института русского языка им. А. С. Пушкина В. Г. Костомаров, «в истории московских названий бьется, животрепещет история страны, древняя и недавняя; но названия эти — не музейная реликвия» (1982). В этой же статье В. Г. Костомаров особо подчеркнул тот большой интерес, который вызывают московские топонимы не только у ученых, но и у широких масс советской общественности: «Живой интерес к происхождению и значению географических названий — своеобразных «визитных карточек» городов и поселков, рек и морей, гор и долин, сел и деревень — понятен и естествен. Трудно назвать москвича, да и вообще советского человека, для которого безразличны названия улиц, площадей, проспектов... Москвы... Знакомство с историей московских топонимов... с их смыслом и структурой воспитывает чувство патриотической причастности, любовь к родине, к нашему языку. Ведь в них отражена история отечественной культуры, они передают потомкам и наше героическое сегодня» (там же, с. 6).

Количество топонимов на карте Москвы достаточно велико. По данным на сентябрь 1979 г., уличная сеть главного города нашей страны состояла из 93 площадей, 1429 улиц, 32 проспектов, 715 переулков, свыше 760 набережных, бульваров, проездов и т. д. общей протяженностью 3318 км (Москва, 1980). К настоящему времени это число несколько возросло за счет вновь образованных объектов в районах новостроек, новых, выделенных из состава других с большой протяженностью (например, улица Пельше выделена из части Мичуринского проспекта), а также за счет населенных пунктов Московской области, переданных в административное подчинение Моссовету по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 марта 1984 г. Прибавьте к этому московские гидронимы, многочисленные наименования жилых массивов, а также микротопонимы, функционирующие в основном в устной речи населения. Таким образом, мы вправе назвать топонимию Москвы крупным и многоплановым научным источником.

Значительное число московских топонимов появилось после Великой Октябрьской социалистической революции. В данной статье мы пробуем, не претендуя на исчерпывающий анализ, отметить основные тенденции развития топонимии Москвы в советский период и дать им краткую характеристику.

Тенденция первая. В современной столице процесс называния (номинации) внутригородских объектов практически полностью превращен в процесс присвоения названий, который официально регламентируется. В настоящее время эту тенденцию можно считать преобладающей в формировании новой топонимии Москвы.

Приведем несколько примеров последних лет:

««Проспект имени Юрия Владимировича Андропова» — начертано на памятной стеле, торжественно открытой 9 апреля (1984 г. — *М. Г.*) в Москве. Эта магистраль, пролегающая в Пролетарском и Красногвардейском районах столицы, названа в честь выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения в соответствии с постановлением Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР об увековечении его памяти. Стела, выполненная из красного гранита, установлена в центре газона в начале бывшего Пролетарского проспекта, переименованного недавно в проспект имени Юрия Владимировича Андропова» (Правда, 10 апреля 1984 г.).

«Постановлением Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР Черемушкинский район столицы переименован в Брежневский район. 29 ноября (1982 г. — *М. Г.*) состоялось собрание представителей трудящихся района и его жителей. На собрании выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин. От имени МГК КПСС, Моссовета он поздравил трудящихся с присвоением району наименования Брежневского, пожелал высоко нести славное имя» (Правда, 30 ноября 1982 г.).

«Исполком Московского Совета принял решение о присвоении имени Суслова М. А. части Аминьевского шоссе — от Можайского шоссе до моста через реку Сетунь. Этот участок впредь будет именоваться улица Суслова М. А. ...Утвержден текст надписи на памятной доске: «Улица Суслова М. А. названа в 1982 году в память видного деятеля Коммунистической партии, Советского государства и международного коммунистического движения, дважды Героя Социалистического Труда Михаила Андреевича Суслова (1902—1982)»» (Вечерняя Москва, 10 августа 1982 г.).

«Только что еще одна улица в Севастопольском районе сменила имя. В связи с упразднением улиц, называвшихся прежде 1-я и 2-я линии Варшавского шоссе, оставшаяся трасса с дублирующим названием — 3-я линия получила «полноценное» наименование. Назвали ее, следуя старой традиции, Сивашской улицей — по географическому направлению. А вот другое изменение в именах, также происшедшее на днях, сохраняет память об истории столицы. Площадь, создаваемая у парка культуры и отдыха «Сокольники» в линиях застройки до Русаковской улицы, названа Сокольнической площадью. А вот название Стромынская площадь больше уже не попадет в московские справочники — оно упразднено в связи с застройкой этого места» (Московская правда, 12 августа 1983 г.).

«Каждый год в Москве появляется несколько новых улиц.
 В список московских адресов вносятся новые названия. Два из

них появились на карте города буквально на днях. Улицей Академика Виноградова назван проектируемый проезд № 4989, расположенный в Брежневском районе. Такое наименование он получил в честь выдающегося советского ученого-математика, дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий, академика Ивана Матвеевича Виноградова. Прекрасная традиция современной Москвы — давать имена улицам в честь знатных наших земляков, в честь видных государственных деятелей, ученых, артистов, писателей, героев войны и труда. Это имена нашей советской истории. Также несколько дней назад имя получил проезд между Каширским шоссе и Шипиловской улицей в Красногвардейском районе. Он назван в память советского военачальника, Маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза Матвея Васильевича Захарова. На этих улицах будут установлены доски с пояснительным текстом» (Московская правда, 4 февраля 1984 г.).

Эти и многие другие примеры из обширной картотеки, собранной автором данной статьи, наглядно иллюстрируют тезис о том, что из процесса называния объектов уличной сети Москвы полностью ушли стихийность, спонтанность, а сам он стал процессом сознательного выбора наименования и официального его закрепления за тем или иным объектом.

Положительной чертой этого процесса можно считать стремление давать такие новые названия, которые соответствуют системе уже существующих, сложившихся топонимических (смысловых и структурных) моделей. Однако процесс официального присвоения названий подчас может приводить и к не совсем удачным результатам, о чем кратко будет сказано ниже.

Тенденция вторая. Московской топонимии советского периода свойственны переименования. В целом этот процесс вполне естествен, так как люди стремятся к тому, чтобы окружающие их собственные имена согласовывались с современной эпохой. Данное явление характерно для всей системы русских географических названий. Вот что писал по этому поводу один из крупнейших советских славистов, член-корреспондент АН СССР А. М. Селищев: «После Великой Октябрьской революции топонимия прошлого должна была обновиться и отразить основные черты содержания современной эпохи, диктатуры рабочего класса, социалистического строительства, новой техники. 1) Отбрасываются топографические названия, носящие отпечаток царизма... 2) Сбрасываются с городов и рабочих поселков названия, находившиеся в связи с господством привилегированных и эксплуататорских классов, владельцев фабрик, заводов, копей... 3) Снимаются церковные имена некоторых городов... 4) Отвергаются имена, находившиеся в связи с русификаторской политикой дореволюционного времени в нерусских областях. Вместо этих имен восстанавливаются местные или даются новые... Эпоха вызывает новые имена мест. Чем глубже происходящие процессы

в общественно-экономической и политической жизни страны, тем сильнее сдвиги в топонимии, как и в других областях языковой деятельности. Многочисленные новые наименования местных пунктов, появившиеся после Октября, ярко отражают содержание своей эпохи. Октябрьская революция, Советы, свобода, Коммунистическая партия, Красная Армия, пролетариат, производство, значение вождей и идеологов пролетариата, борцы за освобождение трудящихся, значение выдающихся мыслителей, ученых и писателей, интернациональное единение трудящихся, их солидарность, равноправие всех народов великого Союза, значение коммунистической молодежи, идущей на смену старшему поколению, значение советской печати («Правда»), социалистическая стройка, гигантский размах ее, смычка города и деревни, освоение далекой Арктики — на все это откликается современная топонимия. Не менее значительна и самая форма новых названий: во многих случаях ясно обнаруживается стремление придать форме повышенное значение, что находится в связи с общим повышенным настроением и энтузиазмом эпохи» (1968, с. 88—89).

Переименования московских улиц и других подобных им внутригородских объектов осуществлялись как массово, так и в единичных случаях. Большое количество московских топонимов было заменено в начале 20-х годов, в частности в 1922 г. Хорошую и полезную работу провели московские ученые после того, как в августе 1960 г. Москва значительно расширила свои границы и возникла острая необходимость устранить одноименность. Проводились переименования и в другие периоды. В целом большинство из них можно назвать оправданными: Малый Знаменский пер. — ул. Маркса и Энгельса, Большой Казенный пер. — пер. Аркадия Гайдара, Новая Бодрая ул. — ул. Маршала Василевского, Большая Пресненская ул. — ул. Красная Пресня, Сорокосвятская ул. — Динамовская ул., наб. Храма Христа Спасителя — Кропоткинская наб., Храмовый пр. — Халтуринский пр., Царский пер. — Заставный пер. и десятки других.

В то же время не все переименования имеют объективную причину, не все они привели к удачным результатам. Так, например, не совсем оправданным, как нам кажется, является переименование Гендрикова переулка в переулок Маяковского в 1935 г. Название Гендриков вряд ли связывалось в сознании москвичей с фамилией домовладельца — купца конца XVIII в. Гендрикова. Это старое название переулка прочно ассоциировалось именно с именем пролетарского поэта: здесь Маяковский жил и работал, сюда приходили к нему те, кто стоял у истоков новой, советской культуры и создавал ее. Название «Гендриков переулок», упоминающееся в десятках мемуаров и литературоведческих работ, само по себе увековечило память великого поэта. К тому же, как известно, есть в Москве и площадь Маяковского — одна из центральных.

Принцип замены названия по контрасту в первые послереволюционные годы в Москве в отличие от многих других городов практически не реализовывался (например, в Ленинграде: Дворянская ул. — ул. Деревенской Бедноты, Французская наб. — наб. Кутузова, Ружейная ул. — ул. Мира). Как справедливо подчеркивает А. В. Суперанская, «...даже такое переименование переулка, как Протопоповский — Безбожный, оказывается не вполне по контрасту, так как его первое название было дано по фамилии домовладельца, а второе — в честь журнала «Безбожник». В изменении названия Кадетский плац на Краснокурсантский заключена скорее преемственность, нежели контраст, то есть в здании бывшего Кадетского корпуса стали обучаться красноармейцы на военных курсах Красной Армии» (1966, с. 95).

Порой кажется, что переименования практически невозможны без нанесения ущерба такой большой культурной и языковой ценности, как сложившаяся топонимическая система огромного города с многовековой историей. Однако иногда они нужны и могут быть проведены, разумеется, с непременным условием проявления большой осторожности и такта, на основе глубокого и квалифицированного научного заключения, рекомендации. Даже сейчас еще есть на карте Москвы такие топонимы, которые в силу объективных причин (грамматической ошибки, большого неудобства в употреблении, двусмысленности) могут быть заменены: ул. Грицевец, 4-я ул. Восьмого Марта, 2-я и 3-я ул. Бебеля, ул. Моснефтекип, Нижний Трикотажный проезд.

При замене названий всегда нужно помнить справедливые и точные слова Константина Паустовского: «Названия нужно уважать. Меняя их в случае крайней необходимости, следует это делать прежде всего грамотно, со знанием страны и с любовью к ней. В противном случае названия превращаются в словесный мусор, рассадник дурного вкуса и обличают невежество тех, кто их придумывает» (1982, с. 559).

Случаи переименований московских улиц должны представлять собой ныне исключения, при этом следует руководствоваться принципом: новое название — новому объекту.

Тенденция третья. Развитие топонимии Москвы в послереволюционный период происходило на основе уже сложившихся лексико-семантических и словообразовательных моделей. Это объективная закономерность. Однако отдельные модели либо вообще утратили свою продуктивность (например, такая модель, по которой наименования улиц и переулков образовывались от названия расположенного поблизости церковного храма), либо же увеличили свою продуктивность (словообразовательная модель, использующая форму родительного падежа существительного). Иные модели претерпели серьезные качественные изменения (ср. топонимы, образованные от антропонимов).

Любое имя собственное, любое географическое название в русском языке образуется по одному из трех основных путей:

первый путь — онимизация апеллятива, т. е. переход нарицательного слова в имя собственное и закрепление его в одном из разрядов ономастики, в одном из разрядов топонимии; второй — трансонимизация уже существующего имени собственного, т. е. переход наименования из одного разряда в другой; третий путь — смешанный, предполагающий участие в образовании конкретного названия и нарицательного слова, и имени собственного одновременно, что характерно для образования ряда составных топонимов (Подольская, 1978; Горбаневский, 1983).

В этом смысле топонимия Москвы советского периода также не является исключением, что еще раз доказывает ее традиционность и полноправную отнесенность ко всему ономастическому пространству современного русского языка.

По пути онимизации апеллятива в советский период были образованы такие московские топонимы: Авиационная ул., Автозаводская ул., Автомобильный пр., Аэродромная ул., Большевистский пер., Веерная ул., Гаражная ул., Дружинниковская ул., Извилистый пр., Изумрудная ул., Институтские ул., Интернациональная ул., Коммунистическая ул., Комсомольская пл., ул. Космонавтов, Крестьянская пл., Левобережная ул., Лечебная ул., Малахитовая ул., ул. Машиностроения, Музейная ул., Народного Ополчения ул., Научный пр., ул. Новаторов, Олимпийская деревня, Педагогическая ул., Песчаная пл., Подгорская наб., Рабочая ул., Ракетный бул., Рябиновая ул., Светлый пр., Сиреневый бул., Снайперская ул., ул. Строителей, Телеграфный пер., Федеративный пр., Фестивальная ул., Хлебозаводский пр., Школьная ул., шоссе Энтузиастов, ул. Юннатов, Янтарный пр. и др.

В результате трансонимизации другого имени собственного на карте столицы появились многочисленные названия: ул. Алабяна, ул. Амундсена, Алтуфьевское шоссе, Багратионовский пр., Бауманская пл., ул. Берзарина, Бескудниковский бул., ул. Богдана Хмельницкого, ул. Вальтера Ульбрихта, просп. Вернадского, Волгоградский просп., Волжский бул., ул. Герасима Курина, Гоголевский бул., Головинское шоссе, ул. Грановского, ул. Дмитрия Ульянова, пл. Дзержинского, Днепропетровский пр., Есенинский бул., ул. Зорге, Измайловская пл., пл. Ильича, Иркутская ул., просп. Калинина, Камчатская ул., ул. Качалова, ул. Карла Маркса, Кропоткинская ул., Кубанская ул., Кунцевская ул., Ладожская ул., Ленинградский просп., ул. Льва Толстого, ул. Марии Ульяновой, Менделеевская ул., наб. Мориса Тореза, Мосфильмовская ул., Наро-Фоминская ул., ул. Обручева, ул. Павла Корчагина, ул. Поленова, пл. Ромена Роллана, Северодвинская ул., пр. Серова, Суворовский бул., Таймырская ул., Тараса Шевченко наб., Тургеневская пл., Ульяновский пер., ул. Фрунзе, Хибинский пр., ул. Чайковского, Челябинская ул., ул. Чкалова, Шмитовский пр., ул. Щусева, ул. Юлиуса Фучика, Ялтинская ул., Яснополянская ул. и др.

По статистике в советский период названий, возникших в результате трансонимизации, больше, чем топонимов, образованных в результате онимизации апеллятивов. В ряде случаев явление трансонимизации внешне смазано необычностью тех имен собственных, которые легли в основу названий улиц: Краснобогатырская ул. получила свое наименование в 1965 г. по заводу «Красный богатырь» (от имени собственного), а не на основе простого сложения апеллятивов «красный»+«богатырь»; Калибровская ул. была так названа в 1953 г. по заводу «Калибр» (в основе также имя собственное), а не от нарицательного «калибр».

По третьему (смешанному) пути в послереволюционный период были образованы такие московские топонимы, как ул. Академика Хохлова, ул. Академика Янгеля, ул. Генерала Ермолова, ул. Генерала Карбышева, ул. Героев-Панфиловцев, ул. 26 Бакинских Комиссаров, ул. Измайловского Зверинца, ул. Космонавта Комарова, ул. Красная Пресня, ул. Ленинская Слобода, ул. Маршала Конева, ул. Маршала Рыбалко, ул. Маршала Тухачевского, ул. Летчика Бабушкина, Нижнемасловский пер., Большая Черемушкинская ул. и др.

Тенденция четвертая. После Великого Октября постоянное развитие жилищного и индустриального строительства, увеличение количества городского населения, развитие индустрии, экономики, культуры и образования, регулярное расширение территории города за счет прилегающих районов Московской области, включения в состав Москвы ряда городов, поселков и деревень существенным образом повлияли на увеличение количества московских топонимов и обусловили закрепление целой группы топонимов бывшего Подмосковья в составе топонимии Москвы.

В этой статье уже приводилась статистика относительно количественного состава московской городской уличной сети на 1979 г. Известно, что в начале XIX в. в Москве было 142 улицы, 25 площадей, 518 переулков. В начале XX в. — 404 улицы, 123 площади, 936 переулков и проездов; к 1917 г. существовало 1700 объектов городской уличной сети общей протяженностью около 640 км (Москва, 1982). Следует сказать и о качественном изменении состава уличной сети столицы. Застройка микрорайонами и большими жилыми массивами, образование крупных проспектов и набережных привели к исчезновению многих переулков и улиц; в 1969 г. их было около 4500, а в 1972 г. уже около 3800, т. е. почти на 700 улиц и переулков меньше. Все это отразилось на топонимии столицы.

В качестве производящих основ для новых топонимов в районах массового жилищного строительства достаточно широко используются те топонимы, гидронимы, оронимы, микротопонимы, ойконимы, которые уже существовали на территории бывших подмосковных поселков и деревень, исторически с ней связаны. Возникли такие названия, как ул. Бирюлевская, ул. Борисовские

Пруды, ул. Верхнелихоборская, ул. Грайвороновская, ул. Кунцевская, ул. Новогиреевская, ул. Теплый Стан, ул. Чертановская, Алтуфьевское шоссе и многие другие, а также наименования самих районов массовой жилищной застройки: Зюзино, Черемушки, Останкино, Свиблово, Медведково, Отрадное, Тушино, Алешкино, Хорошево-Мневники, Фили-Мазилово, Давыдково, Матвеевское, Дегунино, Бибирево, Гольяново, Измайлово, Ивановское, Вешняки-Владычино, Кузьминки, Орехово-Борисово, Чертаново, Беляево-Богородское, Ясенево, Теплый Стан, Тропарево, Никулино, Очаково и др. Такое сохранение в памяти города интересных топонимов — весьма положительная тенденция.

Совсем недавно Москва еще раз раздвинула свои границы, выйдя на этот раз за пределы Московской кольцевой автомобильной дороги. Согласно Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 марта 1984 г., в административное подчинение Московского городского Совета народных депутатов передаются следующие населенные пункты Московской области:

поселки Митинского завода и Новотушино, села Рождествено и Спас, деревни Митино и Пенягино Красногорского района;

восточная часть рабочего поселка Новоподрезково (между Ленинградским шоссе и улицей Суворова), поселок Куркино-Радиополе, деревни Бурцево, Верескино, Куркино, Машкино, Мелькисарово, Молжаниновка, Новодмитровка, Новоселки, Филино (северо-восточная часть деревни между Октябрьской железной дорогой и Сходненским шоссе), Черкизово и Юрово Химкинского района;

восточная часть города Долгопрудного (микрорайоны Долгопрудненской агрохимической опытной станции, Заболотье и Новодачный), поселок Ильинский, юго-восточная часть села Виноградово (между рабочим поселком Северный и Дмитровским шоссе) и деревня Новоархангельское Мытищинского района;

деревня Руднево и часть территории Никольско-Архангельского сельсовета Балашихинского района;

западная часть города Люберцы (микрорайоны Жулебино и Ухтомский), рабочий поселок Косино (включая микрорайоны Кожухово и Новокосино) Люберецкого района;

рабочий поселок Бутово (западная часть поселка от Симферопольского шоссе), поселки Всесоюзного института лекарственных растений и Поляны, село Качалово, деревни Битца, Гавриково, Новокурьяново, Новоникольское, Поляны, Потапово, Староникольское, Чернево и Щиброво Ленинского района;

поселок Толстопальцево и деревня Толстопальцево Наро-Фоминского района (Московская правда, 21 марта 1984 г.).

Мы намеренно привели в данной статье список всех бывших подмосковных топонимов, ставших отныне по упомянутому указу частью московской городской топонимии, с целью ввести в активный научный оборот новый материал, который должен вызвать интерес у исследователей топонимии столицы.

Совсем недавно стал частью территории Москвы — новым ее административным районом — бывший подмосковный город Солнцево. Примечательна история его названия, также возникшего уже в советский период. Остановимся на топониме Солнцево подробнее.

В этом месте Подмосковья с XVII в. была известна деревня Суково, владение князей Трубецких. В XIX в. в версте от деревни прошла железная дорога, тогда носившая наименование Брянской (сейчас Киевская ж. д.). Многие жители деревни работали на ее строительстве. Впоследствии здесь открылась железнодорожная станция, названная по близлежащей деревне — Суково. В годы, предшествовавшие Октябрьской революции, и после нее деревня служила излюбленным дачным местом для многих москвичей.

В 1937 г. свободная земля поблизости от деревни Суково была выделена жителям столицы, которые переселялись из Москвы в связи с ее реконструкцией. Составители справочника «Города Подмосковья» (1979) отмечают: «Первый дом переселенческого поселка появился на улице, впоследствии названной 1-й Зеленой. К концу 1938 г. было построено около 300 индивидуальных домов. В них проживало около 2,5 тыс. человек. Поселку надо было дать имя. Обсуждались разные предложения, пока в жаркие августовские дни не сошлись на одном имени — Солнцево. 26 сентября 1938 г. это название было официально утверждено, и Солнцево было отнесено к категории дачных поселков. ...Все взрослое население его работало на московских предприятиях» (с. 582).

Конечно, на выбор этого наименования повлияла не только (и не столько) жаркая погода в августе 1938 г. Солнце для нас — символ света, тепла, процветания, благополучия, радости, хорошего настроения.

Эта ассоциация и легла (возможно, подсознательно) в основу выбора названия для поселка Солнцево. В марте 1965 г. под «давлением» топонима Солнцево была переименована близлежащая железнодорожная станция из Суково в Солнечную. В апреле 1969 г. Солнцево отнесено к категории поселков городского типа. 23 февраля 1971 г. поселку присвоен статус города областного подчинения.

С недавних пор город Солнцево стал частью Москвы (соответствующий Указ Президиума Верховного Совета РСФСР опубликован 10 мая 1984 г.). Вполне вероятно, что в будущем этот топоним, который мы в своих исследованиях рассматриваем в числе названий-посвящений, сможет перейти в другое ономастическое поле, став названием станции Московского метро «Солнцево» (подобные переходы уже отмечены в топонимии Москвы: бывшее село Свиблово — станция метро «Свиблово»; бывшее село Медведково — станция метро «Медведково»; бывшее село Беляево — станция метров «Беляево» и др.). Данное явле-

ние — характерная особенность в развитии топонимии Москвы советского периода.

Вот как отзывается на факты постоянного расширения границ Москвы, строительства новых жилых массивов и получения ими наименований бывших подмосковных деревень поэт Я. Хелемский в стихотворении «Слово о Москве» (1979):

В микрорайоне новом,
Не очень обжитом,
В полукольце сосновом
Сияет крайний дом.
Здесь небеса прозрачней
И речка под рукой.
Ландшафт уже не дачный,
Еще не городской.
Приобщены к природе
Знакомых адреса.
В проем оконный входят
Лужайки и леса.
В их звучных родословных
Отражены сполна
Угодий подмосковных
Земные имена.
Как молодеет слово,
Как стали вдруг близки
Перово, Тропарево,
Кузьминки, Вешняки.
Погожим днем обласкан,
Весь в отблесках тепла
И взлет весла в Крылатском,
И в небе взмах крыла.

. . .

В движенье непрестанном,
Просторная Москва,
Ты стала Теплым Станом
Соседства и родства.

Хотелось сказать еще об одном явлении, достойном внимания ученых, — о миграции московских внутригородских названий. Речь идет не о вхождении слова «Москва» в большое число других географических наименований (Московск в Чарджоуской обл., Новомосковск в Днепропетровской и Тульской обл., два поселка Московск в Кемеровской обл., населенный пункт Москва в Марийской АССР, гора Москва в Красноярском крае, пик Москва в Таджикистане, сотни Московских улиц в городах и селах нашей страны и т. д.). Эти факты широко известны. Речь идет о другом — о перенесении московских топонимов на карты других городов нашей страны. Огромная роль Москвы в жизни нашей страны, широкая известность многих московских улиц, участие москвичей в конкретных делах в других городах Советского Союза приводят к появлению в топонимии этих городов «перенесенных» московских названий. Так, например, возник проспект Красная Пресня в городе Тында — одном из главных населенных пунктов на Байкало-Амурской магистрали. Вот что,

в частности, было сказано на страницах газеты «Известия»: «Тында в праздничном наряде. Встречая первые поезда с почетными пассажирами, столица БАМа приветствует победителей социалистического соревнования кумачом знамен, транспарантами, панно, витринами, рассказывающими о мужестве строителей БАМа... Накануне председатель горисполкома Владимир Гаврилович Федулов прошел с нами по улицам. Старожил Тынды, геолог по образованию и лектор по призванию, он напомнил, что первая многоэтажная улица, а ныне главный городской проспект Красная Пресня, была названа так по просьбе москвичей — ветеранов революции (г. Тында строился при огромной помощи со стороны московских организаций. — *М. Г.*). Этот квартал для каждого из нас — частичка Москвы. И ежедневно, проходя здесь, я, как и все, чувствую, будто иду по столице, чувствую ее поддержку и взыскательный спрос» (Известия, 7 октября 1984 г.).

Приведенный пример — яркое свидетельство значительного идеологического, воспитательного заряда, который успешно несут в себе многие внутригородские географические названия.

Тенденция пятая. Для московской топонимии послеоктябрьского периода характерно образование очень большого числа меморативных названий. Э. М. Мурзаев справедливо отметил в одной из своих книг: «Географические названия — свидетельства исторических условий эпох, когда они возникали, формировались и распространялись...» (1979, с. 4). Новые исторические условия, новое государственное устройство, новая, пролетарская идеология, другие причины, связанные с кардинальными изменениями, происшедшими в жизни нашего народа после Великой Октябрьской социалистической революции, повлияли на качественное изменение одной из основных лексико-семантических моделей в топонимии Москвы — «по имени, фамилии отдельного лица».

Сотни названий улиц, площадей, проездов, проспектов в столице ведут свою историю от антропонимов — фамилий, имен, отчеств (очень редко!) и псевдонимов конкретных людей. Значительная часть этих топонимов возникла в дореволюционный период и, как известно, связана в основном с фамилиями домовладельцев, землевладельцев и т. п. До революции меморативные названия были единичными. Однако после 1917 г. топонимия Москвы обогатилась большим числом таких топонимов: Ленинский просп., просп. Маркса, пл. Дзержинского, просп. Калинина, ул. Горького, ул. Фрунзе, ул. Чехова, ул. Вавилова, пл. Маяковского, ул. Сурикова, Багратионовский пр., наб. Мориса Тореза и др. Это следует оценивать как важный политический факт, имеющий большое идеологическое, воспитательное значение. В подобных наименованиях улиц и переулков, площадей и проспектов, бульваров и проездов нами сознательно запечатлена память о людях, которые сыграли значительную роль в жизни

Советского государства, в мировом революционном процессе, в истории России, в развитии отечественной культуры, науки, искусства. Новый период жизни нашего общества дал новое наполнение, новую реализацию уже известной, устоявшейся топонимической модели (от антропонима).

Бывают случаи, когда название, данное по другому принципу (по владельцу, по профессии и пр.) и возникшее в дореволюционный период, воспринимается современниками как чисто меморативное и образованное в советский период. На это обращает внимание А. В. Суперанская в своей статье «Наименования и переименования в городах»: «Названия по именам и фамилиям деятелей литературы и искусства, данные, если можно так выразиться, символически, в честь, а не по месту жительства, типа Гоголевская, Лермонтовская, Некрасовская для XIX в. — большая редкость. Даже такие названия, как Суворовская ул. и Петрашевская ул., были даны по домовладельцам, а не в честь А. В. Суворова и петрашевцев. Современное восприятие многих прежних названий, данных в честь отдельных лиц, совсем не согласуется с их действительным происхождением, что объясняется большими социальными сдвигами в нашей стране и уходом в прошлое категории землевладельцев и домовладельцев. Так, например, Бабушкин пер. воспринимается как названный в честь революционера И. В. Бабушкина, а отнюдь не владельца полотняной фабрики П. А. Бабушкина; Котовская ул. и пер. — как названные в честь полководца, а не землевладельца и фабриканта; ул. Княжнина — как названная в честь писателя и поэта, а не домовладельца. Названия ул. Лебедева (1936 г., в память физика П. Н. Лебедева) и Лебедевский пер. (XIX в., по домовладельцу) воспринимаются сейчас как происходящие от одного и того же Лебедева. Названия переулков Кулаковский и Купцовский, данные в XX в. по фамилиям домовладельцев, кажутся теперь происходящими от сословных званий. Также названные по фамилиям улицы 1-я и 2-я Мясниковские ассоциируются с профессией, вроде Монетчиковских 1, 2, 3, 4, 5 и 6-го переулков, которые названы по профессии рабочих Кадашевского монетного двора. К сожалению, от двух последних названий внешне неотличимо название Ведерниковский пер., данное в память большевика А. С. Ведерникова (1880—1919)» (Суперанская, 1966).

Последний пример, приведенный А. В. Суперанской, действительно нельзя назвать удачным меморативным топонимом. К сожалению, в этой группе названий встречаются и более грубые ошибки. Например, ул. Грицевец в районе Волхонки. Этот топоним — результат грамматической ошибки: Грицевец — фамилия мужская (она принадлежит дважды Герою Советского Союза отважному летчику Сергею Ивановичу Грицевцу, погибшему в 1939 г.), и по существующим правилам в данной конструкции (улица имени кого?) она должна изменяться по паде-

жам: улица Грицевца. Форма «улица Грицевец» ошибочна, поскольку такого рода фамилии не склоняются лишь у женщин, следовательно, в ныне существующем названии (оно существует на карте столицы с 1939 г.) мужчина превращен в женщину. Есть и другие примеры неточных меморативных названий, хотя такие топонимы должны вызывать у нас повышенное внимание, особую заботу.

Тенденция шестая. В топонимии Москвы советского периода широко развивается кустовой принцип образования наименований улиц, переулков и т. д.

Исследователям московской топонимии хорошо известен «географический» принцип называния улиц — с привязкой к какому-то направлению, местности, территории страны, городу и пр. Он прошел проверку временем и в связи с этим является по-настоящему рациональным: как мы знаем, еще в древности главные дороги, которые вели в разные стороны от Кремля, от Москвы, именовались как раз по тем местностям, городам и населенным пунктам, к которым они шли. Этот принцип в советской топонимии Москвы получил новое развитие, новое звучание. Сейчас мы можем говорить, что законное право на существование обрел в Москве принцип образования локально-географических групп топонимов: многие названия на карте столицы, образованные от географических наименований разных типов (наименований городов, рек, гор, морей и т. п.), располагаются большими «кустами» с выраженной географической привязкой.

Так, названия улиц, переулков, проездов «северного» характера, связанные не только с направлением на север, но и с понятием холода, — ул. Дубнинская, Енисейская, Магаданская, Норильская, Хибинский пр., Чукотская ул. и многие другие — располагаются в северной части Москвы. В той части Москвы, которая обращена к югу, можно найти группу топонимов «южного» характера — Донбасская, Ереванская ул., Чонгарский бул., Ялтинская ул. и др. Такие группы названий есть и в других частях Москвы соответственно их расположению относительно определенного направления. Например, на северо-западе города существует много наименований улиц, связанных с Ленинградом, его окрестностями, с названиями географических объектов, расположенных на территории СССР к северо-западу от Москвы. На юго-востоке столицы немало топонимов, основой которым, в частности, послужили названия рек, городов, гор Северного Кавказа, Нижнего Поволжья.

Такая группировка названий улиц имеет ряд положительных черт. Во-первых, этим подчеркивается значение Москвы как главного города Советского Союза и России. Во-вторых, она косвенным образом помогает ориентироваться в огромном городе. В-третьих, топонимы такого рода имеют эстетическую и познавательную ценность, иллюстрируют наличие в московской то-

понимии послереволюционного периода тенденции к развитию информативности названий.

В связи с вопросом об информативности топонимов хотелось бы сделать следующее замечание. Многие названия улиц, переулков XVIII, XIX вв. в силу непонятности их мотивировки для большинства жителей города порой подвергаются переосмыслению, а иногда даже частичному переоформлению (словообразовательному, фонетическому). Об этом мы очень коротко упомянули, делая разбор группы меморативных топонимов. Однако существуют и более яркие, более интересные примеры таких переосмыслений. Два из них приведены А. В. Суперанской (со ссылкой на сведения С. И. Ожегова и Н. А. Слюсаревой) в ее книге о структуре имени собственного и касаются двух старых московских топонимов, образованных от названий церквей: «Интересны... старые церковные названия улиц и переулков, связанные с реалиями, мало понятными современному молодому и среднему поколению. Например, в Москве, в районе Зубовской площади, есть Неопалимовский переулок; название имеет своим истоком церковную легенду о неопалимой купине — огненном кусте, который горит и не сгорает (аллегорическое изображение материнской любви). С. И. Ожегов в 50-е годы отмечал, что многие произносят его как Нэо-палимовский, Нэо-полимовский (ср. неолит, неофутуристы и т. д.), морфологизируя первую часть слова на греческий лад и превращая вторую в подобие названий от фамилий. Н. А. Слюсарева в 60-е годы отметила дальнейшую градацию этого названия: Ново-палимовский, с переводом псевдогреческого *нео-* на русский язык. Н. А. Слюсарева наблюдала интересное переосмысление названия и еще одного переулка: Зачатьевский — Зайчатьевский (теперь ул. Дмитриевского, примыкает к Метростроевской ул.). Название дано по церкви Непорочного зачатия девы Марии. В связи с тем, что реалия перестала быть понятной, название в народном употреблении превратилось в обычное образование от фамилии (Зайчатьев)» (1969).

Для послеоктябрьской топонимии Москвы характерно использование и локально-тематических групп, что также непосредственным образом связано с идеей повышения информативности топонимов. Этот принцип вполне себя оправдывает. В разных районах сосредоточиваются названия, данные, например, в честь ученых, или в честь советских военачальников, или в честь деятелей революции, или в честь революционных, военных, исторических событий и т. д.

Революция 1905 г. нашла отражение в наименованиях некоторых площадей и улиц района Красной Пресни, где шли баррикадные бои: пл. Восстания, Баррикадная ул., Большая Декабрьская ул., Дружинниковская ул., ул. 1905 года, Шмитовский пр. и др. В южной и юго-западной части столицы, где со-
 средоточено много научно-исследовательских учреждений и ву-

зов, где находится президиум Академии наук СССР, комплекс новых зданий МГУ, сформировался «куст» топонимов, связанных с именами выдающихся деятелей отечественной науки: проспекты — Вернадского, Ломоносовский, Мичуринский, улицы — Бурденко, Зелинского, Курчатова, Менделеевская, Обручева, Павлова, Ферсмана (при перечислении нами опущены в некоторых топонимах слова «Академика». — *М. Г.*) и др.

Примечательно, что в ряде случаев имеет место сочетание локально-географического и локально-тематического принципов мотиваций названий. Например, нередко в группы «северных», «восточных», «южных» и других московских топонимов начинают входить и такие наименования улиц, в основе которых лежат не географические названия, а какие-то другие имена собственные (например, антропоним), имеющие в сознании людей определенную ассоциативную связь с понятием севера, юга и т. д. Так, на севере Москвы находится ряд улиц и проездов, названных в честь покорителей Севера и Арктики, в честь полярных летчиков. В северо-западной части города (о ней упоминалось выше) в 1964 г. возникла Смольная улица. Она была так названа в честь легендарного штаба революции — ленинградского Смольного. На юго-востоке столицы, в районе Рязанского проезда и Окской улицы, с 1964 г. существует Есенинский бульвар (как известно, жизнь и творчество поэта С. А. Есенина были связаны с Окой, с Рязанщиной).

Подобные процессы, по-видимому, будут продолжаться в топонимии Москвы и впредь. Они имеют положительный характер.

Однако не всегда вопрос об информативности в послереволюционной топонимии Москвы решался одинаково успешно. Вряд ли можно считать интересным и информативным, удовлетворяющим эстетическим требованиям такой топоним, как улица Моснефтекип (Люблинский район); в основе топонима лежит сокращенное наименование Московского завода контрольно-измерительных приборов для нефтяной промышленности. С этих же позиций может быть подвергнут объективной критике топоним Газопровод (название улицы в районе платформы Красный Строитель). Двусмысленно звучит название Нижний Трикотажный проезд в сопоставлении с названием Верхний Трикотажный проезд. Есть и другие неудачные примеры. В целом же московские топонимы послеоктябрьского периода несут полезную и ценную информацию историко-культурного, географического, лингвистического характера.

Тенденция седьмая. Для топонимии Москвы советского периода весьма характерно частое использование в качестве компонентов многочленных наименований порядковых числительных. Истоки этой тенденции по-разному определяются и объясняются в каждом конкретном случае, однако общая объективная причина — массовое жилищное строительство, общая субъективная причина — недостаточное внимание к названиям улиц.

В ряде случаев использование «номерных» названий улиц отражает постепенное освоение и застройку территории. Так, например, возникли 16 Парковых улиц в районе Измайловского парка — от 1-й до 16-й Парковой. Однако, даже если мы устанавливаем определенную причину возникновения «номерных» названий улиц, последние не перестают восприниматься нами как обезличенные и неудобные. Обезличенные — так как основную смыслоразличительную функцию (основную функцию для топонима), функцию выделения данного объекта из ряда, начинает нести уже первая часть наименования — порядковое числительное. Неудобные — поскольку слишком часто такие названия мешают нормальной деятельности городских служб.

К сожалению, приходится констатировать, что на карте Москвы появилось слишком много топонимов, включающих в свой состав порядковые числительные, этот принцип в создании топонимов оказался неправомерно частым, широким.

Так, для увековечения в топонимии Москвы памяти о Мелитопольской наступательной операции Советской Армии в 1943 г. и для информации о самом городе Мелитополе более весомой в топонимической системе столицы была бы одна Мелитопольская улица, а не шесть (1-я, 2-я и т. д.), как в данный момент. «Номерных» названий в Москве много в разных районах города: четыре Голутвинских переулка, три Донских проезда, две Институтские улицы и два Институтских проезда, пять Магистральных улиц (вместе с двумя Магистральными тупиками, Магистральным проездом и Магистральным переулком), три улицы Марьиной Рощи, четырнадцать проездов Марьиной Рощи, три улицы Бебеля и др. Последний пример следует признать особенно неудачным, поскольку «занумерованной» оказалась фамилия видного деятеля германского и международного рабочего движения Августа Бебеля. Такое непродуманное решение об увековечении памяти выдающейся личности привело к сомнительному результату.

Крайне неудачен топоним 4-я улица Восьмого Марта при наличии еще двух очень близких: 1-я улица Восьмого Марта и просто улица Восьмого Марта. Здесь следует сказать, что в печати вместо критики неудачных названий можно прочитать и встретить сомнительную рекламу таких названий. В качестве доказательства приведем заметку из газеты «Вечерняя Москва», где речь идет как раз о «восьмимартовских» топонимах: «Трамвай плавно затормозил. «Улица Восьмого Марта — конечная остановка», — послышался из динамика голос водителя. Передо мной была обычная московская улица: жилые корпуса, магазины... Необычным у улицы было, пожалуй, лишь ее название, навевающее праздничное настроение. ...В Москве четыре улицы, включающие в названия упоминания о женском празднике. 1-я и 4-я улицы Восьмого Марта находятся во Фрунзенском районе, а улица Восьмого Марта, на которой я нахожусь, относится

сразу к трем районам — Фрунзенскому, Свердловскому и Тимирязевскому. Кроме того, улица с таким же названием есть в рабочем поселке Внуково. Конечно, трудно обозначить прямую зависимость настроения москвичей от названия места, где они живут. И тем не менее «весенние» мотивы органично вплетаются в жизнь горожан, создают какую-то особую атмосферу. Об этом я вновь задумался, гуляя по улице Восьмого Марта...» (Максимов, 1984).

Тенденцию к широкому употреблению порядковых числительных в составе многочленных московских топонимов нельзя признать удовлетворительной.

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что почти все наименования московских улиц и площадей, проспектов и бульваров, проездов и переулков, набережных и жилых массивов, образованные в советское время, с успехом выполняют свою социальную и культурно-историческую функцию. Как правило, эти названия удовлетворяют основным требованиям: они информативны, образованы с учетом норм современного русского языка, удобны в употреблении. Отдельные отрицательные моменты в новой топонимии Москвы связаны с целым рядом причин, которые нам представляются вполне преодолимыми. Думается, что в деле наименования и переименования московских улиц необходимо более действенное, чем это было раньше, участие ученых — лингвистов, историков, географов, необходимо их авторитетное, решающее заключение. Вероятно, для повышения общей культуры наименования и переименования внутригородских объектов должен также появиться официальный документ, который регламентировал бы основные аспекты этого вопроса, устанавливал бы основополагающие принципы и вобрал бы в себя все ценное, что дала практика жизни и теория науки. В этой связи напомним, что еще в 1923 г. известный советский лингвист Г. О. Винокур, видевший в топонимике один из актуальных вопросов культуры речи, подчеркивал: «...название улиц, городов — все это должно быть поставлено научно, на базе разработки общей культуры языка» (1923, с. 110).

Еще одним важным шагом может стать создание для Москвы и других древних городов «Красной книги названий», иначе говоря, официально принятых списков особо ценных в историко-культурном отношении наименований улиц и тому подобных объектов, которые должны находиться под охраной государства и ни при каких обстоятельствах не подлежать замене, переименованию.

Е. М. Поспелов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ МОСКВЫ В ЗЕРКАЛЕ ТОПОНИМИКИ

Современный интерес к изучению внутригородской топонимии не случаен. Города, будучи местами сосредоточения населения, выполняя разнообразные социально-экономические функции, обладают высокой динамичностью. Жизнь городов находит закономерное отражение в их топонимии, постоянно пополняющейся и изменяющейся по мере роста города. В наиболее отчетливом виде сказанное проявляется в больших и сверхбольших городах, многие из которых имеют многовековую историю. К числу таких городов относится и Москва — столица СССР, один из крупнейших городов мира с уже почти тысячелетней историей.

Для изучения различных аспектов исторической географии больших городов — их былой территориальной организации, этапов пространственного распространения, экономических связей, былых внутригородских ландшафтов — необходимо использовать совокупность источников, имеющихся в распоряжении исследователя. В первую очередь должны привлекаться традиционные письменные и картографические свидетельства. Но наряду с ними исключительно продуктивным оказывается использование и топонимических данных, что позволяет в одних случаях проверить и уточнить некоторые традиционно бытующие представления, в других обратить внимание на новые факты или хотя бы на новые стороны фактов, ранее уже известных.

При историко-географическом изучении городов основной класс топонимов, к которому приходится обращаться исследователю, — это названия улиц, переулков, тупиков, проспектов и площадей, которые принято объединять под общим обозначением «названия улиц».

Имена улиц по сравнению с названиями физико-географических объектов и населенных пунктов в целом относительно молоды, причем процесс отмирания части старых названий и возникновения новых продолжается и в наши дни.

Подсчеты, выполненные по справочнику «Имена московских улиц» (1975), показывают, что около 70% современных улиц Москвы возникло после Октябрьской революции, около 5% — в начале XX в., до революции, и около 20% — в XIX в. Таким образом, на долю названий XX в. приходится 75%, а названий XVIII в. и старше — примерно 5%. Продолжающаяся застройка Москвы, а также переименования, хотя и не в массовом порядке, ведут к увеличению числа новых названий и сокращению доли старых.

Специфической особенностью названий улиц можно считать их высокую динамичность. За сравнительно непродолжительное время многие названия неоднократно менялись. Так, ближайший

к Кремлю участок старой Смоленской дороги за последние 350 лет последовательно назывался Арбатской улицей, Смоленской (с 1658 г.), Воздвиженкой (с начала XVIII в.), улицей Коминтерна (с 20-х годов XX в.), улицей Калинина (с 1946 г.) и, наконец, с 1963 г. стал частью проспекта Калинина (Имена..., 1975, с. 173).

Могут быть указаны и другие неоднократные переименования, а что касается только единожды за XIX—XX вв. измененных названий, то их перечень занимает 40 страниц убористого текста (Имена..., 1975, с. 496—536). Заметим, что многие из указанных в списке «прежних названий» в более раннее время также имели другие имена.

Свой вклад в утрату старинных названий всегда вносила реконструкция города. Этот процесс имел место и в далеком прошлом, например при застройке после пожаров (а Москва полностью выгорала 13 раз и около 100 раз — на значительной части), имеет место он и в наши дни, при дальнейшем совершенствовании планировки. Так, в справочнике «Улицы Москвы» (1972) приводятся имена улиц, переулков, проездов и тупиков, которые за последние годы упразднены в связи с новой застройкой. Этот перечень содержит около 200 названий (с. 507—511).

Вследствие этих процессов происходит деформация топонимической системы города. Количество названий, отражающих конкретные особенности улиц, зачастую с помощью входящих в их состав народных географических терминов, а также названий, обусловленных историческими фактами, неукоснительно сокращается. Они замещаются названиями-посвящениями и названиями, абстрактными по своему существу, но имеющими в большей или меньшей степени выраженное идеологическое звучание. Этот процесс, характерный не только для Москвы, ранее рассматривался нами на широком фоне всей совокупности внутригородской топонимии СССР (Поспелов, 1976), а в настоящем сборнике о нем говорится в статье Э. М. Мурзаева. Здесь же для примера укажем лишь исчезновение из топонимии Москвы таких четких названий-характеристик, как Кочки, Котлы, Коровий Брод и Коровий Вал, Красноворотские улицы и площадь и т. п. К этому же ряду относятся исторически обусловленные топонимы: Охотный Ряд, Водоотводная улица, Денежный переулок.

Все сказанное имеет непосредственное отношение к оценке возможности использования топонимических данных как источника историко-географического исследования. Для эффективного применения топонимии в распоряжении исследователя должен быть хотя бы перечень всех названий улиц с указанием современных форм (если улицы сохранились до наших дней) и всех ранее существовавших названий этих улиц. В идеальном случае подобный список мог бы содержать указания на исторические факты, обусловившие то или иное изменение названия.

Однако о таких сводах в настоящее время можно лишь мечтать, поскольку состояние топонимической изученности Москвы до сих пор нельзя признать вполне удовлетворительным. С прошлого века издаются и переиздаются популярные объяснения названий московских улиц (Мартынов, 1878; Сытин, 1959; Имена..., 1975), рассчитанные на массового читателя, но до сих пор отсутствуют топонимические исследования, выполненные на современном научном уровне, опирающиеся на всю совокупность существующих письменных источников с учетом данных языкознания и географии. Вследствие этого некоторые традиционные толкования, переходящие из одного массового издания в другое, вызывают определенные сомнения.

Рассмотрим конкретные задачи историко-географической реконструкции, решаемые с привлечением топонимического материала. Прежде всего это задача реконструкции территориального роста города. Как известно, ядром многих русских городов был собственно «город», т. е. военное укрепление, обнесенное земляными валами, деревянными или каменными стенами. В Москве таким ядром, точкой роста будущего города был Боровицкий холм с построенным на нем Кремлем. Здесь нет необходимости подробно рассматривать все этапы формирования территории Москвы (Китай-город, Белый город, Земляной город, Камер-Коллежский вал) и связанной с ними топонимии — это сделано в других статьях сборника. Отметим лишь, что названия, маркирующие границы города на разных этапах развития, оказывались внешне схожими. Например, Ильинские Ворота, Кировские Ворота, Красные Ворота.

Задача топонимиста заключается в том, чтобы выстроить эти топонимы в «цепочки»: отобрать и связать воедино названия ворот Белого города, отсеяв остальные; соединить названия с терминами *вал* и *застава,* оставшимися от Камер-Коллежского вала; сведения о сохранившихся остатках стены Китай-города дополнить древним топонимом Ильинские Ворота и более поздним — Китайский проезд. В результате будет получено общее представление о положении стены Китай-города и довольно полно обрисуется контур Белого города; для реконструкции Земляного города топонимия почти ничего не дает, но зато прекрасно восстанавливает позднейший Камер-Коллежский вал (1731—1842 гг.). Сохранившийся в устном употреблении топоним Земляной Вал связан с Земляным городом, но другие многочисленные валы, находящиеся в официальном употреблении (Грузинский, Бутырский, Сущевский и др. — всего 24), связаны с Камер-Коллежским валом. В обращении находятся и названия всех 16 застав, причем многие из них даже после переименования остались заставами: Абельмановская (бывшая Покровская), Крестьянская (Спасская), Ильича (Рогожская) и т. д.

Важный элемент пространственной организации городской территории — образование системы улиц. Магистральные улицы,

определяющие общую конфигурацию системы, имеют названия по их направлениям, ведущим в соседние населенные пункты, причем с ростом территории города названия «выходных» улиц перемещались все дальше от центра, а с развитием экономических и транспортных связей в качестве ориентира использовались все более удаленные пункты. Эта закономерность, имеющая универсальный характер, может быть подтверждена многочисленными московскими примерами. Старинная Тверская улица, начинавшаяся у самого Кремля, теперь называется улицей Горького, а ее продолжение за старой Тверской заставой — Ленинградским проспектом. Таким образом, «выездное» название переместилось из центра за бывший Камер-Коллежский вал, а вместо старой Твери, до которой было всего 160 верст, в качестве ориентира принят Ленинград, удаленный уже на 650 км.

Стромынка — старинная дорога, соединявшая Москву с Владимиро-Суздальской землей, — называлась по имени села Стромынь, находившегося всего в 60 км от Москвы. Впоследствии дорога на Владимир (190 км) стала выходить из Москвы по другому маршруту и называться непосредственно по городу — Владимирской (современное шоссе Энтузиастов).

Выезд в Серпухов (99 км) осуществлялся через Серпуховскую заставу на бывшей Серпуховской площади (современная Добрынинская пл.) и далее по Серпуховским улицам. С усилением связей с Тулой (193 км) продолжение Серпуховских улиц стало называться Большой Тульской улицей. А уже ее продолжение, использовавшееся в середине прошлого века как начало дороги на Варшаву (через Подольск и Малоярославец), получило название Варшавского шоссе. Это название сохраняется и в наши дни, хотя для поездок в Варшаву старую дорогу уже никто не использует.

Продвижение «выходных» улиц вслед за изменением границ города можно видеть также на примере Дмитровской, Калужской и Смоленской дорог. Анализ положения ранее существовавших Дмитровок, Калужских и Смоленских улиц показывает, что этапами, обусловливавшими перенесение названий, были официальные изменения границ города. Так, Смоленской улицей последовательно назывались начало современного проспекта Калинина (от Кремля до ворот Белого города), затем Арбат (до Земляного вала), а позже и Дорогомиловская улица (до Камер-Коллежского вала). Если в прошлом дорога на Дмитров (Большая Дмитровка, современная Пушкинская ул.) начиналась вблизи Кремля, то в наши дни название Дмитровское шоссе носит самый дальний в черте города отрезок магистрали, ведущей в этот город. Память о старинной дороге на Смоленск сохраняет лишь ее короткий участок между Смоленской площадью и Бородинским мостом, а старинная Калужская дорога в современной топонимии города уже не отражается.

В качестве основы оттопонимических названий, мотивированных направлением, встречаются названия и подмосковных пригородных поселений (Рублевское и Щелковское шоссе), и более удаленных городов Московской области (Волоколамское, Дмитровское, Каширское и Можайское шоссе, Большая Серпуховская ул.), и областных центров РСФСР (Смоленская и Большая Тульская ул., Рязанский просп., Ленинградское и Ярославское шоссе), и даже одной столицы зарубежного государства (Варшавское шоссе). Надо учитывать, что названия, образованные от топонимов, далеко не всегда непосредственно связаны с тем или иным городом.

В Москве одной из причин возникновения оттопонимических названий служат имена вокзалов, причем не только современные, но и старинные. Брестские улицы названы по Брестскому (ныне Белорусскому) вокзалу, Рязанские проезд и переулок — по бывшей Московско-Рязанской железной дороге. Современный Киевский вокзал и начинающаяся им железная дорога в разное время дали повод для названий: Брянская ул., Киево-Воронежский пер., Киевская ул. Современный Рижский вокзал и его направление дали Виндавскую и Балтийскую улицы и Рижскую площадь.

Зачастую топонимы проникают в названия улиц через фамилии. Примером могут служить Астраханский, Несвижский, Одоевский переулки в Москве, названные так не по городам Астрахань, Несвиж, Одоев, а по фамилиям домовладельцев. Некоторые оттопонимические названия улиц связаны с названиями церквей (Тихвинская ул.) и других объектов: Сибирский проезд назван по отделению Сибирского банка, Самарский переулок — по Самарским баням и т. п.

Однако подавляющую часть оттопонимических названий составляют имена, присвоенные просто для различения улиц. В их числе названия подмосковных городов (Бронницкая, Верейская, Егорьевская, Зарайская улицы и т. д.) и более удаленных — от Новгородской и Гжатской до Ташкентской и Иркутской улиц.

Задача исследователя — отобрать среди разнообразных названий те, которые даны по направлениям или несут какую-либо иную историко-географическую информацию.

Внешне одинаковые названия имеют сплошь и рядом различную этимологию. Во многих русских городах есть Смоленская улица. Такое название может быть дано не только по старой Смоленской дороге, но и по областному центру РСФСР, оно может быть связано с памятью об освобождении Смоленска в годы Великой Отечественной войны, со Смоленским полком русской армии, с церковью Смоленской богоматери, с поглощенной городом деревенькой Смоленка или с речкой того же названия, с бывшей слободой выходцев из Смоленской губернии или, наконец, с фамилией Смоленский.

Анализ внутригородской топонимии дает также материал для реконструирования былого сельского расселения в окрестностях Москвы. Дело в том, что с ростом Москвы постоянно происходило поглощение примыкавших к ней слобод, сел и деревень, а в 1960 г. даже и нескольких подмосковных городов. Названия многих из этих населенных пунктов дошли до наших дней в названиях улиц.

Процесс этот вполне логичен и понятен. Если на раннем этапе развития города все его население умещалось в Кремле, то каждое расширение городских границ означало включение в черту города все новых и новых земель с находящимися на них селениями. Точное количество этих селений и полный список их наименований пока еще не установлены, да и вряд ли это уже может быть выполнено. Однако имеющиеся разрозненные данные позволяют считать, что их количество исчислялось несколькими сотнями.

О былом существовании многих из них с неоспоримой достоверностью свидетельствует топонимия города. Это прежде всего названия улиц, которые включают в свой состав термины, обозначающие различные типы населенных пунктов. На первом месте по употребительности в городской топонимии стоят термины *слобода* и *слободка*. С учетом переименованных и упраздненных улиц и переулков могут быть указаны две улицы с названием Слобода и пять Слободских переулков, все в разных частях города: Новослободская ул., две улицы Новая Слобода, ул. Старослободская и Доброслободская, а также ул. Садовая Слобода, Добрая Слободка, Сокольническая Слободка, Штатная Слобода, Всехсвятской Слободы, Куриная Слободка, Швецова Слобода, Каменнослободской переулок. Обращает внимание устойчивость термина *слобода*, его употребительность в топонимии города много позже того периода, когда существовали «классические» слободы. Этот термин представлен в таких поздних названиях XIX в., как ул. Кутузовская Слободка, Дангауэровская слободка (по заводу «московских немцев» Дангауэра и Кайзера), а также в существующем и в наши дни названии Ленинская Слобода (бывшая Симоновская).

В Москве существовало много слобод: дворцовых, ремесленных, ямских, иноземных и других, которым посвящен ряд специальных исследований (Богоявленский, 1930; Звегинцев, 1944; Снегирев, 1956). Однако многие из них или совсем не нашли отражения в топонимии, или отражены иными средствами.

Названия, содержащие термины, обозначающие другие типы селений, единичны: ул. Марьиной Деревни, ул. Новинки, Новопоселковая ул., Новоселенский пер., ул. Выселки, Коптевские Выселки. Покровские Выселки, пер. Загородного Двора, Бабьегородские переулки (из Бабий городок). Большинство из перечисленных названий теперь уже утрачены. Представлен также термин *бутырки* — «отдельное жилье, дом на отшибе,

подгородная слобода» (Даль, т. I, с. 146). Это бывшая дер. Бутырки и более поздние Бутырская слобода, Бутырский хутор, а от последнего — несколько Хуторских улиц и переулков.

Названия поглощенных городом сел и деревень далеко не всегда отражены в его топонимии. Вблизи Кремля, на месте современной улицы Маркса и Энгельса, в прошлом было село Ваганьково, о котором раньше напоминало название Ваганьковский (позже — Староваганьковский) переулок; после переименования этого переулка последняя память о старом Ваганькове оказалась утраченной. Известное село Семчинское, некогда находившееся на месте современной Кропоткинской улицы, в топонимии города совсем не нашло отражения. А село Кудрино дало названия Садово-Кудринской улице, Кудринскому переулку, а также бывшим Кудринским площади и улице (ныне пл. Восстания и ул. Баррикадная).

При пересмотре границы Москвы в 1960 г., когда в ее черту было одновременно включено значительное количество населенных пунктов, память о них уже сознательно сохранялась в названиях улиц. Примерами служат улицы Кунцевская, Тушинская, Чертановская, Вешняковская, Теплый Стан и многие другие. Среди этих названий особо следует выделить деревню Черемушки, находившуюся в юго-западной части столицы. Именно с этого района началась небывалая по своему размаху послевоенная застройка Москвы. Деревня Черемушки дала имя всему новому микрорайону Черемушки, а также одиннадцати улицам и проездам, из названий которых до настоящего времени дошли лишь три: Большая Черемушкинская и Новочеремушкинская ул., 1-й Черемушкинский пр. Как известно, Черемушки, будучи первенцем массового жилищного строительства индустриальными методами, получили столь широкую популярность, что во многих городах нашей страны новые микрорайоны также стали называть Черемушками. Ныне Черемушкинский район столицы в память о Л. И. Брежневе переименован в Брежневский.

Для получения представления о былых ландшафтах, естественных и антропогенных, названия поглощенных поселений также дают некоторый материал, особенно если они образованы от народных географических терминов. Примерами могут служить названия населенных пунктов Котлы Верхние и Нижние (котел — «овраг, впадина, котловина»), Перерва (перерва — «промой, новое русло реки, проток»), Вязовка (вяз — «топь, болото»), Дубровка (дубрава,783дуброва — «дубовая роща», «лиственный лес; небольшой чистый лес, роща»), Раменки (раменье — термин, сменивший последовательно ряд значений: «пашня, расчищенная от леса», «пашня, заросшая лесом», «лес») и др.

Большую информацию о былых ландшафтах дает топонимия местностей, лежавших между поселениями и включавшихся в состав города на том или ином этапе его развития. Прежде всего это поля, давшие улицу Полянку, ряд Полевых улиц и пе-

реулков (многие из которых переименованы), а также известные в топонимии Ямское поле (улицы Ямского Поля), Ходынское поле (современное Октябрьское Поле), Воронцово поле (современная ул. Обуха), Девичье поле (проезд Девичьего Поля), Перово поле (проезды Перова Поля), Горохово поле (Гороховский пер.) и ряд других. Иногда сюда же причисляют и название улицы Палиха, она же Полиха (Имена..., 1975). Однако анализ всей совокупности названий на *-иха,* известных в Московской области, свидетельствует, что основой для них чаще всего служат имена, прозвища, фамилии. Поэтому и имя этой улицы следует, вероятно, производить не от географического апеллятива *поле*, а от антропонима *Поле*. Пример антропонимического употребления этого апеллятива указывается С. Б. Веселовским (1974): «Александр Борисович Поле, XIV в.».

Край, окраина, начало поля назывались «всполье» (Даль, т. I, с. 269). В разных местах Москвы был ряд урочищ с названием Всполье: за селом Семчинским, за Москвой-рекой по Смоленской дороге, у Серпуховских ворот Земляного города, а также за Никитскими воротами Белого города. По урочищу получила название церковь св. Георгия, что на Всполье (XVII в.), по ней — Георгиевский переулок, переименованный только в 1922 г. во Вспольный (Имена..., 1975). Вошли в Москву и несколько Лужников, из которых в наши дни известностью пользуются лишь те, на которых находится стадион им. В. И. Ленина.

О естественном растительном покрове данные топонимии свидетельствуют очень скупо. Старейший топоним города — Боровицкий холм и самая древняя церковь Кремля — Спас на Бору говорят о существовании бора (боровицы) возле самых стен Кремля. Ручей Ольховец и современная Ольховская улица фиксируют наличие ольхи. Подсосенский переулок назван по урочищу Под Соснами. Косвенно о былой лесной растительности говорят названия Голутвинских переулков (голутва — «просека, вырубка»). Скудность фитотопонимов не случайна и объясняется, по-видимому, тем, что леса в окрестностях Москвы интенсивно сводились уже настолько давно, что их следы в топонимии оказались утраченными.

В черту города входили заболоченные участки, обозначавшиеся терминами *болота, грязь.* При освоении они осушались, а названия улиц, содержавших эти термины, переименовывались. Память от обширного урочища Болото в затопляемой пойме Москвы-реки сохранилась лишь в названии Болотной набережной, а имена улиц и переулков от термина *грязь* ликвидированы полностью. В списке «прежних названий» (XIX—XX вв.) указывается на переименование пяти Грязных улиц и переулков. Понятно, что современный отрицательный смысл этого слова делает неприемлемым существование подобных названий. Единственное исключение — Садовая-Черногрязская улица, где *черная грязь* подается не в явном виде.

Кроме рассмотренных урочищ город поглотил также и другие: Глинищи, Кочки, Остожье, Озерки, Бережки, Пески, ряд холмов, гор, рощ, оврагов и т. д. Названия многих из них давно безвозвратно утрачены в процессе переименований и перепланировок.

Топонимика дает также неоценимый материал для выяснения пространственного распространения в Москве различных ремесел. Уже с XV—XVII вв. возникают названия, характеризующие занятия жителей, особенности их производственной деятельности. Прежде всего этот процесс коснулся самой столицы и ее ближайших пригородов, благодаря чему топонимические данные позволяют выявить яркую картину широкого развития в допетровской Москве разнообразных видов ремесленной деятельности и их концентрации в слободах, имевших четкий производственный профиль.

Слободы Москвы и ближнего Подмосковья специализировались на изготовлении оружия, брони, домашней утвари, кож, сбруи, тканей, глиняных изделий; были слободы плотников, каменщиков, печатников, иконописцев, огородников и садовников, слободы по обслуживанию царского двора (кормовая, поварская, конюшенные), ряд ямских и стрелецких слобод. Сведения о многих из них можно найти в различных текстовых исторических источниках, однако это не исключает использования топонимических данных, поскольку зачастую только они позволяют локализовать ту или иную слободу на местности.

Примером ремесленной слободы, реконструируемой по таким топонимам, может служить московская слобода кожевников. Эта слобода благодаря своему выгодному географическому положению стала уже с XVI в. крупным центром кожевенного промысла. За прошедшие века она неоднократно горела, перестраивалась, изменялась ее планировка, но в топонимии всегда сохранялись названия, отражающие специализацию ее жителей. Это прежде всего прочно закрепившееся в употреблении название местности Кожевники, а также такие устойчивые топонимы, как название оврага, проходившего через слободу, — Кожевнический вражек и название местной церкви — Троица в Кожевниках. Все это в сочетании с сохранившейся до начала XX в. специализацией района обусловило четко выраженную преемственность топонимии. И в наши дни здесь существуют Кожевническая улица и Кожевнические переулки.

Такая же традиционная топонимическая преемственность сохраняет информацию о существовании в прошлом слобод кожевников-сыромятников (Сыромятнические улицы, переулки, набережная), каменщиков (ул. Большие и Малые Каменщики), ткачей, или, как их раньше называли, хамовников (бывшие Хамовнические улицы, переулки, вал, набережная на месте современного Комсомольского проспекта и Фрунзенских улиц), бронников (Большая и Малая Бронные ул.). Во всех этих случаях

топонимы не только информируют о былой специализации слобод, но и локализуют их.

Иное дело, когда названия даются лишь в память о бывших слободах. Для примера можно указать имена таких московских переулков, как Скатертный, Столовый, Ножевой, Хлебный. Эти имена переулкам, возникшим на месте, где некогда была царская Кормовая слобода, присвоены только в XVIII—XIX вв. Поэтому неправильно распространяемое некоторыми популярными изданиями прямолинейное объяснение возникновения этих названий от якобы существовавших «маленьких» Скатертной, Ножевой и тому подобных слобод. В Сокольниках Охотничья и Егерская улицы были названы лишь в 1913 г. в память о слободе царских ловчих XVII в., Печатников переулок назван в 1907 г. по слободе мастеров Печатного двора и т. д. Эти названия только напоминают о прошлом, но сами не являются его свидетельством.

Отсюда возникает проблема отбора топонимического материала для целей исторической географии. Действительно, названия Охотничья и Егерская улицы бесполезны (да и слово-то «егерь» вошло в русский язык только во второй половине XVIII в.), но топоним Сокольники и связанные с ним Сокольническое поле, Сокольническая роща и другие достаточно хорошо указывают на район бывшей царской охоты. Название Плотников переулок, как и Печатников, появилось лишь в XX в. Ранее эти переулки назывались Никольским и Пильниковым. Название церквей Николы в Плотниках и Успения в Печатниках локализуют существовавшие в XVII в. и известные из письменных источников слободы казенных плотников и печатников.

Грамотное привлечение топонимического метода позволяет также критически оценить традицию выделения некоторых ремесленных слобод в Москве на основе толкования их названий. Так, исходя из существования в Москве Кисловских переулков, традиционно реконструируется слобода царских кислошников, т. е. изготовителей солений, мочений и квасов (Мартынов, 1878; Сытин, 1959; Имена..., 1975). Но по аналогии с названиями других улиц, образованными от названий слобод по их специализации (Кожевническая, Хамовническая, Котельническая, а также Бронная, Гончарная), в этом случае следовало бы ожидать Кислошнических или Кислошных переулков. А образование топонима с суффиксом *-ов* позволяет предполагать его более позднее, отантропонимическое происхождение, тем более что и возникло-то это название лишь в XVIII в. (Имена..., 1975). Для решения вопроса важно и то, что видный специалист по древней истории Москвы С. К. Богоявленский (1930) упоминает о Кисловской слободе как принадлежавшей ведомству царицыной мастерской. А это ведомство занималось ткачеством, шитьем белья и вышивкой, а не солениями и мочениями. Точно так же и Кадашевская хамовная (ткацкая) слобода, локализуемая на месте Кадашевских набережной и переулков, свое название ве-

дет, по-видимому, не от первоначальной специализации жителей на изготовлении кадей, бочек и других бондарных изделий (Имена..., 1975), а от имени Кадаш или фамилии Кадышев, указываемых С. Б. Веселовским (1974) для XVI—XVII вв. На этих примерах хорошо видно, как использование топонимического метода в интересах исторической географии заставляет критически воспринимать традиционно бытующие толкования названий.

Важный историко-географический вопрос — профиль ремесленных слобод. Согласно современным объяснениям названий улиц их специализация в ряде случаев была крайне узкой. Например, название улицы Мневники, сохранившей имя подмосковного села, объясняется тем, что в нем якобы жили рыбаки, доставлявшие «на государев обиход рыбу мень», т. е. налимов (Имена..., 1975). Специализация рыбачьего села на ловле только одного вида рыбы вызывает сомнение, тем более что другие рыбачьи села в Подмосковье получали обобщающие профессиональные названия: Ловцы, Рыбаки.

Названия Таганка, Таганские улицы и площадь объясняют по специализации жителей слободы на изготовлении таганов — «треножников для походных кухонь» (Сытин, 1959; Имена..., 1975). Но не слишком ли узка специализация на изготовлении столь нехитрого приспособления? Видимо, прав Э. М. Мурзаев, связывающий название Таганка с тюркским таган — «гора, холм, вершина горы» (см. его статью в этом же сборнике). Ведь, как сообщает И. В. Сытин (1948), здесь уже в XV в. жили татары. А если учесть, что Вшивая горка (Таганка) входила в число тех семи холмов, на которых расположена Москва, то, может быть, Таганка лишь тюркская калька русского «горка»?

Точно такие же сомнения вызывает реконструирование поселения мастеров литейного дела на основании объяснения названия Гнездниковских переулков. Почему они не Гнезднические, откуда появился суффикс *-ов,* нет ли связи с именами Гнезник, Гнезниковы, указанными для XV в. С. Б. Веселовским? Вопросы существенные, тем более что С. К. Богоявленский (1930) не приводит сведений о существовании такой слободы. А. А. Мартынов (1878), объясняя название Басманной улицы, ссылается только на словарь В. И. Даля, где указано, что басман — «хлеб». На этом основании он считает, что в Басманной слободе, «по всему вероятию», жили дворцовые пекари. Но С. К. Богоявленский (1930), отмечая существование Басманной слободы, ничего не говорит о ее специализации. Спорность приведенного топонимического материала требует нового тщательного анализа сведений относительно специализации ряда слобод. Необходимо уяснить, что́ в объяснении их названий идет от исторических источников, а что́ от «кабинетной» этимологии.

Уже почти 200 лет названия улиц в Москве образуются не в процессе народного употребления, а путем официально регламентируемой номинации. Последнее обстоятельство требует осо-

бого рассмотрения, поскольку названия, являющиеся продуктом творчества должностных лиц, нередко выпадают из топонимической системы. В таких названиях исходные формы иногда искажаются, а конструируются они подчас без учета выработанной народом традиции употребления тех или иных словообразовательных средств. В подобных случаях обычные приемы топонимического анализа могут не только оказаться бесполезными, но даже привести к ошибочным выводам.

Так, в 1922 г. на севере Москвы появились названия: улица Кашенкин Луг, Большая и Малая Кашенкинские улицы (Сытин, 1959). В этих названиях все неправильно. Прежде всего в их основе лежит имя реки Каменка, которое на старой карте из-за неразборчивости написания буквы *м* было ошибочно прочитано как Кашенка. Неправильно и словообразование. В Москве издавна принято при образовании имен улиц по названиям рек использовать суффикс *-ск*: р. Яуза — Яузский бульвар, руч. Ольховец — Ольховецкая, ныне Ольховская улица, р. Чечора — Чечерский переулок и т. д. Поэтому и здесь следовало ожидать появления названий Кашенский Луг, Кашенские улицы. Использование же в этих названиях притяжательного суффикса *-ин*, отражающего принадлежностные отношения и применяемого главным образом в сочетании с личными именами, прозвищами, фамилиями (например, Марьина Роща), совершенно исказило картину — создалось впечатление, что названия рассматриваемых улиц образованы от фамилии Кашенкин. Заметим также, что старое название улицы Кашенкин Луг — Панин Луг было дано по фамилии домовладельца Панина. Создается впечатление, что авторы названия вспомнили тургеневский Бежин луг и взяли его за модель. Но ведь это название образовано от имени собственного и указывает на принадлежность (С. Б. Веселовский (1974) приводит фамилию курского помещика — Бежин). Таким образом, Панин Луг было уместно, а Кашенкин Луг при всей его схожести с Бежиным и Паниным — образование совершенно неправомерное.

В том же 1922 г. появилась существующая до сих пор улица Веткина, названная так по железнодорожной ветке. Понятно, что в одном ряду с названиями улиц Губкина, Забелина, Чаплыгина, Щепкина и другими, образованными от фамилий на *-ин*, улица Веткина выглядит как производная от фамилии Веткин.

Из приведенных примеров видно, насколько обманчивой может быть форма названий улиц и как необходимо при историко-географических реконструкциях учитывать все обстоятельства, касающиеся их возникновения.

В. С. Кусов

ТОПОНИМИЯ МОСКВЫ НА РУССКИХ ЧЕРТЕЖАХ XVII века

Среди картографических произведений разных эпох наибольшую топонимическую информацию несут русские географические чертежи — памятники отечественной картографии второй половины XVII в. Не стесненные жесткими требованиями инструкций, масштабом, координатной сеткой, эти графические документы отличаются особо внимательным отношением к топонимам. Географическое имя, старое и новое, официальное и бытующее, иногда приводится не просто как название, а как небольшой топонимический рассказ: «Пустошь Левушино на реке на Яхроме, а по крестьянскому прозванию Алешино тож» (ЦГАДА, ф. 1209, столбцы, Дмитров, 74/38 838, л. 319); «Пустошь Злобино монастырская, против челобитья Якова Лобанова-Ростовского, крестьяне называют Кудрявцовым» (ЦГАДА, ф. 1209, столбцы, Торжок, 324/27 030, л. 137); есть примеры «каллиграфически развернутого» названия дороги: «От Торжку города дорога Старицкая Большая летняя» (ЦГАДА, ф. 1209, столбцы, Торжок, 588/27 217, л. 20); иногда топоним приводится с его этимологией: «Отсель потекла река Брусовка для того, что емлют на ней брусье каменное, таж река зовется Смердью оттого, что приняла в себя озеро Смердье» (ЦГАДА, ф. 192, оп. 1, Архангельская губ., № 31).

Это правило развернутого приведения исстари существовало в отечественной практике географического описания земель. В документах писцовых описаний мы наблюдаем ту же пунктуальность: «Селище Брод, а при писцех была деревня Брод» (Торопецкая писцовая книга, 1540 г.).

К настоящему времени выявлено 931 чертеж, не считая работ С. У. Ремезова и его школы. Из этого количества около 100 — «крупномасштабные» чертежи застроенных территорий, инвентаризации городских дворов и территорий.

Отметим некоторые особенности приведения топонимов на русских географических чертежах при изображении населенных пунктов. Всего на 931 чертеже при обозначении 9,2 тыс. объектов с помощью топонимов использовано 7,0 тыс. лексических форм. Топонимами обозначаются 162 топографические номенклатуры, вероятность появления которых на чертежах различна. В таблице 1 приведен перечень топографических номенклатур на застроенные объекты, относительные частоты их вычислены по всей выборке чертежей.

Из 162 топографических номенклатур на долю застроенных территорий приходится 31 позиция (19,12%), реальных же объектов этой категории — 10,00% (сумма их относительных частот). Ощутимое неравенство двух параметров (19,12% и 10,00%)

Таблица 1

Топографические номенклатуры застроенных территорий и их относительные частоты (в %)

город	3,26	собор	0,12	подворье	0,02
град	0,04	храм	0,03	улица	0,16
городок	0,08	двор	0,09	переулок	0,03
городище	0,06	сад	0,03	площадь	0,03
посад	0,06	мост	0,06	ряд	0,06
слобода	0,78	башня	0,53	вал	0,05
слободка	0,25	ворота	0,55	ров	0,02
острог	0,18	круглик	0,01	ровец	0,02
острожек	0,03	кладбище	0,01	решотки	0,02
монастырь	2,38	роскат	0,05	фортка	0,01
церковь	1,00				

объясняется меньшей долей чертежей на застроенные территории внутри всей коллекции сохранившихся памятников отечественной картографии XVI—XVII вв.

Строгость и тщательность приведения топонимов дополнительно подчеркивает факт топонимических перекрытий — многократное повторение одного и того же объекта-топонима на разных картографических изображениях. Так выборка из 931 чертежа, располагающая значительным числом изображений на одну и ту же территорию (иногда до 7-кратных перекрытий), позволила выявить многократные приведения одних и тех же топонимов. Если бы написание этих топонимов на разных чертежах было абсолютно одинаковым, то можно было бы говорить об абсолютной строгости приведения топонимов. В действительности наблюдается неустойчивость, вариантность, в написании многих топонимов. На 1300 топонимических перекрытий насчитывается 216 вариаций — отличий, т. е. 17% одинаковых названий пишутся по-разному. Эта вариантность существенно меняется по видам топографических номенклатур. На географических чертежах второй половины XVII в. наиболее стабильно приводятся топонимы, обозначающие города, внутригородские объекты и единицы административного деления.

Столица Русского государства Москва (в пределах современного Садового кольца) располагает 68 чертежами второй половины XVII в., в основном 1665—1675 гг. Эти чертежи анонимны, выполнены на бумаге западноевропейского производства, наиболее часто встречается филигрань «голова шута», основной размер 32×41 см. С некоторым приближением чертежи могут быть охарактеризованы масштабным рядом в диапазоне 1 : 100—1 : 900. Ряд чертежей составлен с перекрытиями и на одну и ту же территорию города. Наибольшим вниманием московских картографов 70-х годов XVII в. пользовался район Старого Ваганькова — Смоленской улицы (ныне ул. Маркса — Энгельса — просп. Калинина) — до 6-кратных перекрытий. В результате пе-

рекрытий и значительной крупномасштабности более шести десятков чертежей покрывают лишь 13% площади Москвы в границах Земляного города.

Все сохранившиеся чертежи находятся на хранении в ЦГАДА (фонды 27 и 210) и неоднократно привлекали внимание исследователей. К сожалению, практически все авторы начиная с 1861 г., когда академик В. И. Ламанский впервые воспроизвел 19 чертежей (Ламанский, 1861), ограничиваются лишь очередным воспроизведением графического изображения, не прибегая к какому-либо анализу их содержания. Исключением являются работы историка С. А. Белокурова (Белокуров, 1898) и архитектора А. А. Тица (Тиц, 1978).

Топонимическое содержание чертежей пока не исследовалось; эта важная сторона наших древнейших картографических памятников не отмечена вниманием ни географов, ни историков. Наглядный тому пример — архивная пагинация древнерусских чертежей на Москву, появление в их названиях топонимов Моховая, Москворецкая и других, время рождения которых произошло на век-полтора позже. Например, документ, хранящийся в ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 4, № 56, назван: «План местности от Кремлевской стены у Спасских ворот к Москворецкой улице». Однако топонима Москворецкая улица на данном чертеже нет, да и в XVII веке его еще не существовало. Или зачем вводить название «План двора у Неглинных ворот» с надписью «Чертеж государеву Отдаточному двору» (ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 38), не проще ли и яснее оставить оригинальное название «Чертеж государеву Отдаточному двору»? Вместо термина «план» при описании рассматриваемых документов XVII столетия должен употребляться термин «чертеж», архивная пагинация чертежей ЦГАДА должна быть исправлена. Приведем перечень сохранившихся и воспроизведенных чертежей Москвы XVII в. с предлагаемой и архивной (в скобках) пагинацией; для каждого чертежа указано место хранения и число топонимов.

1. Чертеж части Кремля от Житного двора до Крутицкого подворья (План местности в Кремле около здания Приказов). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 4, № 20. 9 топонимов.

2. Чертеж Приказов в Кремле (План здания Приказов в Кремле). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 2, № 5. 2 топонима.

3. Чертеж местности от Спасских ворот до ворот Рыбного ряда (План местности около Кремлевской стены вокруг Лобного места). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 4, № 57. 1 топоним.

4. Чертеж патриарших и царицыных палат (Ситуационный план палат). Место хранения оригинала неизвестно. 3 топонима.

5. Чертеж местности у Кремлевской стены с церковью Николы (План местности между Моховой улицей и Кремлевской стеной). Место хранения оригинала неизвестно. 1 топоним.

6. Чертеж Житного двора (План внутренности «Лыкова» (Житного) двора). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 44. 1 топоним.

7. Чертеж государеву Отдаточному двору (План двора у Неглинных ворот с надписью «Чертеж государеву Отдаточному двору»). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 38. 2 топонима.

8. Чертеж Симоновского подворья в Кремле (План местности, заключающейся между улицей «подле Троицкого подворья» и улицей, «идущей от Николаевских ворот»). Место хранения неизвестно. 3 топонима.

9. Чертеж дворов в Кремле у Никольских ворот (План местности в Кремле около Никольских ворот). Место хранения неизвестно. 2 топонима.

10. Чертеж дворов в Кремле от Никольских ворот до подворья Симонова монастыря (Дворы у Никольских ворот в Кремле между двумя улицами). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 16. 4 топонима.

11. Чертеж дворов с Никицким монастырем (План Никитской улицы от начала решетки до двора Артемия Блохина). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 1. 1 топоним.

12. Чертеж дворов по реке Неглинне у Оптекарского сада (План местности между Кремлевской стеной, Троицкими воротами, большой улицей к Знаменке и Аптекарским садом). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 54. 3 топонима.

13. Чертеж дворов от Спасских ворот до Китайской городовой стены (План местности от Спасских ворот до Москвы-реки). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 14. 7 топонимов.

14. Чертеж дворов от Москворецких ворот до стены Кремля города (План местности по двум сторонам церквей Николая Чудотворца и Всемилостивого Спаса до Москворецких ворот). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 32. 5 топонимов.

15. Повторение чертежа № 14. ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 21.

16. Чертеж местности у Кремлевской стены, где прежде была таможня (План местности от Кремлевской стены у Спасских ворот к Москворецкой улице). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 4, № 56. 5 топонимов.

17. Чертеж дворов по улице от Москворецких ворот к Зачатью (План улицы «от Москворецких ворот к Зачатью» и прилегающих к ней переулков). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 2, № 4. 11 топонимов.

18. Чертеж двору, что бывал окольничего И. А. Гавренева (План двора по улице «от Москворецких ворот к Зачатью» с надписью «Чертеж двору, что бывал окольничего Ивана Афанасьевича Гавренева»). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 30. 3 топонима.

19. Чертеж двора И. А. Гавренева (План двора Ивана Афанасьевича Гавренева около церкви Николая Мокрого «на улице от Москворецких ворот к Зачатью»). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 36. 1 топоним.

20. Чертеж дворов по Знаменской улице. ЦГАДА, ф. 27, № 327, л. 15. 1 топоним.

21. Чертеж дворов по улице от Спасских до Ильинских ворот (Чертеж зданий по Ильинке и Маросейке). ЦГАДА, ф. 210. Московский стол, стлб. 482, л. 24—25. 16 топонимов.

22. Повторение части чертежа № 21. ЦГАДА, ф. 210, Московский стол, стлб. 482, л. 7.

23. Повторение части чертежа № 21. ЦГАДА, ф. 210, Московский стол, стлб. 482, л. 8.

24. Чертеж устья Яузы. ЦГАДА, ф. 210, Белгородский стол, стлб. 1722, л. 240. 2 топонима.

25. Чертеж двора дьяка Ефима Юрьева («Чертеж дьяка Ефимову двору Юрьева» в переулке против царских конюшен). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 4, № 55. 1 топоним.

26. Чертеж дворов по Варварской улице (План местности «вокруг тюремного места» между церковью Георгия и городской стеной). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 4, № 49. 7 топонимов.

27. Чертеж тюремного места у Варварских ворот (План тюремного места в Зарядье). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 12. 3 топонима.

28. Повторение чертежа № 27. ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1. № 13.

29. Чертеж двора с анбарами на Никольской улице (План двора на Никольской улице вдоль городовой стены). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 10. 2 топонима.

30. Чертеж дворов по переулку, что словет Шуйской (План расположения дворов по переулку, что словет Шуйский). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 28. 6 топонимов.

31. Чертеж Оптекарского двора (План части Смоленской улицы и переулка, «что словет Шуйской», с подписью «Чертеж Аптекарского двора»). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 17. 6 топонимов.

32. Чертеж дворов по Шуйскому переулку (План расположения дворов на углу Смоленской улицы и Шуйского переулка к Благовещению). ЦГАДА, ф. 27 д. 484, ч. 4, № 44. 4 топонима.

33. Чертеж двора В. И. Стрешнева на Смоленской улице (План двора В. И. Стрешнева на углу Смоленской улицы и Шуйского переулка). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 4, № 4. 1 топоним.

34. Чертеж двора боярина В. И. Стрешнева на Смоленской улице (План двора боярина В. И. Стрешнева на углу Смоленской и улицы, «что от каменных богаделен»). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 4. 1 топоним.

35. Чертеж дворов по Смоленской улице у Воздвиженского монастыря (План Смоленской улицы и переулков). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 24. 3 топонима.

36. Чертеж Оптекарского двора и сада (План местности в углу между Неглинной и Смоленской улицами около старого Аптекарского двора). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 23. 4 топонима.

37. Повторение чертежа № 36. ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 42.

38. Чертеж дворов по реке Неглинне у Оптекарского сада (План местности между рекой Неглинкой, старым Аптекарским двором и кладбищем). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 40. 4 топонима.

39. Повторение чертежа № 38. ЦГАДА, ф. 27, № 296, л. 18.

40. Чертеж двора епископа Мефодия (План двора епископа Мефодия в Шуйском переулке). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 4, № 45. 1 топоним.

41. Чертеж нового Оптекарского двора (План нового Аптекарского двора). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 4, № 46. 2 топонима.

42. Чертеж нового Оптекарского двора на Смоленской улице (План двора с надписью «Чертеж нового Оптекарского двора» на углу Смоленской улицы и Шуйского переулка). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 26. 2 топонима.

43. Повторение части чертежа № 30. ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 6.

44. Чертеж палат нового Оптекарского двора (Вид нового Аптекарского двора на углу Смоленской улицы и Шуйского переулка). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 37. 3 топонима.

45. Чертеж двора на Смоленской улице (План дворов И. Ф. Стрешнева и певчих новгородцев на Смоленской улице). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 5. 1 топоним.

46. Чертеж дворов по переулку от Смоленской улицы (План части Смоленской улицы и переулков на Никитскую улицу). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 4, № 41. 1 топоним.

47. Чертеж дворов между Смоленской и Никицкой улицами (План расположения дворов между улицами Никитской, Смоленской, Кисловской и «проезжей улицы от Смоленской улицы к Никицкой»). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 46. 4 топонима.

48. Чертеж дворов у Никицкого монастыря (План части Никитской улицы и отходящего от нее переулка). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 4, № 42. 2 топонима.

49. Чертеж дворов по Смоленской улице и трем переулкам (План расположения дворов с правой стороны Смоленской улицы и по переулку). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 39. 1 топоним.

50. Чертеж дворов по переулку, отходящему от Смоленской улицы (План расположения дворов по левой стороне переулка, отходящего от Смоленской улицы). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 27. 1 топоним.

51. Чертеж двора, что бывал окольничего Ф. М. Ртищева (План дворов на углу Знаменской улицы и улицы к Пречистенским воротам с надписью «Двор, что бывал окольничего Федора Михайловича Ртищева»). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 25. 2 топонима.

52. Чертеж местности около Остожного двора (План местности за Пречистенскими воротами около Остожного двора). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 22. 1 топоним.

53. Чертеж загородного двора В. И. Стрешнева около Остожного двора (План двора боярина Василия Ивановича Стрешнева около Остожного двора за Пречистенскими воротами). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 20. 1 топоним.

54. Чертеж дворов у Пречистенских ворот с Алексеевским монастырем (План местности между Пречистенскими воротами, царской конюшней и Алексеевским монастырем). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 18. 5 топонимов.

55. Чертеж дворов у Пречистенских ворот (План Пречистенской улицы от Пречистенских ворот до конюшен). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 8. 4 топонима.

56. Чертеж дворов у слободы Малые Лужники (План местности между «улицей большой к Калужским воротам» и «слободой конюшенной Малыми Лужниками»). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 4, № 48. 5 топонимов.

57. Чертеж дворов у церкви Григория Неокесарийского (План расположения строений по Козмодемиановской улице и дороге к Серпуховским воротам). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 15. 3 топонима.

58. Чертеж двора, что бывал Ивана Новгородца на Поварской улице (План двора, «что бывал Ивана Новгородца на углу Поварской и Мамстрюковой улиц»). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 19. 2 топонима.

59. Чертеж дворов на Тверской улице с Воскресенским монастырем (План Воскресенского монастыря на Тверской улице и смежных с ним дворов). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 4, № 50. 5 топонимов.

60. Чертеж Воскресенского монастыря и подворья Саввина монастыря (План Воскресенского монастыря и подворья Саввина монастыря). ЦГАДА, ф. 27, д. 484, ч. 1, № 29. 2 топонима.

61. Чертеж луга и дворов по Москве-реке (Один несклеенный план разным дворам вдоль Москвы-реки). ЦГАДА, ф. 192, оп. 1, Московская губ., № 15. 1 топоним.

62. Чертеж дворов между рекой Неглинной и Рожественской улицей (Ситуационный план Пушечного двора с линейными анбарами и приказом). Место хранения неизвестно. 6 топонимов.

Архивная пагинация чертежей, места хранения которых неизвестны, дана по работам В. И. Ламанского и С. А. Белокурова (Ламанский, 1861; Белокуров, 1898). Отсутствие названия в скобках означает, что данный чертеж хранится в архиве без названия. Предлагаемое название включает топоним, если он встречается на данном чертеже. Орфография топонима в точности соответствует оригиналу XVII века: «Неглинна», а не «Неглинка», «Оптекарский», а не «Аптекарский» и т. д.

Выявленные чертежи, среди которых 55 оригинальных и 7 повторных, содержат 180 надписей топонимов; их число на отдельных чертежах колеблется от 1 до 16. В ЦГАДА хранится несколько чертежей XVII в. без топонимов. Сто восемьдесят надписей идентифицируют 109 объектов различной номенклатуры: улицы, переулки, ворота, церкви, монастыри, мосты, башни и т. п. П. Н. Миллер и П. В. Сытин в 1938 г. указывали (Миллер, Сытин, 1938), что планы Москвы XVII в. ни на самом чертеже, ни в экспликации почти не имеют уличных названий. Это верно по отношению к картографическим изображениям Москвы иностранного происхождения. Чертежи же XVII в. отечественного производства достаточно насыщены топонимами улиц и пе-

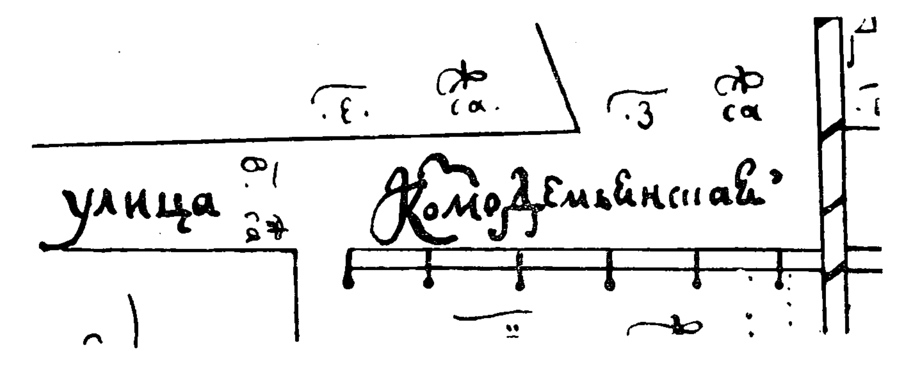

Рис. 3. «Улица Козьмодемьянская» (фрагмент чертежа № 57)

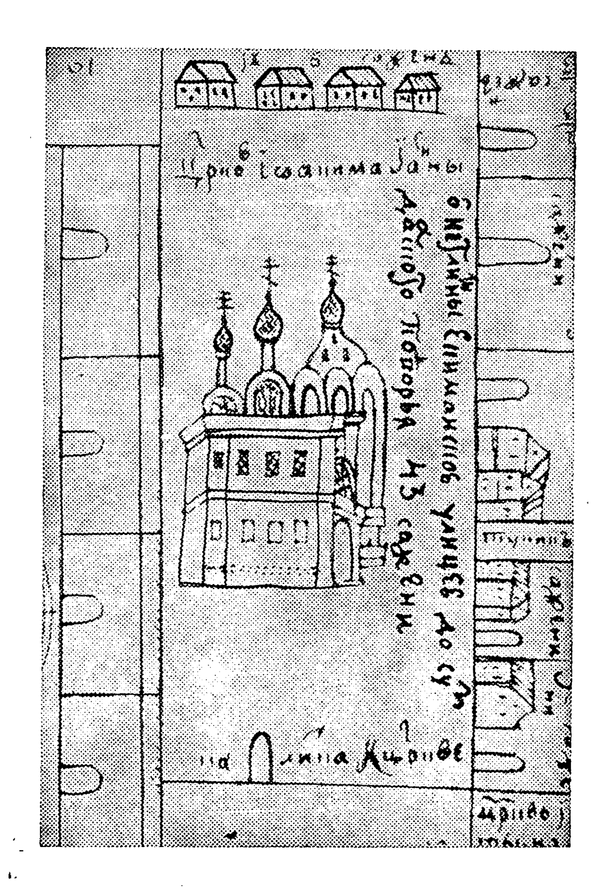

Рис. 4. «От Неглинны Екиманскою улицею до Суздальского подворья 43 сажени» (фрагмент чертежа № 62)

реулков, их написание, как правило, выполнено весьма каллиграфично.

При сборе топонимов особенным преимуществом обладают именно картографические документы. В отличие от прочих письменных источников они позволяют получать не только их перечни, но также и ряд дополнительных параметров, в том числе относительную частоту появления топонимов той или иной номенклатуры на единицу площади. Наличие такого рода данных дает возможность оценочного прогнозирования общего числа топонимов-объектов на всю территорию города и без стопроцентного покрытия его площади картографическими материалами. Таким образом, зная число улиц и переулков на рассматриваемых чертежах, покрывающих 13% территории города, мы можем вычислить их общее количество в Москве второй половины XVII столетия. В таблице 2 приведен такого рода расчет для четырех номенклатур.

Таблица 2

Номенклатура топонимов	Число объектов-топонимов	
	на чертежах (13%)	весь город (100%)
Улица	14	109
Переулок	4	31
Монастырь	3	23
Церковь	29	226

Надежность предложенной оценки гарантирует хороший контроль по совпадению числа прогнозируемых монастырей и церквей. Эти объекты Москвы XVII в. наиболее известны. В работе И. Мичурина (Мичурин, 1735) их соответственно 19 и 219, в работе А. В. Чаянова (Чаянов, 1920) их 18 и 222, расхождение с прогнозируемыми данными (23 и 226), как видим, совсем невелико.

Отметим также, что чертежи Москвы XVII в. пока недостаточно используются и при восстановлении топографии средневековой Москвы. На сегодня наиболее подробной исторической картой Москвы XVII в. является карта С. К. Богоявленского и

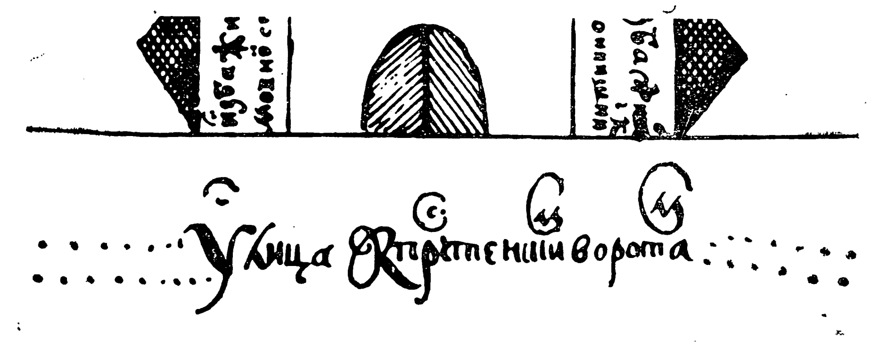

Рис. 5. «Улица к Пречистенским воротам» (фрагмент чертежа № 53)

И. А. Голубцова, опубликованная в 1952 г. как приложение к фундаментальной «Истории Москвы» (История, 1952). Работа 1952 г. содержит исчерпывающие данные о монастырях (их 19), слободах (44), однако сведения об улицах (43) и переулках (12) должны быть уточнены и расширены ниже. Приводим их полный перечень; топонимы с чертежей набраны разрядкой, а топонимы, добавленные из опубликованных материалов переписных книг (Переписные, 1886; Переписи, 1896), отмечены значком *.

Улицы и переулки Москвы XVII века

Улицы

Арбат, Арбатская *
Банная *
Благовещенская *
Болвановка
Большая Якиманка
В а р в а р с к а я
Винокурова *
Власьевская *
Воскресенская *
Вознесенская *
Дмитровка, Дмитровская
Долгушина
Евпловка
Екиманская
Знаменка, Знаменская
Иконная
Ильинская
Ипатская

Петровка
Покровка, Покровская
Посольская
Пречистенская
Притыкина *
Пятницкая
Рожественая, Рождественская
Сергеевская *
Серпуховская

К и с л о в к а, Кисловская
К о з ь м о д е м ь я н о в с к а я
Колачная *
Конюшенная
Кормовая *
К у з н е ц к а я
Кулижки
Малая Якиманка
М а м с т р ю к о в а
Мясницкая
Н и к и ц к а я
Н и к о л ь с к а я
Новая
Ордынка, Ордынская *
Остоженка
Панкратьевская *
Певчая

Переулки

Алексеевской
Артемонов
Богоявленский
Введенский, Веденской *
Вознесенский *
Воскресенский
Зачатейский
Златоустов *
Иконный *
Скатерная
Спасская
Спиридоньевская *
Столовая *
Сторожевая, Сторожевская *
Стретенская, Сретенка

Таганная
Тверская
Трубникова *
Узкая *
Фроловка
Хлебная, Хлебенная *
Хохловка *
Царицына *
Чекенева *

Чертольская
Чудовка *
Яковлевская *

Яузская
Ильинский
Кабацкой *
Калашный
Квасной
Кисельный *
Колпачный
Коровий *, Коровин *
Кузнецкий *
Козьмодемьянский *
Молошный *
Никольский *
Оптекарский
Поповский *
Рождественский
Сергеевский *
Серпуховский *
Трехсвятский *
Тупой *
Хархорин *
Шуйской
Яковлевский

Итак, мы располагаем названиями 64 улиц и 30 переулков Москвы второй половины XVII столетия. По сравнению с прогнозируемыми величинами (109 улиц и 31 переулок) названия переулков практически все выявлены, ждут своего окончательного выявления лишь названия улиц. Эта задача несколько усложняется не только отсутствием полного картографического материала или письменных источников, но и «неустоявшимся» харак-

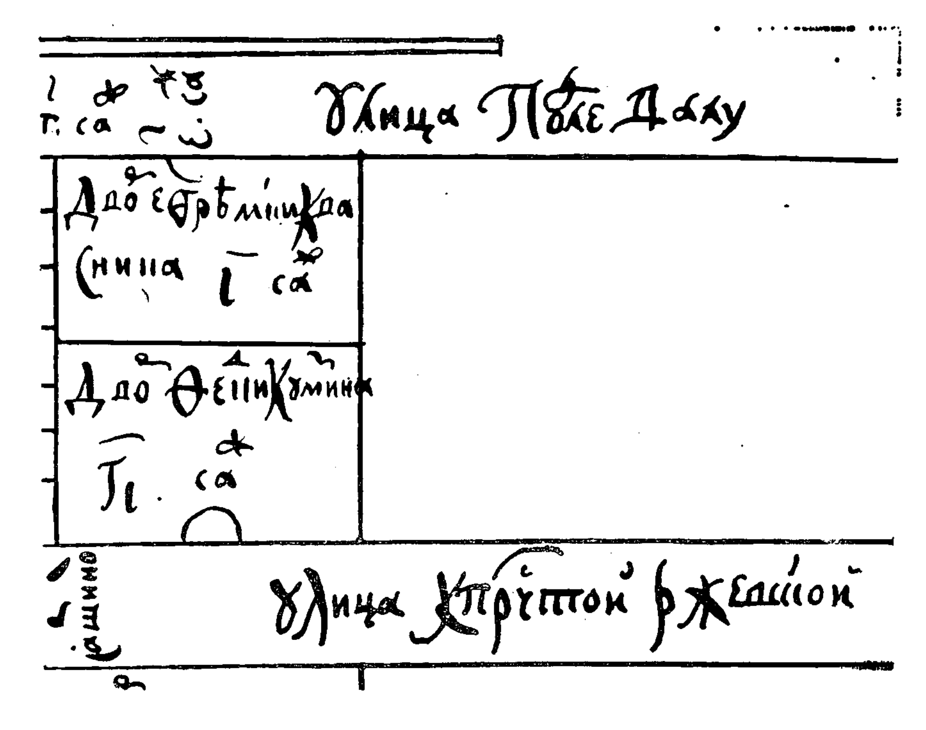

Рис. 6. «Улица подле вала...» (фрагмент чертежа № 54)

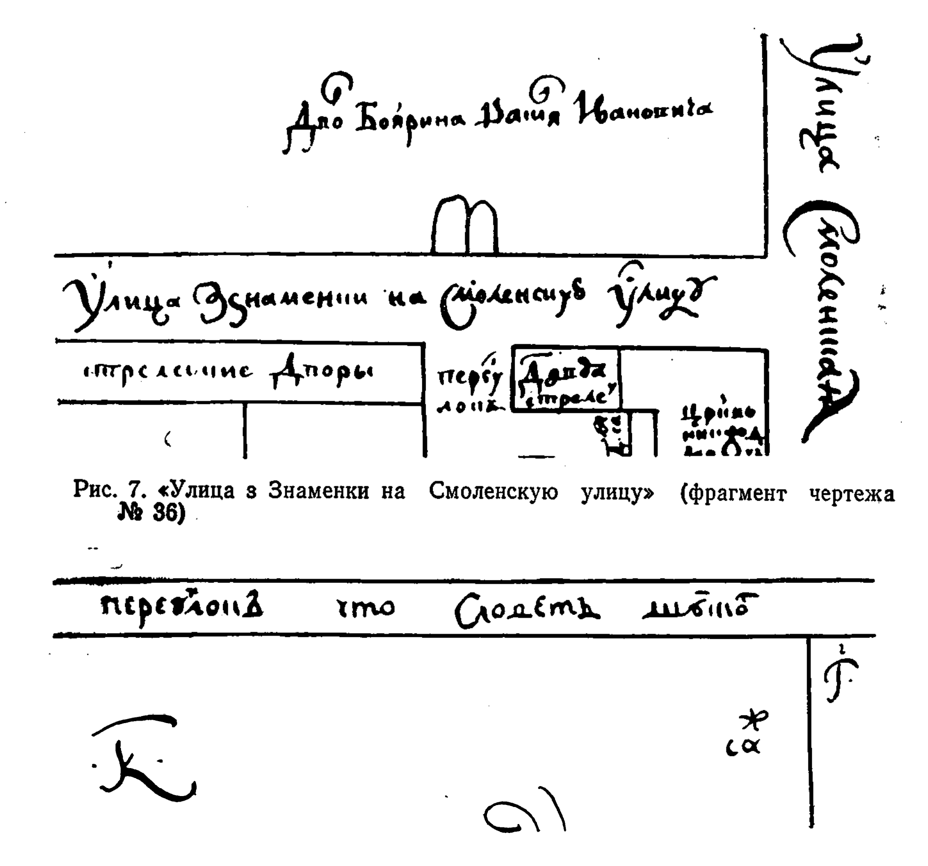

Рис. 7. «Улица з Знаменки на Смоленскую улицу» (фрагмент чертежа № 36)

Рис. 8. «Переулок, что словет Шуйской» (фрагмент чертежа № 30)

тером самих топонимов, что выразительно подчеркнуто чертежами XVII в. Вполне сформировавшиеся в градостроительном отношении, эти улицы присутствуют на чертежах, можно сказать, в виде «полутопонимов», приводится лишь указание на направление: «улица к Пречистенским воротам», «улица подле вала», «улица к Николе Турыгину», «улица Знаменки на Смоленскую», «переулок, что словет Шуйской». Число «полутопонимов» достаточно велико: около 90 улиц и 40 переулков.

Таким образом, историческая карта Москвы второй половины XVII в. должна содержать около 700 топонимов: 200 улиц, 70 переулков, 220 церквей, 45 слобод, 45 ворот, 20 монастырей и т. д. Необходимость полного выявления старых топонимов уже ставилась (Поспелов, 1979). Эта задача весьма трудоемка, но решать ее необходимо: мы должны восстановить и сохранить топонимию Москвы как неотъемлемую часть истории культуры великого города.

Е. Б. Мельников, А. В. Постников

СТАРИННЫЕ ПЛАНЫ МОСКВЫ И ИХ ТОПОНИМИЯ

Старинные карты и планы служат ценнейшими источниками для историко-географических, и в частности топонимических, исследований. По разным причинам многие гидрографические и орографические наименования навсегда ушли в прошлое, и найти их мы можем, только привлекая различные исторические документы, и среди них — старинные карты и планы. Как топонимические источники карты уже давно широко изучались и использовались. Из современных работ на эту тему известны публикации Поспелова, Смолицкой, Горбаневского и др.

В предлагаемой работе географические названия на планах Москвы рассмотрены в связи с историей картографирования территории города, начиная с наиболее ранних картографических изображений столицы Московии и до начала XX в. Исследованы картографические материалы, хранящиеся в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР, Центральном государственном архиве древних актов, Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, Государственном Историческом музее, Музее истории и реконструкции Москвы.

Картографирование поселений наряду с картографированием порубежных территорий — одно из самых древних традиционных направлений древнерусской картографии. Древнерусских чертежей Москвы, однако, не сохранилось; первые ее планы, ориентированные по странам света, встречаются только в иностранных работах. Самое раннее из проектных картографических изображений города—это план из записок Герберштейна, составленный в начале XVI столетия. Рисунок, вычерченный, вероятно, по памяти, конечно, очень неточен и может быть принят за изображение Москвы только благодаря имеющейся на нем пояснительной надписи. Герберштейн наверняка видел какой-то из русских чертежей Москвы, но скопировать его не имел возможности, в частности, и потому, что русское правительство хорошо понимало военно-стратегическое значение картографических материалов. Изображение Москвы на этом плане совершенно не совпадает с данными других исторических свидетельств XVI в. и более поздних планов. Правда, в атласе всех городов мира Георга Брауна «Civitates Orbis Terrarum» 1572 г. издания имеется план, похожий на план Герберштейна. Сопроводительный текст на обороте гравюры «Московия» почти совпадает с «Комментариями» Герберштейна, на которые, кстати, ссылается и сам автор.

Только в самом начале XVII в. появляются картографические изображения Москвы, которые могут быть названы планами. Это Приложения к «сказаниям» Массы и Геркмана о Смутном времени (план сделан в Москве в 1606 г. и изображает все части

города — Кремль, Китай-город с Белым и Земляным городом, но, к сожалению, в очень мелком масштабе, что делает его использование затруднительным); планы Брауна (по 1618 г.); Меркатора (1619 г.); так называемый Петров чертеж и др. К этому же времени следует отнести и план Москвы, рисованный Федором Борисовичем Годуновым (сыном царя Бориса Годунова). Этот план стоит значительно выше предыдущих по достоверности и изображает все части Москвы до Земляного вала. План в России не сохранился и известен по заграничным изданиям. Одно из наиболее ранних изданий относится приблизительно к 1610 г., когда он был напечатан на двух листах с посвящением польскому королю Сигизмунду. Вероятно, съемка Москвы была произведена по распоряжению русского правительства при Борисе Годунове.

Все эти планы составлены очень несовершенно, без соблюдения масштаба, но тем не менее создавались они, по-видимому, на основании непосредственных наблюдений на местности (в отличие от плана Герберштейна).

Сходство всех планов между собой (общность ошибок) говорит о том, что это, возможно, копии одного оригинала. П. И. Гольденберг утверждает, что многочисленные планы, иллюстрировавшие книги о посольствах в Москву, являются лишь копией, переработкой или искажением «погибшего» в смутное время польско-шведской интервенции русского чертежа Москвы, составленного на рубеже XVII в. русскими мастерами. «Петров чертеж» Москвы, обнаруженный в 1837 г. в кабинете Петра I, является прототипом всех остальных. На «Петровом чертеже» имеется заголовок: «Црствающои град москва началной городъ всех москвски* гдрства*». Ошибки в написании допущены, вероятно, гравером-иностранцем. На плане даны кириллицей названия крепостных ворот, «чертолски», «орбацки», «осретенски», «покровски», «явуски», «серьпуховская», «калуская». На чертеже Кремленаграда, дополняющем «Петров чертеж», дано его название по-латыни и по-русски, названия рек — Москва-река и Неглинна-река. «Петров чертеж», как и все древние чертежи, — это панорамный план, изображающий Москву в полуперспективе.

Составление древнерусских чертежей производилось только по результатам измерений расстояний (бечевой), без угловых измерений.

В планах Москвы XVII в. улицы нанесены без названий. В переписях того времени улицы часто имели незакрепленные названия, а переулки почти всегда оставались без названий (П. Н. Миллер, П. В. Сытин, 1938, с. 5). Причина тому — частые пожары и наводнения. Эти бедствия были основными стимуляторами картографирования города. Планы составлялись для выяснения ущерба, нанесенного пожарами и наводнениями, в целях обновления города, упорядочения территории.

С конца 30-х годов XVII в. начинают появляться хотя и составленные на основании одних лишь линейных измерений, но более близкие к действительности планы. Эти планы встречаются в сочинениях Олеария, Майерберга и др. Их сходство и повторяющиеся ошибки дают возможность предположить, что в это время снова производилось картографирование Москвы и что эти работы выполнялись по распоряжению русского правительства. В 1626 г. вышел указ царя Михаила Федоровича, которым повелено было окольничему князю Волконскому и дьяку Василию Волкову в Кремле и Китай-городе «перемерить и описать большие улицы и переулки в государеву указную сажень и учинити для береженья от пожаров впредь по тому ж, как было блаженныя памяти при государе Федоре Ивановиче» (Вступление..., 1885, с. 3). Здесь впервые имеется указание на методику работы, которая ограничивалась линейными измерениями, а результаты выражались в стандартной мере — государевой указной сажени.

С начала XVIII в. начались петровские преобразования, в процессе которых русская картография начала развиваться на новых, научных основах. С этого времени для составления карт используются географические координаты, определенные с помощью астрономических измерений. Указом от 1721 г. предписывалось «сочинять» карты с измерением углов астролябией, а линий — мерной цепью. Это распространялось и на картографирование территорий городов.

В 1731 г. был издан указ: «Понеже Москве аккуратного плана не имеется и домы строятся непорядочно, того ради указали... всей Москве, большим и малым улицам, сделать аккуратно план» (Вступление..., 1885, с. 3). По этому указу с 1731 г. начаты съемочные работы на основе астролябических ходов, и в 1739 г. «под смотрением» архитектора Ивана Мичурина был составлен первый геодезический план города в масштабе 250 саженей в дюйме (1 : 21 000). На плане изображена Москва в пределах Камер-Коллежского вала и на северо-восток от его пределов. Приложенное «изъяснение» содержит список названий соборных церквей, домов, монастырей, подворий, приходских церквей и прочих строений, отмеченных на самом плане цифрами. Названия всех наиболее важных, с точки зрения автора, объектов обозначены специальными условными знаками (знаками зодиака) совершенно бессистемно. Следует отметить, что обозначения названий условными знаками вообще довольно редкий случай в истории картографии. План интересен тем, что на нем показаны главные притоки Москвы-реки, еще не заключенные в подземные трубы, пруды, крепостные стены Белого города, Земляной вал, Камер-Коллежский вал. Применен широко используемый впоследствии способ обозначения улиц буквами французского алфавита. План Мичурина имеет большое значение для изучения истории Москвы: на его основании можно сделать вы-

воды о росте Москвы, изменении ее контуров, выделить районы наибольшего и наименьшего развития; план зафиксировал исторически сложившуюся планировку города. Число подписей на плане, однако, невелико.

В 1762 г. была создана комиссия «для устройства» Петербурга и Москвы. Она должны была «сочинить» план Москвы, «которая по древности строения своего поныне в надлежащий порядок не пришла» (Сытин, 1954, с. 8). Непосредственной причиной для переустройства был пожар, уничтоживший все дома Тверской улицы и за Яузой.

В 1765 г. в России начались съемки и картографирование в рамках генерального межевания. В процессе этих работ была произведена новая съемка Москвы. «Под смотрением» инженер-майора, директора Межевой канцелярии Горихвостова в 1767 г. составлен план на 12 листах, а в 1775 г. — «проектный план», по которому предполагалось устроить новые улицы и площади, вырыть водоотводный канал, разобрать ветхие стены Белого города и разбить бульвары. Этот план не нашел применения: стены Белого города были разобраны значительно позже, только в 1783 г., а проложение бульваров затянулось на длительное время.

В 1782 г. создается управа благочиния (или полицейская управа) и вводится деление города на «части» — полицейско-территориальные единицы, обозначаемые на планах цифрами.

В 1790 г. на основании данных генерального межевания был составлен план Москвы «в указанных границах с окружавшими ее дачами на четыре версты вокруг». К плану прикладывалось подробное описание с перечислением размеров и названий всех показанных на плане дач, а также их владельцев. По данным генерального межевания, на плане 1790 г. восстанавливается положение большей части городских и пригородных владений XVII в., благодаря чему он имеет большое значение как исторический документ.

На основании официальных межевых планов конца XVIII в. появляется целый ряд частных изданий, имевших коммерческое значение. Это планы 1789, 1796 гг. и т. д., изданные на средства московских купцов.

В 1805 г. частным издателем Куртнером был опубликован план Москвы с «Изъяснениями нового плана Москвы по сделанному масштабу: в английском дюйме 125 сажен, а ширины один аршин шесть вершков». Основой для него послужил «ветхий» план с неустановленной датой издания, относимый приблизительно к 1800 г. Частные издания всегда уступали по качеству содержания государственным работам, но план Куртнера несомненно внес в картографическое изучение Москвы новое. На нем увеличилось количество названий; части города и объекты внутри их подписаны с большой детальностью; даны названия

многих монастырей, подворий, казенных строений, улиц, всех мостов, ворот, застав.

После пожара 1812 г. для восстановления Москвы вновь потребовалось детальное картографирование ее территории. Для этого в 1813 г. была образована Комиссия строений Москвы с землемерным и архитектурным отделениями. Используя геодезическую основу 1731 г., комиссия создала «Атлас столичного города Москвы с показанием новых прожектов площадей, улиц, зданий после разорения французами», так называемый план Гесте, при составлении которого были использованы уцелевшие от пожара планы 1810 г. После детального рассмотрения «план Гесте» был отвергнут.

В 1817 г. комиссия составила новый план на основании «прожектированного плана Москвы 1775 года» (план подписан Челиевым). Этот план стал основой упорядочения и реконструкции московских улиц и площадей. На плане подписаны части города, впервые обозначены римскими цифрами кварталы. В легенде написано: «Цифры, подрезанные прямым письмом, означают монастыри, церкви и все здания, а косым — улицы и переулки». Приведены следующие названия: переулок Лебяжий, Ленивка (ул. Волхонка), Знаменка (ул. Фрунзе), Моховая (просп. Маркса), Крестовоздвиженская (ул. Горького), Моисеевская (пл. 50-летия Октября), пл. Охотного ряда (просп. Маркса), Б. Дмитровка (Пушкинская), Кузнецкий Мост, Театральная пл., Лубянская пл. (пл. Дзержинского), ул. Сретенка, М. Лубянка, Б. Лубянка, Покровка (ул. Чернышевского), Солянка, Варварская пл. (пл. Ногина), Кудринская (Баррикадная), Поварская (ул. Воровского), Б. Никитская (ул. Герцена), М. Никитская (ул. Качалова), Георгиевский пер., Гранатный пер. (ул. Щусева), площадь и церковь Трех Святителей (Лермонтовская), Мясницкая (ул. Кирова), проезд у Земляного вала (Садовая-Спасская ул.), Сенная (Лермонтовская пл.), проезд у Земляного вала (Садовая-Черногрязская ул.), Новая Бассманная.

Примерно в 1813 г. был составлен «Генеральный план столичного города Москвы с означением сгоревших домов под тушью, ныне существующих под пунктировкою» (масштаб: 100 сажен в дюйме). Названий на плане мало, да и те, за исключением застав, обозначаются цифрами. В легенде перечислено 20 частей города.

На изданном «с пополнением» плане 1824 г. названия даны параллельно на русском и французском языках. Отделения города подписаны заглавными буквами, а части — римскими цифрами. Кварталы, отсеченные буквой «z», обозначают незастроенные площади.

В том же году издан и «Новый план Москвы, начертанный Комиссией строений для «Путеводителя по Москве»» (М., типография Августа Семена). Надписей на карте нет, части города обозначены римскими цифрами, все остальные объекты — араб-

скими, объясненными в «Изъяснении топографическом и по порядку чисел Нового плана Москвы». «Изъяснения» составлены довольно небрежно, совершенно обычны расхождения в написании одних и тех же названий.

В 1825 г. вышел план с «показанием всех планов казенных и общественных зданий, улиц, переулков, рынков и площадей, с сокращенным обозрением сего города по части статистической, а равным образом с обозначением времени и места всех ежегодных крестных ходов и общественных гуляньев». На карте также приводятся данные о размерах Москвы и статистические сведения о количестве фабрик и заводов, будок, фонарей, торговых бань, трактиров и т. д.

В 1822 г. при Главном штабе русской армии образован корпус военных топографов, которому предписывалось проводить крупномасштабные съемки России для нужд военного ведомства. Офицерами штаба на основе геометрической сети была произведена мензульная съемка Москвы с применением алидадной линейки (кипрегель без трубы).

В 1830 г. был издан «План столичного города Москвы, доставленный от господина московского генерал-губернатора января 4-го дня 1830 года». После этого плана, основанного на материалах специальной съемки, за 10 лет вышло только несколько переизданий прежних планов.

В течение XIX в. было произведено несколько съемок Москвы. В 1841 г. издан «План столичного города Москвы» на двух листах (масштаб: 100 сажен в дюйме), основанный на тригонометрической съемке Ф. Ф. Шуберта. В этом же году П. В. Хавским издан «План столичного города Москвы, разделенный на пятидесятисаженные квадраты для «сочинения» топографического и исторического указателя Москвы». Эти планы были лучшими в первой половине XIX в. и послужили основой для планов более позднего времени.

В 1842 г. изданы первые специальные указания по составлению планов городов при съемках Менде. В соответствии с этим наставлением план должен был иметь «означенные на нем ситуационными знаками предметы. Каждый из этих предметов на плане должен быть означен особым номером по порядку полицейского разделения города на части. Предметы эти суть: 1) крепостные стены, башни, ворота, валы, бастионы и пр.; 2) все внутри крепости и городской черты находящиеся храмы, здания, площади, улицы, пристани, мосты, реки, ручьи, овраги, урочища, памятники, маяки, телеграфы и прочие; 3) кварталы, застроенные каменными и деревянными строениями, а также и вовсе не застроенные, должны быть покрыты те и другие разными красками [здания каменные — розовою, деревянные — оранжевою (сиена), незаселенные кварталы — тушью]; 4) означить различными красками границы частей полицейского разделения, а номера частей — римскими цифрами; 5) означить границы внут-

ренних дач, если есть такие; 6) смежные земли означить буквами латинской азбуки» (ЦГАДА, ф. 1357, оп. 3, № 11). Благодаря этим указаниям карты, изданные военным ведомством, унифицируются по содержанию и оформлению.

В 1843 г. закончилась работа Комиссии строений Москвы, которая в течение 30 лет руководила планировкой и застройкой города. За этот период значительно усовершенствовались топографические работы на территории города. С 1843 г. планировка и застройка Москвы были поручены комитету городского хозяйства.

В 1847 г. на основе плана П. В. Хавского (1841) был составлен «Указатель» под названием: «Семисотлетие Москвы (1147—1847), или Указатель ее топографии и истории за семь веков».

По распоряжению комитета в 1848 г. изготовлен план Москвы в масштабе 1 : 2100. В том же году М. Рудольф составил план всей Москвы в масштабе 300 сажен в дюйме. Этот план, так же как и план Хавского, разбит на сетку квадратов.

Одним из лучших планов первой половины XIX в. считается переизданный в 1851 г. план Шуберта 1841 г. в масштабе 150 сажен в дюйме. План охватывает не только территорию города, но и местности за Камер-Коллежским валом, детально передает как кварталы, так и очертания зданий.

В 1849—1852 гг. гражданскими инженерами-топографами министерства внутренних дел произведены измерения отдельных владений. Границы владений были нанесены на план 1848 г. Результатом съемок явился план на 165 планшетах в масштабе 25 саженей в дюйме, литографированный в 1868 г. С. Емчаниновым. Это один из самых подробных планов; на нем показаны специальными условными знаками «строения каменные и деревянные, жилые и нежилые дворы, сады — английские, фруктовые, «заросшие», садовые дорожки, огороды и пустые огородные места, церкви, луга, будки, аллеи, улицы мощеные и немощеные, шоссе, тротуары, речки, пруды, канавы, ямы, возвышенные места, кладбища, лиственные леса, кустарники, колодези» и пр. На каждом владении имеется городской номер, по которому в «указателе» к плану можно выяснить размеры владений и имена владельцев в 1851 и 1868 гг.

В 1851 г. составлен «План выгонных земель г. Москвы от Камер-Коллежского вала по 4-верстную черту от Земляного города». На плане подписаны номера участков. В 1852—1853 гг. издан «Атлас столичного города Москвы», составленный «по распоряжению г. московского обер-полицмейстера... генерал-майора Лужина П. Хотевым» на 63 листах (масштаб: 40 сажен в дюйме), состоящий из отдельных планов каждой части Москвы. К атласу прилагается алфавитный указатель. Планы атласа отличаются большой детальностью, обилием подписей. Подписаны почти все реки, пруды, ручьи. Пытаясь выяснить, кем был Хотев — составителем плана или чертежником, П. В. Сытин при-

ходит к выводу, что при составлении плана Хотев использовал съемку Москвы, сделанную Шубертом в 1841 г., и отчасти съемку, начатую в 1849 и 1850 гг. геодезистами министерства внутренних дел, так как план Хотева в отдельных частях — это чуть ли не копия плана Москвы 1849—1852 гг. (изданного в 1868 г.).

В 1853—1856 гг. составлен план регулирования застройки Москвы, разработанный третьим и четвертым округами путей сообщения и публичных зданий и утвержденный 2 апреля 1856 г., когда было начато составление нового плана регулярной застройки Москвы. Это «План столичного города Москвы, вновь снятый в 1859 г. и гравированный в 1862 г.», составленный в масштабе 150 сажен в дюйме. Части города подписаны римскими цифрами. Шрифты подписей на плане различаются только по высоте. Общественные и церковные здания покрыты штриховкой, казенные — сплошной черной краской. Объяснение дано на самом плане. Это единственный план, на котором показана и подписана школа межевых топографов. Неправильности в названиях улиц П. В. Сытин объясняет главным образом тем, что эти названия резали на литографском камне в Петербурге люди, не знакомые с топонимией Москвы. Москвичами эти ошибки, безусловно, допущены не были бы. По этому плану, как и по плану 1841 г., видно, что Москва вышла за пределы Камер-Коллежского вала — своей официальной границы.

План 1864 г., составленный Зуевым, по праву считается одним из самых живописно оформленных. На нем различными цветами четко указаны каждая полицейская часть города и застроенные кварталы. Количество надписей, правда, сведено к минимуму — это несколько обедняет его.

«План столичного города Москвы, составленный по последним данным инженером Травиным» не имеет даты, но, судя по тому, что на нем изображены конно-железные дороги, он был сделан в 70-х годах XIX в. Масштаб плана: в английском дюйме 250 сажен. Части города также подписаны римскими цифрами, здания и церкви — арабскими. На плане Москвы издания И. О. Иванова (1871 ?) (250 сажен в русском дюйме) Камер-Коллежский вал назван Заставным кольцом. На плане подписаны близлежащие деревни и села. Специальными условными знаками обозначены огороды, сады, луга. Подписей много, но единства в высоте шрифтов нет, например Дорогомиловское кладбище подписано крупнее, чем Даниловское, подписи гидрографии даны прямым шрифтом и наклонным курсивом.

В 1872 г. М. Рудольф составил «План столичного города Москвы и окрестностей с обозначением водопроводов, бассейнов и пожарных колодезей, соединяющих железных дорог». План, так же как и предыдущие, разделен на квадратные полуверсты для «узнания расстояния местностей».

До 1879 г. Москва не имела плана, по которому можно было бы судить о высотах различных точек города, иметь общее пред-

ставление о рельефе. Поэтому в 1874—1877 гг. студентами Межевого института под руководством преподавателей Н. Н. Смирнова и Д. П. Рашкова была произведена съемка и нивелировка города. Одновременно с планами в масштабах 25 и 50 саженей, с сечением рельефа горизонталями через 0,25 и 1 сажень, согласно инструкции министерства внутренних дел от 1870 г., составлялись профили на все проезды. В 1879 г. на средства Городской думы для «распространения в публике» был издан «Нивелирный план Москвы» в черте Камер-Коллежского вала в масштабе 100 саженей в дюйме с сечением рельефа через одну сажень. Геодезической плановой основой съемки служили пункты триангуляции, определенные во время съемки Шуберта. Высотные отметки пунктов триангуляции определялись относительно уровня Москвы-реки у Данилова монастыря, принятого за 0 («московский нуль»).

Поскольку территория Москвы непрерывно расширялась и в 1879 г. город значительно перерос границы 1872 г., новая черта стала проходить по пригородной территории и захватила населенные пункты, лежащие за Камер-Коллежским валом. Направленный на утверждение министра проект городской черты Москвы был возвращен в 1880 г. с указанием, что «план не отвечал своему назначению, так как в нем нет урегулирования местностей». Началась геодезическая съемка вновь присоединенных местностей.

В течение 1881 г. было опубликовано три плана Москвы, сильно различавшиеся как по оформлению, так и по содержанию. Первый план, датированный 5 мая, изображает город разбитым на сетку из 127 квадратов. Части Москвы не подписаны и не оцифрованы, но в приложении дается довольно детальное описание границ участков. Явным недостатком плана является несовпадение правописания названий с алфавитными списками.

Второй план — «Иллюстрированный новый план столичного города Москвы с достопримечательными зданиями Кремля, кремлевских и загородных знаменитых окрестностей ея. Масштаб Кремля и других частей г. Москвы различен. Рисовал чертежник Орловский». Этот план значительно интереснее предыдущего. Все названия подписаны, но это не перегружает его. Части города пронумерованы римскими цифрами и ниже подписаны. Это единственный план, на котором Камер-Коллежский вал подписан как «Вал кругом Москвы».

Третий — рельефный план, составленный по нивелирному плану 1879 г., в масштабе 150 саженей в дюйме по горизонтали и 50 саженей по вертикали. План наглядно передает холмистый рельеф Москвы.

Несмотря на свое многообещающее название, «Полный и подробный план города Москвы с указанием границ вновь учрежденных полицейских участков с планом Всероссийской выставки 1882 года» отличается особенной небрежностью испол-

нения. Надписи вычерчены настолько коряво, что порой их просто невозможно разобрать. План разделен на сетку неоцифрованных квадратов, масштаба нет. Фамилия составителя не указана.

План 1885 г. (1 : 16800) — копия плана 1790 г., исправленная по сохранившимся планам генерального межевания. На нем не показано положение улиц в центральной части, а обозначены только границы первоначального деления Москвы на Кремль, Китай, Белый и Земляной город. Штриховкой выделено очень приблизительно заселенное пространство, так как, по указанию автора, «по ветхости плана 1790 г. трудно было разобрать внутреннюю ситуацию его, а потому пришлось прибегнуть к другим планам того времени, которые значительно разнятся между собой» (Б. Н. Хавский).

Д. П. Рашков, участвовавший в 1874—1877 гг. в нивелировке Москвы, позже работал на съемке в целях урегулирования городских проездов, начатого в 1886 г. Московской думой. На заседании Думы, в докладе по этому вопросу, высказывалась необходимость выделения средств на составление чертежей на три центральные части: Городскую, Тверскую и Мясницкую. В докладе также говорилось о том, что городские проезды имеют недостаточную ширину и «правильность», но изменение плана, конфигурации улиц невозможно без составления проекта урегулирования всех городских проездов и утверждения этого проекта; что город нуждается в разграничении с уездом и установлении новой городской черты, выходящей за пределы Камер-Коллежского вала; что для разрешения этих вопросов необходимо составить, согласно инструкции 1870 г., план и представить его на утверждение. Городская управа предложила испросить разрешение на представление проектных планов для утверждения по частям.

В ходе работ были составлены планы отдельных частей Москвы; для всех основных проездов были установлены «красные линии»; выступавшие за них участки и строения приобретались в собственность города. Проектные «красные линии» переносились на планы полицейских частей, которые, отрегулированные таким образом, направлялись на «высочайшее» утверждение. Но когда наконец в 1901 г. был направлен семнадцатый участок, город снова перерос официальную черту. Частная собственность на землю и ограниченность средств Думы затрудняли претворение «планов урегулирования улиц» в жизнь. В результате этих мероприятий было получено около 2000 детальных планов улиц протяженностью 610 верст и 17 планов полицейских частей (Егоров, 1974, с. 64).

В процессе работ по урегулированию в 1893 г. нивелирные работы были продолжены группой межевых инженеров. Нивелирная сеть протяженностью 370 верст закреплялась на местности реперами.

Из планов, вышедших в 90-х годах XIX в., наиболее интересны: 1) план (1894 г.) в масштабе 300 сажен в дюйме с указателем названий улиц на обратной стороне листа. На нем впервые применен способ деления плана города на клетки различной величины с указанием сбоку букв, а сверху цифр; 2) план 1898 г., на котором уже показано деление города на судебно-мировые участки.

План 1901 г. интересен показом на нем новой городской черты, заметно отодвинувшейся от старой черты Камер-Коллежского вала.

Начало XX в. ознаменовалось работами по точному нивелированию под руководством профессора К. А. Цветкова по инструкции Корпуса военных топографов. Эти работы способствовали новому, более точному составлению плана и карт территории Москвы.

Мы решили ограничиться работами, производимыми в Москве по XIX в. включительно, так как планы и карты, изданные уже в XX в., и особенно после Октябрьской революции, заслуживают отдельного рассмотрения и их обзор не может уместиться в рамках данной статьи.

Анализируя изменения в названиях на старых планах Москвы, можно выявить несколько причин таких перемен. К первой группе мы отнесем изменения, связанные с историческим развитием русского языка в целом. На плане 1782 г. названия улиц довольно значительно отличаются от их написания в XIX в. Одним из примеров может служить изменение окончаний, например Красной пруд, Конюшенной пер., Ваганьковской пер. изменились на Красный пруд, Конюшенный пер., Ваганьковский пер. На плане 1739 г. написано Яусская часть, на плане 1813 г. уже Яуская, и с 1819 г. — Яузская часть; Москварецкая улица до 1870 г. писалась как Москворецкая. На плане 1872 г. Сущово пишется через букву «о», а на планах более позднего времени — через «ё». Гофшпитальный переулок начиная с плана 1848 г. стал писаться как Госпитальный.

Ко второй группе относятся изменения, связанные с искажением со временем. Например, Лефортовская улица названа Лафертовской, хотя, как известно, ее наименование происходит от имени учителя и сподвижника Петра I — Лефорта, дворец которого был расположен в этом районе. Здесь возможна связь с изменением со временем транскрипции немецкой фамилии. Неверная транскрипция повторяется на планах до 1824 г. На плане 1848 и 1849 гг. подписана Перова Роща, на плане 1859 г. — это уже Гоф-Интендантская Роща, на плане 1872 г. — опять Перова Роща, на плане 1881 г. (5 мая) — Анненгофская Роща и далее Перова Роща. Улица Арбат до 1881 г. писалась на планах Арбатской.

К третьей группе относятся разнообразные ошибки: а) архаизм содержания, т. е. в основу плана при его составлении по-

ложен устаревший источник; б) ошибки, внесенные при составлении и гравировании непосредственно исполнителями. Например, Міуская улица — такое написание улица приобрела только начиная с 1901 г. Название часто менялось в зависимости от использованного для составления источника: Міюсская — Міюская — Міюсовская — Міюзская — Міуская, столь разнообразным написанием не может «похвастаться» ни одно название улицы и гидросети Москвы. Здесь сочетается изменение названия со временем с грубыми ошибками составителей и использованием устаревших источников.

Дорогомиловская (Дрогомиловская) улица подписана на плане 1871 г.(?) как Дороголямская. И на этом же плане — Дорогомиловская застава. Улица Шаболовка на плане 1856 г. подписана как Шабиловка. На планах Хотева 1852—1853 гг. на одном листе написано Дорогомиловская застава, а на следующем листе — Драгомиловская застава. Это говорит как об использовании разных источников для составления различных карт атласа на одну и ту же часть, так и о возможной ошибке составителя.

На плане 1836 г. улица Рогожская названа Рагоской — это явная фантазия составителя, так как ни до этого года, ни после подобного написания на планах не было. Якиманская часть на плане 1813 г. названа Екиманской, Арбатская часть на плане 1819 г. — Арбацкой. Пресненская застава на плане 1824 г. написана как Преснинская застава.

А. В. Суперанская

ТИПОЛОГИЯ ИМЕНОВАНИЯ ВНУТРИГОРОДСКИХ ОБЪЕКТОВ МОСКВЫ

По мере познания окружающего мира человек называет отдельные его части, при этом он классифицирует, давая имена нарицательные, и индивидуализирует, давая имена собственные. Индивидуализация природных и антропогенных объектов на поверхности земли, как правило, закрепляется посредством присвоения им собственных имен. Но это редко бывает простой фиксацией места (topos), ведь объект обычно интересует человека не сам по себе, а в связи с его возможным хозяйственным использованием. Особенно это относится к населенным местам, которые возникают из необходимости людей где-то жить, работать, торговать, т. е. из общественных потребностей коллектива. В то же время покинутое здание или поселение перестает играть отведенную ему роль и нередко теряет статус населенного места. Следовательно, населенные места — это прежде всего социально организованные объекты, и главное в них — человеческая деятельность (ergon).

В странах с близкими историческими традициями и культурой наблюдается значительное типологическое сходство внутригородских объектов. Первоначально города имели значение укрепленных мест, куда в случае опасности укрывалось окрестное население. В городских цитаделях сосредоточивались материальные ценности, оружие, продовольствие. Это составляло основу роста городов и их влияния на прилегающие местности. Города делались политическими, идеологическими, религиозными, промышленными, культурными, просветительными центрами. Н. В. Подольская (1974) обращает внимание на типичность организации и застройки ряда городов Центральной России, где «наличествуют кремль (или детинец) с крепостными стенами, башнями, воротами; усадьбы, посады, слободы; внешние городские укрепления: валы, стены, рвы; многочисленные церкви и монастыри, также часто служившие обороне города; мосты, площади, торговые ряды, улицы, переулки, проезды, парки, кладбища, памятники, знаменитые чем-либо дома, дворцы, каналы, стадионы. Словом, сооружения человеческого разума и рук самого разнообразного назначения».

Позже сделалась возможной функциональная дифференциация отдельных городов: университетский, епископский, промышленный, научно-исследовательский, курортный, военный, рабочий поселок, студенческий городок. О некотором отражении такой специализации в названиях городов см. Н. В. Подольская (1978), где анализируются топонимы Вышгород, Новгород, Звенигород. Эта специализация населенных мест накладывает отпечаток и на характер внутригородских объектов.

Город как укрепленное место нуждался в зданиях для размещения гарнизона. Для снабжения последнего оружием, продовольствием нужны были ремесленники и торговцы. Город обрастал слободами, пригородами. Память об этом хранится, например, в названиях московских улиц, переулков, урочищ, слобод: ср. переулки Скатертный, Столовый, Ножовый, Столешников, три Кисловских переулка (собирательно Кисловка), Монетчиковские (Монетчики), Серебрянические переулки (Серебряники), улицы Бронная, Таганская — по Бронной и Таганной слободам.

Со временем вокруг городов возникали посады. Их население было тесно связано с сельским хозяйством, хозяйственный уклад приближался к натуральному. В посадах не было цитадели, здесь иная структура расположения домов и дворов.

Поселения, возникавшие при дороге, имели основное назначение — обслуживать проезжающих, оказывать им мелкие дорожные услуги. Отсюда их специализация, также отразившаяся на характере застройки.

По мере централизации власти и роста могущества государств оставшиеся в городах от прошлых времен внутригородские укрепления теряют свое военное значение. Многие из них на-

6—1360

чинают мешать городским коммуникациям. Их срывают, на их месте прокладывают улицы и сажают деревья. Так возникают бульвары. Само слово «бульвар» (нем. bollwerk — больверк, бастион) хранит память об одной из прежних функций городов. Это же определяет и форму замкнутой окружности или полуокружности, которую имеют бульвары во многих городах (ср. парижские Большие бульвары, московские Садовое и Бульварное кольцо).

Потеряв свое прежнее оборонительное значение, многие города превращаются в центры торговли и производства товаров для продажи, в связи с чем меняется лицо города, его экономическая структура и функции. Чем ближе к нашему времени, тем больше создается в городах различных предприятий, учреждений, обществ, при этом для многих из них строятся специальные здания. Городам становится тесно в прежних границах. Они разрастаются, поглощают близлежащие села. Превращение населенного пункта в пригород лишает его самостоятельности, в корне меняет характер экономики, подчиняя ее нуждам большого города (ср. в старой Москве такие слободы и предместья, как Садовники, Огородники, Каретники, Ямские слободы и т. д., вся деятельность которых продиктована исключительно потребностями большого города).

Существует мнение, что улицы составляют основную, главную часть внутригородских объектов и соответственно к урбанонимам относятся исключительно или преимущественно их названия — годонимы[1]. Насколько неодинаковой была роль улиц в разные эпохи в городах с различными культурами, очевидно из того, что улицы как внутригородские объекты не первичны.

Многие города складывались как комплексы построек и участков, представлявших ту или иную ценность для их жителей. Следовательно, первичные объекты, из которых формировались города, — не улицы, а здания и участки. Ведущие к ним дороги еще не были улицами. Это были пути сообщения, соединявшие отдельные поселения или отдельные части города (их названия относят к дромонимам). Многие города Востока до сих пор не формируются с помощью улиц, а состоят из кварталов (по арабски «махалла»). Махалла ведут довольно замкнутую жизнь, несколько напоминая старинные русские службы и слободы.

В старых европейских городах с хорошо развитыми ремеслами и цехами дома, где жили и работали ремесленники, были очень важными ориентирами в сложном и запутанном городе. Поэтому к тому времени, когда стали складываться улицы как самостоятельно значимые объекты, слова, обозначающие мастерские и лавки ремесленников и торговцев, гостиницы и их

---

[1] Урбаноним — собственное имя любого внутригородского топонимического объекта; годоним — название линейного объекта в городе; дромоним — собственное имя любого пути сообщения (*Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978).

вывески, рекламные щиты и товарные знаки, были уже хорошо известны и послужили тем исходным лексическим материалом, из которого создавались годонимы. Например, в центре средневекового Парижа была улица с названием L'Ourse Coiffée — буквально: «причесанная медведица» — по рекламному изображению в лавке парикмахеров, живших на этой улице. Масса фигурок, оставшихся от рекламирования лавок ремесленников, сохранилась в старой части Праги, ср. названия-адреса типа «Под зеленой жабой». В названиях гостиниц и ресторанов сохранились подобные же обороты: ср. чешск. U Supa; нем. Zum schwarzen Bär — название ресторана в Веймаре (ГДР) по изображению медведя на вывеске. Во многих европейских городах интересные индивидуальные названия имеют аптеки. Все эти названия предшествовали названиям улиц. Проспекты, кажущиеся в наши дни еще более важными объектами, чем улицы, возникли позже последних. Они прокладывались через старую застройку в старых городах или предшествовали основной застройке в новых районах и городах.

Второстепенное значение улиц в Москве до XVII в. подтверждается топонимами: улица подле Троицкого подворья, улица от Никольских ворот, улица подле вала, улица к Пречистой Ржевской, улица к Пречистенским воротам, улица со Знаменки на Смоленскую (см. статью Кусова в этом сборнике). Все это сугубо описательные названия, еще не обретшие своей ономастической формы. Интересно и хронологическое соотношение: когда были слободы, не было улиц. Улицы появляются на месте былых слобод, урочищ, именуются в память о них: ср. Гончарная набережная, Гончарные улицы и церковь в Гончарах; церкви Успения в Печатниках, Николы в Плотниках и соответственно Печатников и Плотников переулки. Показательно и то, что печатные иностранные чертежи XVII в. почти не дают названий улиц, т. е. либо тогда их еще не было, либо они занимали подчиненное положение и не представляли интереса для ориентировки в Москве.

В наши дни в новых районах таких крупных городов, как Москва, Ленинград, улицы не играют той роли, которая еще сохраняется за ними в старых частях. На первое место выступают названия жилых массивов, нередко отделенных друг от друга участками поля или леса, номера микрорайонов, названия или номера корпусов. Проходы или проезды между корпусами обычно остаются безыменными. В старых частях городов в результате переименований переулки превращены в улицы. Кроме того, переулки как особый тип внутригородских объектов сокращаются до минимума.

Мы специально задержались на типологии внутригородских объектов, потому что без этого были бы не понятны типология их наименований и состав лексики, постепенно вовлекаемой в систему собственных имен внутригородских объектов. Как спра-

ведливо отмечает Н. В. Подольская (1974, с. 124), «в урбанонимии больше, чем в какой-либо другой топонимической категории, проявляется сознательный процесс номинации с ярко выраженной социальной тенденцией». Все внутригородские объекты, как и сами города, созданы человеком и составляют особую категорию, выделяющуюся на основе их функций в жизни общества: по деловому, хозяйственному, культурному, идеологическому и т. д. назначениям. Поэтому и на формирование системы названий внутригородских объектов основное влияние оказывает человеческая деятельность, привязанная к данному месту. В результате урбанонимы — названия внутригородских объектов — строятся по иному принципу, чем топонимы — названия географических объектов, и лишь условно могут быть объединены с ними.

В работах 1964 и 1966 гг. я останавливалась на проблемах наименования и переименования московских улиц, рассматривала структурные типы старых и новых названий.

В данной работе тот же материал (по состоянию на 1959 г., без новых наименований в составе Большой Москвы) анализируется с точки зрения topos (место) и ergon (человеческая деятельность).

Прежде всего выделяются годонимы (названия улиц, проспектов, переулков и т. д.), в основе которых лежат названия природных объектов — урочищ и т. д., оставшихся от тех времен, когда город еще приспосабливался к местной топографии. Состав их весьма специфичен, количество ограничено, даже с учетом названий, ныне исчезнувших: ул. Балчуг (до проведения в 1786 г. водоотводного канала здесь долго стояла грязь после дождей, ср. тюрк. *балшик* — болото), Вспольный и Полевые переулки, Овражные ул. и пер. и Вражские пер., Прудовой пер., Луговые пер., Набережная, Нагорная ул.; то же с включением собственного имени: Воробьевские шоссе и набережная (по Воробьевым горам), Капельский пер. (по р. Капля), Копытовский пер., (по р. Копытовка), ул. Масловка Верхняя и Нижняя (по пустоши Масловка), Неглинная ул. (по р. Неглинка), Самотечная пл. (по р. Самотека — часть Неглинки), Хомутовский тупик (по ур. Хомутовка).

Имеется ряд названий с условной локализацией: Верхняя, Нижняя ул., Дальний, Граничный, Межевой, Последний переулки, Раздельная ул., Смежный пер., Загородное шоссе, Задняя ул., Зарядьевский, Крайний пер., Левый тупик, Поперечный просек, Продольный, Серединский и Средний, Угловой пер.

Много названий, данных относительно других внутригородских объектов: Арбатский пер. (по ул. Арбат), Гороховский пер. (по Гороховской ул.), Хавско-Шаболовский пер. (между ул. Хавской и Шаболовкой), Ярославские улицы (по близости к Ярославскому шоссе), Валовая ул. (по Зацепскому валу Земляного города).

Сюда же относятся названия с определениями бинарной оппозиции: Малопетровский пер. (вблизи Новопетровской ул.), Новокузнецкие улицы, Новолужнецкий пр. (в отличие от Лужнецкого в бывшем урочище Малые Лужники), Новопесчаные улицы (в отличие от Песчаной улицы и переулка), Старобашиловский тупик (по ул. Старая Башиловка), Старомарьинское шоссе (по Марьиной Роще), ср. Новое и Старое шоссе, Новая и Старая площадь. Все это скорее названия-характеристики, опосредствованные через topos близлежащих объектов, но не topos в чистом виде.

Другие внутригородские названия-характеристики также немногочисленны: переулки Глинистый, Глубокий, Двойной, ул. Извилистая, Коленчатая, переулки Косой, Кривоколенный, Кривоарбатский, Кривоникольский, Одинокий, Прямой, Сырой, Тихий, Узкий, Широкий, Четырехдомный, Лучевые просеки, Укромный тупик, Открытое шоссе, Просторная ул.

Очень немногие улицы отражают свойственные им функции: Главный проспект, Извозные, Магистральные, Прогонные, Проезжие ул., Транспортный пер. В основе некоторых годонимов лежат названия чисто городских мест, связанных с деятельностью человека: Щипок (щупок — проверка возов), Зацепа (оцепление для проверки товаров, ввозившихся в Москву), Заставный пер. (по Тверской заставе).

Древнейшие действительно топонимические обозначения внутри Москвы — это названия урочищ, которые реконструируются из названий церквей: На Рву, В Ендове, На Ольховце, В Глинище, На Кулижках, Под Сосной. Эти названия урочищ очень похожи на названия современных улиц в ряде западных городов, где не было такого количества переименований, как в Москве: В Рыбничках, У Воды, Под Горой и т. д. (Прага). В городах Чехословакии они составляют значительный процент.

Годонимы, связанные с названиями поглощенных городом населенных пунктов или дорог, ведущих в определенные города и деревни, составляют довольно большую группу. Однако, поскольку многие села названы по церквам или по именам и фамилиям владельцев, означенные годонимы прошли не одну ступень переосмысления: Богородская ул., вал (по селу Богородскому), Владыкинское шоссе (по селу Владыкино, которое принадлежало владыке — патриарху Никону), Карачаровские ул. (по селу Карачарову), Хованская ул. (по селу Леонову, вотчине Хованских), Боровское шоссе (по направлению в город Боровск), Брянские улицы (по быв. Брянскому вокзалу, теперь Киевский), Иваньковское шоссе (по направлению к деревне Иваньково), Калужская ул., Подольское шоссе, Серпуховская ул.

Очень специфичен выбор городов и сел, отраженных в названиях улиц — направлений к этим объектам. Выбор этих ориентирующих поселений определяется всецело экономическими и

политическими отношениями, т. е. и здесь решающим оказывается не topos, a ergon. И очень характерно, что в Москве не было Новгородских, Псковских, Литовских улиц, хотя есть Варшавское шоссе. Были Тверские ул., Крымский вал и мост, Владимирская ул. Кажется, единственным внутригородским объектом, отражающим связь с Новгородом, является название Лубянка, перенесенное новгородцами в Москву: Лубяница. Характерно, что название изменило свое суффиксальное оформление под влиянием распространенной в Москве модели на *-ка*.

Сам этот тип названий, отражающих «направление к...», оказался лингвистически удачным и дал впоследствии массу оттопонимных и даже отантропонимных (нередко ложно топонимически ориентированных) названий типа Самарский пер. (по Самарским баням), Тихвинская ул. (по ц. Тихвинской божьей матери), Волховский пер. (в память о битве на р. Волхов в 1942 г., но не по направлению к Волхову). Топонимическая и историко-географическая ценность таких названий, по мнению Е. М. Поспелова, нулевая (см. статью в данном сборнике). Но лингвистически это очень удачный тип, характеризующий специфику именно московских годонимов.

Среди новых названий, состоящих из двух и более слов, немало связанных с природными условиями и топографией окружающих Москву мест. Они продолжают включать слова, обозначающие географические реалии, нередко при полном их переосмыслении: ул. Лесные Пруды, ул. Хорошевская Горка, ул. Чугунные Ворота, 2—18-я линии Красной Сосны, пр. Соломенной Сторожки, ул. Теплый Стан, ул. Шестой Километр, 1-й пр. Марьиной Рощи, ул. Старый Гай, 1-й пр. Перова Поля. Как результат этого переосмысления такие слова в их составе, как Километр, Горка, Сосна, Роща, Поле, Гай, пишутся с прописной буквы, что свидетельствует об их десемантизации.

Большой процент московских годонимов связан с деятельностью человека и именами людей. Это названия по бывшим владельцам (Брюсовский, Хрущевский, Гагаринский переулки), в честь или в память известных лиц (Погодинская ул. — в память о редакторе журнала «Москвитянин», историке М. П. Погодине). Названия улиц, отражающие обозначения учреждений, строений, трудовых процессов, с ними связанных, характерны для XIX—XX вв. (Водопроводный пер., Железнодорожный пр., Телеграфный пер., Магазинный тупик, Прядильная ул., ул. Машиностроения).

Названия, связанные с различными городскими функциями, типичны для XIX — начала XX в. По своей языковой форме они не выходят за пределы тех типов, которые преобладают в московской урбанонимии. Многие из них не прямо восходят к именуемому объекту, а через посредство системных отношений: Авиационный пер., Аэропортовские улицы (по соседству с аэропортом и станцией метро «Аэропорт»), быв. Бодрая ул. (по го-

родку «Бодрое детство»), Большевистский пер. (по Дому старых большевиков), Ботанический пер. (по Ботаническому саду), Восточная ул. (по складам Восточного акционерного общества), Динамовская ул. (по домам для рабочих завода «Динамо»), ныне упраздненные Дьяковские переулки (по Дьяковским баням), Игральная ул. (по площадке детских игр), Караванный тупик (по складам фирмы «Караван»), быв. Мазутный проезд (по нефтехранилищам об-ва «Мазут»), Павловские ул., пер. (по Павловской больнице), Суконная ул. (по суконной ф-ке), Технический пер. (по МВТУ), Учебный пер. (по учебным заведениям), Холодильный пер. (по холодильникам Московско-Донбасской ж. д.), Электрический пер. (по электросиловой установке), Энергетическая ул. (по Энергетическому ин-ту).

Подобным же образом опосредствованы названия, связанные с церквами: Александра Невского ул. и пер. (по собору в память Александра Невского), Георгиевский пер. (по Георгиевскому женскому монастырю), Копьевский пер. (по ц. Спаса в Копье), Лазаревские пер. (по Лазаревскому кладбищу), Николопесковские пер. (по ц. Николы на Песках), Софийская наб. (по ц. Софии), Большой и Малый Харитоньевские пер. (ныне ул. Грибоедова) (по ц. Харитония в Огородниках).

В русле этих названий появились годонимы чисто символического порядка, которым не предшествовал внутригородской объект того же имени: Колхозная пл., Гражданская ул., Комсомольская пл., Большевистская, Интернациональная ул., Красноармейские и Красногвардейские ул., Марксистская, Международная, Молодежная, Народная ул., Октябрьская, Советская пл., пл. Борьбы, Восстания, ул. Восьмого Марта, ул. 25 Октября, ул. 1905 года, просп. Мира, пл. Революции, ул. Радио.

Таким образом, физико-географический принцип пространственной организации внутригородских объектов в Москве рано сходит на нет. Наименования по ремесленно-профессиональной организации населения, нередко ретроспективные, данные «в память о...», для наших дней не актуальны.

Принцип наименования улиц «по направлению к...» сохранился ограниченно, но дал широкую основу для присвоения названий-посвящений, идейно импонирующих современной эпохе.

Отантропонимные названия, появившиеся в XVII в. (быв. пер. Мануков, Полуэктов, Головин), первоначально селенческие, владельческие, проложили путь названиям-посвящениям и мемориальным названиям. В настоящее время доминирует специальное присвоение, отражающее не рельеф и принадлежность, а лишь идею, оно полностью порывает с физико-географической и пространственной ориентацией, а потому нередко игнорирует те традиции, которые исторически сложились для структурно-семантических типов названий внутригородских объектов Москвы.

Для русского языка традиционны следующие лингвистические типы внутригородских названий, широко представленные в урбанонимии Москвы:

— номинативный: Рынок, Парк, Благуша, Арбат, Матросская Тишина, ул. Новая Башиловка, Бирюсинка, 1-я ул. Дьяково-Городище, Дудинка, ул. Дубки, Девятая Рота;

— посессивный: Рыкунов, Фролов, Ащеулов, Рыбников, Докучаев переулки, ул. Тюфелева Роща, улицы Марьиной Рощи;

— адъективный: а) Амбулаторный пр., Аэродромная ул., Федеративный проспект, Беговая аллея, Белокаменное шоссе, Березовая аллея, Боровая ул.; б) Аптекарский пер., Артековская ул., ул. Бескудниковская Ветка, Богатырский Мост, Богородский Вал, Весковский тупик, Бусиновская Горка (ул.), Бунтарская ул.

Соотносящиеся с названиями слобод и урочищ многие прежние адъективные урбанонимы тесно были связаны с номинативными: Кисловский пер. — Кисловка, Божедомская ул. — Божедомка, Монетчиковский пер. — Монетчики. Наличие языковых связей способствует взаимному переходу одного типа урбанонимов в другой даже в тех случаях, когда название улицы (переулка) достаточно ново и когда улице не предшествовали слобода или урочище: пл. Маяковского — Маяковка. Также в двух формах употребляются названия многих подмосковных железнодорожных платформ: Маленковская — Маленковка, Перловская — Перловка. В этот ряд втягиваются и названия других типов: Северянин — Северянка, Лосиноостровская — Лосинка, ср. названия подмосковных деревень, вошедших в городскую черту: Медведково — Медведки, Раменское — Раменки.

Массовое проникновение генитивных названий во внутригородскую топонимию России датируется XX в. Не исключено, что на первых порах становлению этого типа способствовали, с одной стороны, сложность образования прилагательных от слов, обозначающих некоторые реалии, а также от некоторых фамилий (например, ул. Чайковского при фамилии Чайковский; ср. также старое образование — пл. Боровицких Ворот, пл. Покровского Собора, но Соборная площ.), а с другой стороны, комплексное влияние иностранных языков, для которых адъективные названия внутригородских объектов не типичны, ср. традиционную русскую передачу французских названий: Елисейские Поля, Эйфелева башня, но мост Инвалидов, площадь Звезды, собор Парижской богоматери.

В урбанонимии Большой Москвы много генитивных названий, образованных от названий неодушевленных предметов: 6-й пр. Алексеевского Студгородка, аллея Первой Маевки, пл. Новодевичьего Монастыря, пл. Белорусского Вокзала, 1-я улица Измайловского Зверинца, ул. Дубовой Рощи, пос. Гидроузла, ул. Восьмого Марта, ул. 800 лет Москвы, ул. Вешних Вод, 3-я линия Варшавского шоссе, пр. Девичьего Поля. Некоторые названия

восходят к так называемым собирательным существительным: ул. Народного Ополчения, ул. Московско-Минской Дивизии.

Обратим внимание на названия проспектов. Типичные для старого Петербурга (Невский, Кирочный, Литейный), для Москвы они относительно новы. Поскольку в Петербурге проспекты были устроены и названы до экспансии генитивного типа в урбанонимии России, большинство этих названий адъективны (Адмиралтейский проспект), реже — посессивны (Эсперов проспект). Достаточно поздние названия московских проспектов хранят адъективную традицию (Ленинский, Ленинградский, Волгоградский, Рязанский, Кутузовский, Ломоносовский, Университетский, Олимпийский). Лишь некоторые имеют генитивную форму: проспекты Калинина, Вернадского, Мира.

Наступившая в результате многочисленных переименований экспансия антропонимов резко изменила соотношение структурных типов названий внутригородских объектов и породила новые урбанонимы, состоящие из двух, трех и даже четырех компонентов и содержащие специальную околоантропонимическую лексику: обозначения званий, профессий, а также личные имена. Так, если в 30-х годах было дано название просто улица Горького (ср. Парк культуры и отдыха им. Горького), то позже — набережная Максима Горького. Послевоенные названия обычно включают не только фамилии, но и имена: ул. Маши Порываевой, Бориса Галушкина, Екатерины Будановой, Вальтера Ульбрихта, а более поздние также и другие слова: ул. Маршала Шапошникова, Генерала Ермолова, Архитектора Власова, Академика Варги, Академика Курчатова, Адмирала Макарова, Комдива Орлова, Космонавта Волкова, Пилота Нестерова, Летчика Бабушкина, бульвар Матроса Железняка, ул. Героев-Панфиловцев. Это в корне новые названия, свидетельствующие о том, что у нас на глазах формируется новая урбанонимия.

Сама потребность в этих вторых, добавочных компонентах вызвана, очевидно, с одной стороны, частотностью некоторых фамилий, наличием многих однофамильцев (Власов), а с другой стороны, недостаточностью однокомпонентных названий в условиях Большой Москвы. Следует отметить, что в этих новых названиях много непоследовательного, неустоявшегося. Так, ул. Константина Федина, но ул. Панферова; ул. Корнейчука, ул. Академика Королева, но ул. Ферсмана, хотя Ферсман тоже академик; пр. Черепановых, ул. Молостовых, но ул. Братьев Фонченко.

В справочнике «Улицы Москвы» (1980) названия улиц, состоящие из имен и фамилий, даны по алфавиту имен: ул. Павла Андреева, Павла Корчагина, Павлика Морозова, Софьи Ковалевской, Степана Супруна, Ивана Сусанина, Леси Украинки; но: Космодемьянских Зои и Александра. Названия, состоящие из воинского звания (титула, названия профессии) и фамилии, стоят в алфавите фамилий: ул. Бирюзова Маршала, Гречко

Маршала, Хохлова Академика, Власова Архитектора, Волкова Космонавта. Заметим, что это противоречит порядку слов русского языка. Также с нарушением порядка слов дается: ул. Масловка Нижняя, Басманная Новая, Хохловка Верхняя, Толмачевский Старый пер., Сусальный Нижний пер., Палашевский Малый пер., хотя правильно ул. Новая Дорога.

Экспансия родительного падежа в годонимии выводит названия улиц из топонимических образований и сближает с названиями учреждений, которым также часто присваивается чье-либо имя, ср. электрозавод им. Куйбышева В. В., МГУ им. Ломоносова. Таким образом, генитивные годонимы — это мемориальные названия, повторяющие имя человека и не подвергающиеся топонимизации.

Г. П. Бондарук

НАЗВАНИЯ УЛИЦ МОСКВЫ: ИХ ОФИЦИАЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ И НАПИСАНИЕ

О структуре московских топонимов писалось много. Этому в основном была посвящена конференция, организованная в 1964 г. Топонимической комиссией МФГО (см. сб.: Микротопонимия. — М., 1967). В этой статье рассмотрим лишь некоторые вопросы употребления и правописания названий улиц и других городских объектов Москвы в официальных документах, справочных изданиях, уличных табличках и т. п.

Напомним, что московские топонимы могут быть существительными (Петровка, Каменщики) или словосочетаниями прилагательного (в том числе притяжательного), согласованного с родовым термином (Ломоносовский проспект, Новая площадь, Сретенский бульвар, Стремянный переулок), прилагательного и существительного (Кузнецкий Мост, Сретенские Ворота), родового термина и существительного (реже числительного с существительным) в форме родительного падежа (проспект Маркса, площадь Маяковского, улица Академика Зелинского, улица Двадцать Пятого Октября). В состав названий могут входить определения — прилагательные или порядковые числительные, различающие одноименные объекты (улицы Верхняя Масловка — Нижняя Масловка, Большая Молчановка — Малая Молчановка, 1—6-й Монетчиковские переулки).

В справочных изданиях, на уличных табличках и вывесках Москвы идет разнобой в написании названий улиц, переулков, площадей и т. д. Можно встретить написания: улица Гришина и Гришина улица, улица Космонавта Волкова и улица Волкова Космонавта и т. п.

 Можно ли писать одинаково: ул. Бутырский Вал и Камер-

Коллежский вал — граница Москвы XVII в., где в то время были насыпные валы; ул. Кузнецкий Мост и Бородинский мост — название моста через Москву-реку? На эти и другие вопросы, связанные с орфографией и употреблением названий улиц Москвы, попробуем ответить.

В названиях-посвящениях, включающих существительные в форме родительного падежа, состоящих из имени и фамилии, звания и фамилии и других слов, предшествующих фамилии, а также числительные с существительным, имена, звания должны употребляться на первом месте. Это обычный порядок слов, характерный для современного русского языка: ул. Карла Маркса, ул. Льва Толстого, ул. Павла Андреева, ул. Маршала Шапошникова, ул. Братьев Фонченко, ул. Летчика Бабушкина, ул. Космонавта Волкова.

Различные определения, входящие в состав названий, также ставятся на первое место: ул. Большие Каменщики, Большой Чудов пер., Верхняя Первомайская ул., Средняя Первомайская ул.

На первое место желательно помещать и порядковые числительные и обозначать их арабскими цифрами с последней буквой слова (для указания грамматического рода): 1-я Миусская ул., 4-й Монетчиковский пер.

На уличных табличках и вывесках названия сопровождаются родовыми терминами, поэтому немаловажен порядок их употребления в составе названий.

Родовые термины рекомендуется ставить перед названием (в полном или сокращенном виде), если:

— название в форме существительного: ул. Плющиха, ул. Солянка, ул. Сретенка;

— название — словосочетание прилагательного и существительного (в некоторых из них термин не в прямом значении): ул. Кузнецкий Мост, ул. Рогожский Вал, ул. Нижние Поля;

— название состоит из термина (родового обозначения) и существительного в форме родительного падежа: ул. Карла Маркса, наб. Мориса Тореза, ул. Грекова, ул. Седова. Но как исключение следует писать: Козлова улица, Лялина площадь. Эти названия старомосковские, при их склонении изменяются оба слова: на Козловой улице, около Лялиной площади. В названиях «улица Горького», «улица Седова» склоняется только термин: на улице Горького, около улицы Седова.

В справочной литературе, если термин необходимо поместить на втором месте, его следует отделить запятой, например: Грекова, ул.; Карла Маркса, ул. При этом если название — словосочетание прилагательного и существительного, то на первое место ставится прилагательное: Большие Каменщики, на второе слово дается отсылка к правильному: Каменщики Большие см. Большие Каменщики.

Термин ставится на второе место, если название выражено формой прилагательного, в том числе притяжательного: Ти-

хая ул., Высокая ул., Выборгская ул., Выползов пер., Ленинградское шоссе.

Термин может стоять и в середине названия, если основное слово дано в форме родительного падежа: 1-я улица Машиностроения.

Отметим, что старые московские названия, данные по местности, урочищу или другому объекту, все еще употребляются в форме родительного падежа: площадь Никитских Ворот. Этот вариант явно устарел. Предпочтителен — площадь Никитские Ворота.

Остановимся на некоторых орфографических вопросах.

В печати идет большой разнобой в написании названий улиц, особенно в употреблении прописной (заглавной) буквы. Например: «Экспозиция развернута в Доме художника на Кузнецком мосту» (Вечерняя Москва, 18 августа 1981 г.); «остановка Кузнецкий мост» (Улицы Москвы, 1980, с. 416); но «Кузнецкий Мост, Покровские Ворота» (Московский комсомолец, 10 октября 1981 г.); «Новый район Филевская пойма рассчитан на 14 тыс. жителей» (Вечерняя Москва, 27 ноября 1982 г.). А может быть Филевская Пойма, если речь идет о названии микрорайона?

В «Правилах русской орфографии» (1956, § 100, с. 56—57) отмечается, что «пишутся с прописной буквы индивидуальные названия географических объектов... Если эти названия составлены из двух или нескольких слов, то с прописной буквы пишутся все слова, кроме служебных слов и родовых названий». Из интересующих нас примеров приведены: улица Горького, шоссе Энтузиастов, Комсомольская площадь, Большой Каменный мост, Боровицкие ворота. Там же, на с. 57, подчеркивается: «Существительные, входящие в состав сложных собственных наименований и условно называющие предмет, пишутся с прописной буквы, например: Золотой Рог (бухта), Чешский Лес (горы), Красное Село (город), Малые Кочки (улица)».

В другой своей работе Д. Э. Розенталь (1978, с. 17) в разделе «Употребление прописных букв» пишет: «Нарицательные существительные в составных географических названиях пишутся с прописной буквы, если они употреблены не в прямом значении и называют объект условно: *Белая Церковь* (город), *Золотой Рог* (бухга)... Но: *Чистые пруды* (улица в Москве, на которой имеются пруды), *Кузнецкий мост* (улица в Москве, часть которой занимал когда-то мост через реку Неглинку)».

Но в настоящее время существительные *мост, пруд, ворота* и другие в приведенных названиях не являются нарицательными, они тоже только условно называют объект.

С нашей точки зрения, рекомендация может быть только одна: в названиях улиц, площадей, переулков, проездов и других объектов с прописной буквы следует писать все слова, входящие в названия, за исключением слов *лет, год, годовщина,* служебных слов (предлогов, союзов), пояснительных слов (почта,

памятник, больница и т. д.) и родовых терминов, обозначающих внутригородские объекты (аллея, бульвар, улица, тупик, переулок, набережная, просека, проезд, шоссе, мост, путепровод, эстакада). Термины, вошедшие в состав топонимов не в прямом значении, нужно также писать прописными буквами: ул. Бутырский Вал, ул. Борисовские Пруды, ул. Верхние Поля, Большой Дровяной пер., ул. Чугунные Ворота, ул. Кузнецкий Мост и др.

Буква «ё» в русских названиях пишется лишь в ударных слогах, поэтому «ё» желательно писать во всех случаях для предупреждения неверного чтения: улицы Разорёнова, Мнёвники, Планёрная и др.

В справочнике, выпущенном для работников радио и телевидения (Агеенко, 1980), приведены названия улиц Москвы с проставленным ударением. Буква «ё» употребляется там последовательно.

Большой разнобой идет в написании сложных названий внутригородских объектов. В этом случае можно рекомендовать следующее.

Слитно пишутся сложные названия, в состав которых в качестве первой части входят слова *ново-, старо-, верхне-, нижне-, красно-* и т. д.: Новощукинская ул., Верхнепервомайская ул., Краснохолмская наб., Нижегородская ул.

Через дефис пишутся названия, состоящие из двух равноправных компонентов (ул. Пруд-Ключики, ул. Героев-Панфиловцев); названия, образованные от двойных фамилий (ул. Немировича-Данченко); названия, представляющие собой словосочетания существительного и прилагательного (г. Юрьев-Польской), — среди названий улиц Москвы подобных нет.

Раздельно пишутся составные названия, представляющие собой словосочетания: ул. Маркса и Энгельса, ул. Космонавта Волкова, Большая Колхозная площадь.

Ф. Л. Агеенко

О ПРОИЗНОШЕНИИ НАЗВАНИЙ МОСКОВСКИХ УЛИЦ

Как правильно сказать: Го́ликовский пер. или Голико́вский пер.? Больша́я Серпуховска́я ул. или Больша́я Серпухо́вская ул.? Планёрная ул. или Пла́нерная ул.? Ре́утовская ул. или Реу́товская ул.? А́втозаво́дская ул. или А́втозаводска́я ул.? Такие вопросы постоянно возникают у дикторов, корреспондентов, актеров и у многих других выступающих на Центральном телевидении и Всесоюзном радио. Сразу ответим на них. Эти названия рекомендуется произносить так: Го́ликовский пер., Больша́я Серпуховска́я ул., Планёрная ул., Ре́утовская ул., А́втозаво́дская ул. Такие и подобные вопросы возникают и у лиц других

специальностей, у представителей самых разнообразных профессий, не работающих в системе Гостелерадио. Однако поскольку телевидение и радио призваны нести в массы высокую культуру устной речи, быть образцом русского литературного языка, то вполне естественно, что для их работников вопросы нормативного произношения и ударения представляют особую важность.

Выбор варианта произношения того или иного названия улицы, площади, проспекта нашей столицы не является таким простым, как кажется на первый взгляд.

Начнем с того, что никакого словаря или справочника ударений в названиях московских улиц пока что не существует. В таких изданиях, как энциклопедия «Москва» (М., 1980), «Имена московских улиц» (М., 1979), они даются лишь в отдельных случаях. В справочнике «Улицы Москвы» ударения в названиях вообще не приводятся, так как задача авторов — дать информацию о расположении улиц. Кроме того, нет ни одного учреждения, которое могло бы дать квалифицированный ответ на вопрос работника телевидения или радио, как поставить ударение в том или ином названии улицы или других внутригородских объектов Москвы. Не дает ответа на такие вопросы и консультативная служба Института русского языка.

А между тем в теле- и радиопередачах, рассчитанных на Москву, довольно часто встречаются названия площадей, проспектов, переулков нашей столицы, произношение которых вызывает затруднения. В одних случаях это связано с появлением новых названий, еще не ставших привычными в повседневной речи, в других — с наличием акцентологических вариантов, используемых москвичами (ср.: пл. Свердло́ва — пл. Све́рдлова, ул. Дими́трова — ул. Димитро́ва, ул. Острови́тянова — ул. Островитя́нова, ул. Саломе́и Нери́с — ул. Саломе́и Не́рис, Новгоро́дская ул. — Но́вгородская ул., Большой Нико́ловоро́бинский пер. — Большо́й Нико́ловороби́нский пер. и т. д.). Эти названия произносятся так: пл. Свердло́ва, ул. Дими́трова, ул. Острови́тянова, ул. Саломе́и Нери́с, Новгоро́дская ул., Большо́й Нико́ловоро́бинский пер.

Поэтому понятно, что на Гостелерадио возникла необходимость создать справочник, который был бы полезным пособием и помог бы дикторам и всем выступающим по телевидению и радио в постановке правильного ударения в названиях улиц, площадей, проспектов Москвы.

В 1980 г. вышел в свет словарь-справочник Ф. Л. Агеенко «Ударения в названиях улиц Москвы и в географических названиях Московской области» под редакцией профессора Д. Э. Розенталя. Словарь издан Главной редакцией писем и социологических исследований Госкомитета СССР по телевидению и радиовещанию.

Словарь-справочник состоит из трех разделов. В первый вошли названия улиц, площадей, проспектов, бульваров Москвы,

во второй — географические наименования Московской области. Включены в словарь также сокращенные названия ряда организаций и учреждений. Я коснусь первого раздела, а именно названий московских улиц и внутригородских объектов столицы.

В справочник включались только те названия, которые представляли интерес с точки зрения ударения: пл. Ами́лкара Кабра́ла, Бараше́вский пер., ул. Василия Ботылёва, Кваси́сская ул., пр. Де́вичьего По́ля; произношения: пл. Дзержи́нского (не дзэ), Оде́сская ул. (не дэ), Кантеми́ровская ул., Федерати́вный просп. (не дэ), ул. Сальвадо́ра Алье́нде (дэ), Га́рднеровский пер. (нэ), ул. Бориса Жигуле́нкова. В словарь были включены новые районы Москвы: Строгино́, -а́; Я́сенево, -а; Би́бирево, -а и др., так как они представляют интерес с точки зрения ударения и склонения.

К значительной части названий дается справка, объясняющая ударение (связь с фамилиями лиц, географическими названиями, историческими событиями и т. д.). Например: пл. Джавахарла́ла Не́ру (нэ) названа в честь Джавахарла́ла Не́ру, государственного деятеля Индии, одного из лидеров партии Индийский национальный конгресс; ул. Кра́сикова названа в честь П. А. Кра́сикова, участника Октябрьской революции, партийного и государственного деятеля; Бережко́вская наб. названа по местности Бережки́, где в XVII в. находилась Бережко́вская рыбацкая слобода; Я́хромская ул. наименована по подмосковному городу Я́хрома.

Мы не даем пояснения в тех случаях, когда смысл наименования ясен (например, Маркси́стская ул.), когда его происхождение не установлено (например, Ба́зовская ул.), когда оно дано по фамилии землевладельца.

Через три года (в 1983 г.) вышло второе издание словаря-справочника с дополнениями, уточнениями, расширением словника. Необходимость переиздания была обусловлена тем, что за прошедшие годы произошли изменения: образование новых улиц и площадей, различные переименования, некоторые изменения в написании и т. д.

Настоящее издание словаря-справочника отличается от предыдущего тем, что в нем значительно расширена тематика первого раздела (улицы, переулки, проспекты Москвы). Помимо названных наименований в него включены также названия путепроводов, рек, водохранилищ, аэропортов, башен Кремля, бывших монастырей, некоторых станций метро.

Во второе издание включались названия не только по принципу трудности с точки зрения ударения, произношения, словоизменения, но и представляющие интерес в культурно-историческом плане. В справочнике приводятся названия башен Кремля, бывших монастырей с соответствующими пояснениями культурно-исторического характера, например: Беклеми́шевская (Мос-

кворецкая) башня Кремля — названа по примыкавшему со стороны Кремля двору боярина Беклеми́шева; Константи́но-Еле́нинская башня — названа по церкви Константина и Елены в Кремле (не сохранилась); Тайни́цкая башня — здесь был построен тайни́к-колодец и подземный ход к реке; Андро́ников монастырь (Спасо-Андро́ников, Андро́ников), Спа́са Нерукотво́рного — назван по имени первого игумена, ученика Сергия Радоне́жского Андро́ника.

Некоторые достопримечательности не соответствуют существующим реалиям, но встречаются в текстах теле- и радиопередач, поэтому в словарь-справочник включены. Например: Сыромя́тники — историческое название местности к востоку от Садового кольца, названы по дворцовой Сыромятнической конюшенной слободе; Кита́й-го́род — один из древнейших районов Москвы, название известно с XVI в. (предположительно от слова «ки́та» — связка жердей, применявшихся при строительстве укреплений); Хитро́вка — название местности в восточной части центра Москвы, между Яузским бульваром и улицей Солянка.

Постановка ударения в последнем названии вызвала некоторые затруднения, так как существуют две точки зрения по поводу происхождения этого названия. Одни считают, что надо произносить Хи́тровка и Хи́тров рынок, так как якобы смысл названия связан с определенной чертой характера завсегдатаев этого места — хитростью. Отсюда и название Хи́тров рынок. Другие считают это неправильным, полагая, что Хитровка наименована по фамилии генерал-майора Н. З. Хитрово́, на землях которого возник так называемый Хитро́в рынок. Мы советовались с научными сотрудниками Музея МХАТа, интересовались также мнением по этому вопросу народных артистов СССР А. П. Зуевой и М. И. Прудкина, которые помнили постановки во МХАТе пьесы М. Горького «На дне» и походы актеров на Хитров рынок. Была учтена также рекомендация энциклопедии «Москва». В соответствии с этим в словаре-справочнике дается это название с ударением на среднем слоге: Хитро́вка.

Во втором издании приводятся некоторые названия московских улиц, не представляющие затруднения с точки зрения ударения и произношения, но интересные в историческом плане, например ул. Арбат, Балчуг, Сретенка и другие, сопровождающиеся историческими справками.

Иногда наряду с новыми названиями улиц приводятся прежние с соответствующими ссылками, так как они часто встречаются в практике телевидения и радиовещания, например: Маросе́йка, ул. — см. Богда́на Хмельни́цкого, ул.; Больша́я Лубя́нка, ул. — см. Дзержи́нского, ул.; Покро́вка, ул. — см. Черныше́вского, ул.; Тверска́я ул. — см. Го́рького, ул.; Osто́женка, ул. — см. Метростро́евская ул.; Мясни́цкая ул. — см. Ки́рова, ул. При новых названиях улиц дается историческая справка с объяснением происхождения прежнего названия, например Богда́на

Хмельни́цкого, ул. — старое название Маросе́йка — произошло от искаженного в московском говоре XVII в. Малороссийского подворья (Малоросс́ейка — Маросе́йка).

Интерес с точки зрения правильного ударения представляет целый ряд названий. Начнем с тех, о которых мы уже упоминали в начале статьи: Больша́я Серпуховска́я или Больша́я Серпухо́вская ул., «Серпуховска́я» или «Серпухо́вская» (станция метро), Планёрная или Пла́нерная ул., Ре́утовская или Реу́товская ул. В живой речи можно услышать оба варианта. Но какой же из них является правильным? Какому отдать предпочтение? Сопоставим рекомендации авторитетных источников.

От названия города Серпухов можно образовать три формы прилагательного:

1) Се́рпуховский (см. «Словарь географических названий СССР». М., 1983). Но этот вариант малоупотребителен.

2) Серпухо́вский (в справочнике «Улицы Москвы» приводятся следующие названия с окончанием *-ий*: Серпухо́вский Вал, Серпухо́вский пер., что может отражать традиционное написание прилагательных на *-ский*).

3) Серпуховско́й (Энциклопедия «Москва». — М., 1980; Советский энциклопедический словарь. — М., 1980).

Мы рекомендуем: Больша́я Серпуховска́я ул., «Серпуховска́я» (станция метро) в соответствии с традицией и указаниями авторитетных изданий.

Так же обстоит дело и с названиями улиц: Планёрная — Пла́нерная, Ре́утовская — Реу́товская. Название Планёрная происходит от французского «планёр». Произношение Пла́нерная не соответствует литературной норме.

Ре́утовская улица названа по подмосковному городу Ре́утово. Вариант Реу́тово не является официальным.

Отмечаются колебания при произношении названия улицы Саломеи Нерис. Как известно, литовцы произносят имя своей поэтессы с ударением на последнем слоге: Нери́с, но произносительный вариант Не́рис тоже получил широкое распространение. В Советском энциклопедическом словаре (второе издание) ее фамилия дается с ударением на конце: Нери́с. В нашем словаре-справочнике название улицы ее имени приводится с таким же ударением: ул. Саломе́и Нери́с.

Несколько слов о произношении улицы Димитрова. В широкое употребление вошел вариант «ул. Дими́трова», хотя в Болгарии говорят Димитро́в. В Советском энциклопедическом словаре фамилия этого деятеля болгарского и международного коммунистического движения приводится с ударением на предпоследнем слоге: Георгий Дими́тров. Этот же вариант принят и в нашем словаре.

Нередко допускаются ошибки в таких названиях, как А̀втозаво́дская ул., Ве́лозаво́дская ул., Но́возаво́дская ул., Хле́бозаво́дский пр. Встречается вариант: А́втозаводска́я, Ве́лозавод-

ска́я, Но́возаводска́я ул., Хле́бозаводско́й пр. Как известно, в прилагательном, образованном от слова «завод», ударение ставится на последнем слоге: заводско́й. Но в сложных названиях оно передвигается на предыдущий слог (заводско́й, но А́втозаво́дская ул.). Список аналогичных примеров можно продолжить: Но́вослобо́дская, Ста́рослобо́дская, До́брослобо́дская ул., Ка́меннослобо́дский пер. (слобода́ — слободско́й, но Но́вослобо́дская ул.).

Идут споры по поводу произношения названия Воротнико́вский пер. Одни считают, что в прилагательном, образованном от слова «воро́тник» (сторож у ворот), ударение остается на том же слоге: Воро́тниковский пер. Но более убедительной является другая точки зрения: ударение в названии Воротнико́вский пер. передвигается к концу слова, что характерно для разговорной речи. Аналогичные примеры: Звени́город — Звенигоро́дский, Чи́стополь — Чистопо́льский, Ста́врополь — Ставропо́льский и т. д.

В широкое употребление вошла неправильная форма названия улицы Грицеве́ц вместо правильной Грицевца́. Поскольку название относится к мужчине, оно должно склоняться. Улица названа в честь летчика С. И. Грицевца, дважды Героя Советского Союза.

В названиях Кадашёвская наб., Кашёнкин Луг, пр. Дежнёва, ул. Мнёвники приводится «ё», чтобы обратить внимание на правильное произношение подобных названий.

В словарь-справочник внесено значительное количество названий, представляющих интерес с точки зрения словоизменения, например: Оста́нкино, -а; Бу́синово, -а; Быко́во, -а; Вну́ково, -а; Домоде́дово, -а; Шереме́тьево, -а; Конько́во-Деревлёво — Конько́ва-Деревлёва, Хорошёво-Мнёвники — Хорошёва-Мнёвников и т. д.

Известно, что названия, оканчивающиеся на *-ово, -ево, -ино, -ыно,* следует склонять. Однако в разговорной речи они обнаруживают тенденцию к неизменяемости.

В разговорной речи можно часто услышать название Останкино в несклоняемом варианте, например: «...мы посетили Музей крепостных художников в Останкино», «Мы работаем в Останкино...», хотя в соответствии с правилом это название надо склонять. Исключением является только случай, когда речь идет о концертной студии, например: «Мы находимся в Концертной студии Останкино». Здесь Останкино является приложением, которое не склоняется. Но если перед этим названием стоит предлог, то его надо склонять, например: «Передача идет из Концертной студии в Останкине...»

У редакторов, готовящих передачи для Москвы, постоянно возникают вопросы, как правильно написать: ул. Академика Бакулева или ул. академика Бакулева; ул. Маршала Рыбалко или ул. маршала Рыбалко; Сущевский Вал или Сущевский вал? Во

втором издании словаря-справочника дается такое написание: ул. Академика Бакулева, ул. Маршала Рыбалко, ул. Сущевский Вал, ул. Серпуховской Заставы. Слова «Академик, Маршал, Вал, Застава» входят в состав названия, т. е. употребляются не в прямом значении, поэтому пишутся с заглавной буквы.

Несколько слов о подаче материала в словаре-справочнике.

Как правило, названия улиц, проспектов и площадей, состоящие из нескольких компонентов (имя и фамилия, прилагательное и существительное, два прилагательных и т. д.), даются в словаре дважды в отличие от других аналогичных изданий, например: Ба́кулева Акаде́мика, ул. — см. Акаде́мика Ба́кулева, ул. (при названии «Акаде́мика Ба́кулева, ул.» приводится справка о его происхождении).

Ударение и написание в ряде случаев устанавливались в соответствии с указаниями действующих словарей и справочников: Словарь географических названий СССР. М., «Недра», 1983; Большая советская энциклопедия (третье издание), Советский энциклопедический словарь (1980), «Административно-территориальное деление СССР» (1983), Энциклопедия «Москва» (1980).

Посылались запросы по поводу ударений в тех или иных названиях улиц Москвы районным архитекторам, в отделы культуры РОНО, в отделы народного образования райисполкомов. Проводились опросы лиц разных профессий и разного возраста, приглашаемых на Центральное телевидение и Всесоюзное радио для участия в передачах для Москвы. Прослушивались теле- и радиопередачи Главных редакций для Москвы, обращалось внимание на произношение названий московских улиц в речи разных категорий выступающих.

Весьма полезными для работы над словарем-справочником были советы и рекомендации коренных москвичей — Г. П. Бондарук (ученого секретаря Топонимической комиссии Московского филиала Географического общества СССР) и М. Г. Патушинской (ответственного секретаря комиссии по наименованию и переименованию улиц Москвы при Моссовете).

Автор надеется, что новый словарь-справочник «Ударения в названиях улиц Москвы и в географических названиях Московской области» будет полезным пособием не только для работников Гостелерадио, но и для лиц самых разнообразных профессий, которые интересуются вопросами нормативного произношения в названиях московских улиц.

Т. П. Соколова

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ О ТОПОНИМИИ МОСКВЫ

Литература о топонимии Москвы не очень обширна, однако упоминания о происхождении того или иного названия можно

найти в самых разнообразных книгах о Москве: исторических, географических, путеводителях, статьях и газетных заметках.

Первый путеводитель по Москве появился более двухсот лет назад, в 1782 г. Назывался он так: «Описание императорского столичного города Москвы, содержащее в себе: звание городских ворот, каменных и деревянных мостов, больших улиц и переулков, монастырей, церквей, дворцов, присутственных и других казенных мест, число обывательских дворов и покоев, рядов, рынков, фабрик, заводов, кладбищ, дорог, застав, число извощиков и прочая, собранное в 1775 году и изданное в свет для удовольствия общества издателем описания Санкт-Петербурга г. н. с. В. Г. Рубаном». Путеводитель содержал разнообразные данные о 14 частях Москвы того времени, в том числе и названия улиц и переулков. Среди них такие старые московские имена, как Петровка, Сретенка, Новослободская, Пятницкая, Балчуг и др. Отметим, что многие московские переулки в то время вообще не имели названий, например читаем: «Арбатская улица, при ней 13 переулков проезжих без названий». В названиях некоторых улиц и переулков еще встречаются предложные конструкции (которые отсутствуют в современных московских названиях), например: пер. К Красным Воротам, пер. К Земляному городу, пер. На Стрелке, улица На Гороховом поле, пер. Спасский в Звонарях и др. В. Г. Рубан указывает, что всего в Москве на 1775 г. было 114 больших улиц, 463 переулка, и попутно объясняет происхождение некоторых названий, например: Гранатная улица — «от места, на котором бывал Гранатный двор», Солянка — «где Рыбный и Соляной двор», «улица, которая идет в Красное село» — улица Красносельская и др. Однако чаще всего названия приводятся без подобного комментария. Топонимические сведения данного путеводителя очень скудны.

Первые научные работы по топонимии Москвы принадлежат историку И. М. Снегиреву. В 1842—1845 гг. выходит его книга «Памятники московской древности», где не только дается очерк истории Москвы, но и приводится ряд топонимических сведений, собранных ученым. Некоторые мысли, высказанные И. М. Снегиревым, представляются актуальными: рассматривая ряд гипотез о происхождении названия Москва (Татищева, Ходаковского и др.), автор обращает внимание на то, что нельзя доверять ни одной из предложенных этимологий, не подтвердив их фактами истории. В этой книге И. М. Снегирев относится к названиям московских слобод и урочищ как к хранителям истории древнего города и проводит мысль о том, что сами названия московские суть тоже исторические древности (памятники), подлежащие охране и изучению.

В 1852 г. выходит книга И. М. Снегирева «Московские урочища, древние и новые», посвященная исследованию названий московских урочищ, которые «составляют живую, хотя и отрывочную, летопись первобытного городского устройства, соеди-

ненную с преданиями и вымыслами». Ученый дает классификацию урочищ: 1) по значению: естественные, или топографические: Крутицы, Грязи, Сущово, или Сухощово...; этнографические: Хохловка, Грузины...; фамильные: Булгаково, Воронцово...; названия, заимствованные от поселения ремесленников, промышленников и служилых людей: Бронники, Кадаши...; собственно исторические или бытовые: Бабий городок, Наливки, Девичье Поле, Болвановка и др. (выделение последней группы сомнительно, так как объяснения подобных «собственно исторических» названий навеяны народной этимологией); от церквей: Флоровка, Спасская...; 2) по времени: древние, например известные с XIV в. Маковица и Бор (в Кремле), Сущово, или Сухощово, и др.; новые (после XVII в.): Хамовники, Маросейка и т. д.; 3) по пространству: Большие и Малые...

В книге И. М. Снегирева находим ныне признанные объяснения некоторых старых московских названий: Зарядье, Полянка, Бронники и т. д., но наряду с этим и ненаучные этимологии, например: Бабий городок — «место, где московские бабы защищались от татар» или, по иной версии, «место, где татары взимали дань с русских красавицами»; Девичье Поле — «место, где собирали дань татары с Москвы девицами» и др.

Сведения, собранные И. М. Снегиревым для названных выше книг, были развиты им в капитальном труде «Москва. Подробное историческое и археологическое описание города», часть I (М., 1865) и часть II (М., 1873).

В 1874 г. в «Чтениях Общества истории и древностей российских» были напечатаны материалы о происхождении топографических названий в Москве, собранные еще в 1817 г., когда, как отмечает историк П. В. Сытин, епархиальное начальство потребовало от настоятелей церквей написать объяснение названия местности, где находится их церковь. Эти сведения уступали исследованиям И. М. Снегирева, далеко не все названия объяснялись правильно, но все же данный материал давал кое-что для объяснения названий некоторых московских улиц и урочищ.

Работу по изучению московской топонимии продолжил А. А. Мартынов, выпустивший в 1878 г. книгу «Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями». Используя данные Архива Москвы, историческую литературу, автор объясняет названия 747 улиц и переулков. В книге целый ряд названий трактуется верно: Щипок, Шаболовка, Кузнецкий Мост, Ружейный пер., Трубниковский пер. и др. Однако много еще путаных объяснений, недостоверных, например: Миусская площадь — «в честь казака Миуски», казненного якобы на этой площади; Арбат — на татарском языке значит «жертвоприношение» (могло быть, что в этих местностях во время татарского владычества происходили жертвоприношения), иная версия — от татарского слова *арба*, что значит «повозка, телега»; Дорого-

миловская улица объясняется как «милый путь», «милая дорога», хотя, почему «милая», автор не знает; Бабий городок — объясняется «верно наполовину». Мартынов отвергает обе версии, изложенные И. М. Снегиревым, и дает верное объяснение второй части топонима *городок* — «здесь была «деревянная городьба», которую по причине топкой местности нельзя было возвести, не углубляя стояковых бревен, или свай, в землю», но толкование первой части — Бабий — от слова *баба* в значении «копер, которым бьют сваи» вызывает сомнение: такой непостоянный признак вряд ли может лежать в основе топонима; не исключено, что первая часть названия возникла от личного имени. К сожалению, приведенное выше сомнительное толкование названия «Бабий городок» без должной проверки включено в энциклопедию «Москва» (1980). Несмотря на недостатки, книга А. А. Мартынова сыграла большую роль в изучении московских названий, хотя была, как указывал сам автор, только началом дела, только поводом к дальнейшим, более подробным исследованиям.

Целиком следуя за книгой А. А. Мартынова, без проверки и уточнения ее данных, объясняет 356 московских названий А. Н. Петунников, межевой инженер городской управы, в работе «Пути сообщения в г. Москве по высочайше утвержденному плану регулирования», вышедшей в 1915 г. А ведь к тому времени в городе, как указывает сам автор, было уже 404 улицы, 936 переулков, 123 площади!

До 1914 г. появилось еще немало работ, посвященных истории Москвы, однако в них можно найти лишь отдельные замечания по поводу тех или иных московских названий. Так, например, в 1912 г. вышла книга «Старая Москва. Издание комиссии по изучению старой Москвы при Русском археологическом обществе», вып. 1, где была напечатана статья В. К. Трутовского о происхождении названия Арбат (от арабского *рабат* — пригород). Часто и в современных работах эта гипотеза приводится как единственная и абсолютно верная, а ведь и это объяснение вызывает вопрос: почему русский пригород был назван арабским (через татарский, как полагают исследователи) термином? Видимо, еще не сказано последнее слово по поводу этого «загадочного» московского названия.

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало огромным преобразованиям в жизни людей, и это нашло свое отражение в языке, в системе внутригородских наименований, в том числе и в Москве. Возникло много проблем, связанных с наименованием и переименованием московских улиц. Необходимо было заменить устаревшие и одноименные названия новыми, отражающими ход истории, хранящими память о революционерах, революционных событиях, выдающихся представителях науки, искусства, и в то же время не нарушить сложившуюся систему московских топонимов, сохранить старинные

яркие наименования, такие, как Палиха, Благуша, Волхонка, Плющиха и др.

Всеми этими вопросами занималась специальная комиссия, работавшая при Моссовете в 1921—1922 гг. Работа по изучению топонимии Москвы продолжалась. В 1938 г. вышла книга П. В. Сытина и П. Н. Миллера «Происхождение названий улиц, переулков, площадей Москвы». Эта книга и последующие исследования П. В. Сытина (три издания книги «Прошлое Москвы в названиях улиц» — 1946, 1948, 1958 гг. — и наиболее полное четвертое издание «Откуда произошли названия улиц Москвы» — 1959 г.) внесли большой вклад в изучение московских названий. Работы П. В. Сытина основательны, опираются на документальные источники и, хотя они не свободны от пропусков и ошибок, до сих пор являются источником топонимических исследований; все последующие работы в этой области так или иначе опираются на изыскания П. В. Сытина или отталкиваются от них (см. справочник «Имена московских улиц» под ред. А. М. Пегова, статью А. В. Суперанской в сб. «Изучение географических названий» (М., 1966), книгу «Топонимия Москвы» Г. П. Смолицкой и М. В. Горбаневского и др.). В книгах П. В. Сытина читатель находит достоверные мотивировки названий старейших улиц центра Москвы, Бульварного кольца, Земляного города, бывших ворот города, его застав, причем если улица переименовывалась, то объясняются и новое и старое названия, приводятся данные, в честь кого и в связи с чем улица переименована, подробные исторические справки, история застройки улицы, например очерки об улицах Куйбышева (бывшая Ильинка), 25 Октября (бывшая Никольская) и т. д.

Следует упомянуть книгу В. Л. Снегирева «Московские слободы. Очерки по истории Московского посада XIV—XVIII вв.», вышедшую в 1956 г. Это не топонимическое исследование, однако исторический материал книги, снабженный схемами, рисунками, дает многое для понимания названий улиц Москвы, ведущих свое начало от таких слобод, как Таганская, Толмацкая, Немецкая, Мещанская и др.

В книге археолога А. Г. Векслера «Москва в Москве» (1968 г.) собраны основные гипотезы о происхождении названия Москва — и народные поэтические, и научные; наиболее вероятной автор считает гипотезу славянского происхождения топонима от *москы* — влага (подробнее этот вопрос рассматривается в книге Г. П. Смолицкой и М. В. Горбаневского «Топонимия Москвы». — М., 1982).

С 1972 г. издается книга-справочник «Имена московских улиц» под общей редакцией А. М. Пегова. Последнее, третье издание вышло в 1979 г. При составлении книги были использованы изыскания П. В. Сытина. Авторы проделали большую работу по проверке названий и их этимологии, привлекли архивные документы по истории Москвы, схемы, планы, различные спра-

вочники. В предисловии подчеркнуто международное значение Москвы — столицы СССР, приведены краткие сведения о застройке города, что отразилось в названиях московских улиц, площадей, переулков, тупиков; указаны основные принципы номинации, которые сложились в течение длительного времени становления Москвы. В справочнике даны новое и старое названия улиц, объясняются их происхождение, причина переименования, если улицы, переулки имели раньше другие названия. Книга интересна тем, что включает все названия улиц в пределах Московской кольцевой автомобильной дороги. Например: Дегунинская ул. — по названию села Дегунина (это название упоминается в завещании Ивана Калиты — XIV в.); Сенежская ул. — в связи с расположением в северо-западной части города названа по подмосковному Сенежскому озеру, увеличившемуся в 10 раз при прокладке канала Истра — Сестра в 1825 г. Однако этимология некоторых названий нуждается в уточнении. Например, Серпов переулок. Читаем: «Переулок примыкал к землям бывшего Общества сельского хозяйства (начало XIX в.). Серп — одно из основных земледельческих орудий того времени». Объяснение явно не убеждает читателя. Сама форма названия скорее указывает на возможное происхождение его от личного имени.

Среди собственно топонимических исследований о Москве следует назвать статью А. В. Суперанской «Наименования и переименования в городах» (в сборнике «Изучение географических названий». М., 1966), где рассматриваются 12 принципов наименования московских улиц, их мотивировки, а также типы переименований в лингвистическом аспекте и делается вывод о большой стабильности московских топонимических типов, о системности названий, которую не должны нарушать вновь присваиваемые наименования внутригородских объектов.

Несколько работ, посвященных названиям улиц, переулков, площадей Москвы, было включено в сборник «Микротопонимия» (М., 1967). Так, в статье М. Н. Морозовой рассматривались словообразовательные типы названий географических объектов Москвы (по данным справочника «Улицы Москвы». — М., 1964); И. А. Чернова писала о топонимах-словосочетаниях, основываясь на материалах географических названий Москвы; Н. С. Лопухина рассматривала названия улиц Большой Москвы, образованные от аббревиатур; А. М. Данилова дала в своей статье классификацию названий улиц Москвы, образованных от личных имен; З. В. Суганова писала о географических названиях Москвы в форме родительного падежа существительного, отмечая, что эта модель продуктивна.

Как видим, во всех перечисленных выше статьях и сборниках рассматривались московские топонимы с упором на словообразование, а их этимология почти не затрагивалась. Результаты указанных исследований часто приводятся в процентах, а это,

думается, мало что дает современному читателю, стремящемуся больше узнать о московских названиях.

Первая книга, специально посвященная топонимии Москвы, появилась совсем недавно. Это книга Г. П. Смолицкой и М. В. Горбаневского «Топонимия Москвы» (М., «Наука», 1982). В какой-то мере она вобрала в себя изыскания многих исследователей о названиях Москвы. Здесь можно найти и традиционные мотивировки московских названий, таких, как ул. Благуша, Ватин пер., Весковский пер., ул. Ордынка, Воротниковский пер., ул. Сретенка, Фуркасовский пер., Зубовский бульвар, Обыденские пер., Луков пер., Сокольники, ул. Ширяево Поле, ул. Щипок, Хамовники и др.; и новые гипотезы, например: название Останкино, по мнению авторов, происходит от имени забытого первопоселенца Остана (Останка) или Осташа (Осташка), а Кокуй — от диалектного географического термина *кукуй* — «небольшой лесной островок, рощица среди поля» и др.

В первой части книги говорится и о принципах номинации внутригородских объектов, о радиально-кольцевой планировке исторического центра Москвы, что было уже отмечено П. В. Сытиным, и отражении ее в названиях московских улиц и площадей. Здесь подчеркивается важная мысль о том, что московские топонимы — это культурное достояние всего советского народа, поэтому важно охранять старые названия, очень осторожно относиться к переименованиям.

Вторая часть книги представляет собой ряд очерков об отдельных московских топонимах: Москва, Кремль, Красная площадь, Химки-Ховрино, Крылатское, Лужники и др. Не со всеми мотивировками названий можно согласиться, но значение и необходимость указанной работы очевидны.

Среди статей, посвященных топонимии Москвы, появившихся в последние годы, следует отметить исследования Ю. А. Федосюка, опубликованные в журнале «Русская речь». Статья «Бульварное кольцо» (1980, № 5) — рассказ об одной из древних магистралей Москвы. Многие объяснения названий традиционны, но часто они уточнены или дополнены автором. Например, общеизвестно, что название Сивцев Вражек дано по речке (ручью) Сивке, протекавшей в овраге, но почему Сивцев, а не Сивкин? Ю. А. Федосюк замечает, что Сивка — более позднее имя ручья, а некогда, возможно, ручей звался Сивец, и от такого наименования происходит, может быть, Сивцев Вражек. Название Подколокольный переулок в литературе о Москве чаще всего объясняется как «переулок, находившийся под колокольней». Ю. А. Федосюк выдвигает свою гипотезу: на старинных картах встречается иная форма названия — Подколокольников. Вероятно, это наименование по фамилии или прозвищу домовладельца. Однако и в этой работе есть объяснения, требующие дальнейшего уточнения, подтверждения; например, название урочища Путинки (по которому наименован Большой Путинковский пер.)

выводится либо от «путевого посольского двора», либо от «путей-дорог» на Тверь и Дмитров. Обратим внимание на заключение статьи: автор подчеркивает, что рассматриваемые им названия образуют систему, где нет случайных наименований, что все они характеризуют участки Бульварного кольца по какому-то конкретному, нередко давно утраченному признаку.

В очерке «Красная Пресня» (1980, № 6) Ю. А. Федосюк рассказывает не только об истории данного названия, но и о целом «кусте» топонимов, связанных с героической революционной борьбой москвичей — пресненских рабочих в 1905 и 1917 гг.: пл. Восстания, Шмитовский пр., ул. 1905 года, Красногвардейский бул. и др.

Топонимические сведения содержатся и в обширной популярной литературе о Москве: различных путеводителях, книгах, посвященных отдельным памятным местам, например «Наша главная площадь» (М., 1966) и т. п. Хорошо, если авторы осторожно относятся к этимологии «загадочных» названий и указывают различные гипотезы (как это сделано в книгах Ф. Л. Курлата и Ю. Е. Соколовского «С путеводителем по Москве» и И. К. Мячина «Площади и улицы Москвы», хотя и здесь есть отдельные недочеты), но часто бывает так, что сомнительная этимология кочует из одного путеводителя в другой, например Арбат — от «арба» в качестве единственной мотивировки и т. п.

Следует отметить как наиболее полный и верный в топонимическом отношении путеводитель Ю. А. Федосюка «Лучи от Кремля» (М., 1978). В нем рассказывается о древнейших улицах-радиусах, идущих от центра Москвы, и объясняются их названия: Остоженка (ныне Метростроевская), Ленивка, Балчуг, Большая Полянка и др.

В энциклопедии «Москва» (М., 1980), содержащей огромный материал об историческом прошлом и современности нашей столицы, к сожалению, этимология ряда названий дается приблизительно (см. статьи «Немецкая слобода», «Мещанская улица»), многие московские топонимы не объясняются вовсе (часто это наименования бывших сел и деревень, вошедших в черту города).

Истории новых микрорайонов Москвы, выросших на месте бывших сел и деревень, посвящена книга Н. М. Молевой «Древняя быль новых кварталов» (М., 1982). Очерки содержат не только исторические факты и свод имен владельцев или лиц, живших в той или иной местности, но и по-новому открывают читателю произведения искусства. Например, с Теплым Станом связаны страницы поэзии Ф. И. Тютчева; одно из лучших полотен Третьяковской галереи — портрет Е. Н. Орловой — подсказан страницами истории Конькова. Автор касается и происхождения ряда названий: Ваганьково — селение разного рода потешников, ваганить — «потешать»; иная версия — от слова *ваганы* — «те, кто жил у притока Северной Двины реки Ваги»; Черемушки — либо «черемховая роща, заросли черемухи», либо от

слова *черемша, черемушка* — дикий чеснок. Конечно, подобные толкования нуждаются в проверке и уточнении.

В некоторых популярных изданиях есть целые топонимические отступления и разделы. Например, в книге «Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV—XIX веков», написанной С. Веселовским, В. Снегиревым и Н. Коробковым (М., 1955), находим приложение «О происхождении названий некоторых древнейших селений Подмосковья», и среди них — о вошедших в черту Москвы Марфине, Ивановском, Тропареве, Черкизове, Ховрине и др. (толкования традиционные).

В вышедшей недавно книге Евгения Осетрова «Мое открытие Москвы» автор снова обращается к толкованию происхождения названий Москва, Кремль и других, о которых уже много писали, но интерес к которым не пропадает. И снова звучит, теперь уже из уст писателя, мысль: «Название местности — такая же художественная и историческая ценность, как памятник зодчества или первородный пейзаж... Оберегать наименования следует так же, как оберегаются, скажем, античная или киевская мозаика, средневековая фреска или мраморные изваяния».

Данный далеко не полный обзор показывает, что топонимия Москвы — богатейший материал для исследователей; еще много «темных» названий не получили достоверных объяснений; пока нет работ, посвященных таким внутригородским объектам Москвы, как названия промышленных предприятий, культурно-бытовых объектов, и в этой области топонимии Москвы наименования и переименования должны идти с учетом уже сложившейся системы названий.

ЮБИЛЕЙ МОСКОВСКОЙ ТОПОНИМИКИ

Двадцать пять лет назад, 13 марта 1959 г., на заседании Отделения истории географических знаний и исторической географии Московского филиала Географического общества СССР была создана Топонимическая комиссия. Образование этой комиссии не было явлением случайным или искусственным, обусловленным субъективными интересами отдельных лиц, а закономерно вытекало из всего хода развития отечественной топонимики, впервые получившей распространение в послевоенные годы.

В Москве конца 50-х годов уже имелся ряд важных предпосылок для образования комиссии. Прежде всего это была большая топонимическая работа, проводившаяся в Институте географии Академии наук СССР Э. М. Мурзаевым. Будучи к этому времени уже крупным топонимистом, признанным специалистом по монгольской и тюркской топонимике, Э. М. Мурзаев возглавлял также разработанное им важнейшее направление топонимики, в основе которого лежало понимание исключительного значения местных (народных) географических терминов в образо-

вании названий. Важным этапом в разработке этого направления явился выход в свет в 1959 г. «Словаря местных географических терминов», составленного им в соавторстве с В. Г. Мурзаевой. Как будет показано ниже, это направление в дальнейшем стало одним из основных и в работе Топонимической комиссии.

Второй точкой роста топонимики в Москве можно считать Московский филиал Географического общества СССР, где начиная с 1954 г. в тематику заседаний Отделения истории географических знаний и исторической географии включается топонимика. Из ставившихся там докладов наибольшее значение имели доклады В. А. Никонова, которое заключалось не только в актуальности и научной новизне их содержания. Не менее важно было и то, что именно при обсуждении его докладов впервые была высказана мысль о необходимости создания в МФГО какой-либо топонимической ячейки и о важности развития топонимики в системе Академии наук СССР.

В развитии топонимических исследований была заинтересована и практика. При Институте географии АН СССР в январе 1959 г. было созвано совещание по вопросам транскрипции географических названий, в котором приняли участие представители транскрипционных органов ряда ведомств, выполняющих картографические работы, некоторых издательств, а также институтов географии, русского языка, языкознания АН СССР. И хотя основной целью совещания было решение таких сугубо практических вопросов, как нормализация и стабилизация передачи географических названий, оно имело и большое значение для топонимики. Прежде всего на этом совещании было положено начало сплочению сил географов и лингвистов в целях совместного изучения географических названий. Обе стороны на совещании были представлены учеными первой величины: географов и картографов возглавлял Э. М. Мурзаев, лингвистов — С. И. Ожегов и А. А. Реформатский. Такое содружество оказалось весьма плодотворным и в дальнейшем стало нормой. Важно для нашей темы и то, что на этом совещании в докладах и выступлениях Е. М. Поспелова и Э. М. Мурзаева были высказаны соображения о принципиальной важности топонимики как научной базы для разработки правил передачи названий и о необходимости создания научного топонимического центра.

Немалую роль в распространении топонимических знаний среди географов сыграл реферативный журнал «География», начавший с 1958 г. систематическую публикацию рефератов топонимических статей из географической и ономастической периодики. Анализ этих статей показывал успешное развитие теоретической топонимики в ряде зарубежных стран, эффективность ее прикладного применения в географии, языкознании и истории, причем было видно, что наибольших успехов в топонимических исследованиях добивались страны, имевшие специальные научные топонимические центры и издания.

Из сказанного видно, что к 1959 г. мысль о необходимости создания топонимического центра уже получила широкое распространение — она буквально витала в воздухе, и вопрос заключался лишь в том, где, при какой московской организации такой центр может быть создан. То, что первым на запрос общественности откликнулось Географическое общество, было вполне закономерно и вытекало из его прогрессивных традиций.

Подтверждением объективной необходимости создания Топонимической комиссии может служить и то, что в это же время топонимические центры появляются и в других городах. В 1958 г. при Томском педагогическом институте создается картотека топонимов Западной Сибири. В Киеве в 1959 г. проводится первое на Украине и в СССР совещание по вопросам топонимики, а в 1960 г. создается Украинская ономастическая комиссия. С 1959 г. ведется топонимическая работа в Уральском университете и в Институте языка и литературы АН Литовской ССР, а с 1961 г. начаты систематический сбор и обработка топонимического материала в Институте языка и литературы Молдавской ССР.

Таким образом, в разных местах топонимика сосредоточивалась при различных учреждениях. То, что в Москве она оказалась при Географическом обществе, теперь, по прошествии 25 лет, следует признать исключительно удачным. Именно это решение позволило на подлинно демократической вневедомственной основе объединить усилия географов и представителей многих других специальностей на благо развития отечественной топонимики.

Это объединение усилий в течение всех 25 лет находило отражение в составе руководящего органа комиссии — ее бюро. В первый состав бюро вошли В. А. Никонов (председатель), географ О. Р. Назаревский и лингвист А. В. Суперанская (ныне оба — доктора наук); в 1961 г. председателем был снова избран В. А. Никонов, его заместителем — Е. М. Поспелов (с 1964 г. — председатель), а учеными секретарями — Г. П. Бондарук, работающая на этом посту до настоящего времени, и Н. В. Подольская. В последующие годы в состав бюро избирались В. Д. Беленькая и А. В. Суперанская, а также Г. П. Смолицкая, Р. А. Агеева и А. А. Минкин, которые входят и в современный состав бюро.

Для Топонимической комиссии было большой удачей, что на самом ответственном этапе ее существования — этапе становления — она возглавлялась именно В. А. Никоновым. Его неоценимой заслугой следует прежде всего признать неукоснительную борьбу с дилетантством, с расхожими «очевидными» толкованиями названий, с кабинетным подбором для объяснения названий мало-мальски «подходящих» слов из словаря первого попавшегося языка. Борьба со всеми формами проявления дилетантства на том этапе развития топонимики была совершенно необходи-

ма: широкий интерес к топонимике был очевиден, а научная база для его удовлетворения была еще крайне недостаточна.

Поэтому второй заботой В. А. Никонова было всемерное развитие топонимики как науки. Отсюда шло его стремление к выявлению и формулированию топонимических «законов», внимание к методам исследования, особенно к внедрению суффиксального (формантного) метода взамен опорочившего себя корнеискательства. Для успешной работы комиссии на всем протяжении ее деятельности принципиально важным было сформулированное В. А. Никоновым положение о том, что занимающийся топонимикой не должен быть только географом, лингвистом или историком, а должен быть топонимистом. В основе этого тезиса лежит понимание пограничного характера топонимики. Поэтому для успешных занятий топонимикой представитель любой науки должен обладать необходимыми познаниями и в смежных областях, не говоря уже о том, что он обязан глубоко знать и собственно топонимику, ее принципы и методы.

С самого начала существования комиссии в качестве основных были приняты две формы работы: ежемесячные заседания и дополняющие их совещания. Кроме того, организовывались выставки, семинары, выездные заседания и т. п. На ежемесячных заседаниях обычно заслушивался один научный доклад, зачастую дополняемый кратким сообщением информационного характера. В отдельных случаях на заседания выносились по два взаимосвязанных или близких по теме доклада.

Тематика научных докладов очень разнообразна, что определяется широким диапазоном научных интересов членов комиссии и их стремлением обсудить с коллегами планы своих работ или результаты, полученные на различных этапах исследования. Поэтому попытки подчинить доклады хотя бы в течение одного года какой-либо одной общей теме удавались далеко не в полной мере. Выходом из этого положения служило проведение тематических совещаний.

Рассмотрим основные научные направления работы Топонимической комиссии за истекшую четверть века. Прежде всего следует отметить, что комиссия всегда стремилась отразить в своей работе важнейшие события в жизни страны. Так, к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина был сделан доклад о названиях, связанных с его именем, а к 100-летию рождения вождя — доклад «Лениниана в топонимии городов мира». Специальным сообщением было отмечено 50-летие переименования Петрограда в Ленинград. К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции были подведены итоги поступательного развития отечественной топонимики за годы Советской власти (все эти доклады сделаны Е. М. Поспеловым).

Из других направлений деятельности первым нужно указать разработку теоретических основ топонимики. Методологические вопросы топонимики рассматривались на совещании «Принципы

топонимики» (1962 г.). Из девяти заслушанных на нем докладов центральными были доклады А. А. Реформатского, Э. М. Мурзаева и А. И. Попова, авторы которых рассматривали топонимику с позиций языкознания, географии и истории соответственно. Говоря об участии представителей этих наук в топонимическом исследовании, А. А. Реформатский географам отвел поиск материала, лингвистам — его анализ и интерпретацию, а историкам — использование. Однако, учитывая позитивный характер географических названий, их связь с характерными признаками географического объекта, географы не могли согласиться с ограничением их роли столь скромной задачей. Раскрывая географическую сущность явлений, они вносят весомый вклад в познание содержания названий. Одновременно было показано, что и без учета исторических данных, выявляемых и объясняемых историческими методами, невозможна полная и правильная интерпретация топонимов.

В. А. Никонов в докладе на этом совещании, а также в ряде докладов на заседаниях комиссии охватил широкий круг вопросов теории топонимики: предмет ее изучения, законы топонимики, изменяемость названий, методы исследования, типология, критика дилетантства, борьба с региональной ограниченностью. Против упрощенчества был направлен и доклад А. В. Суперанской «Анализ названий населенных пунктов», сделанный на втором заседании комиссии. Его значение не ограничивалось критикой примитивного любительства, а содержало также важный материал для построения топонимических классификаций. Этим очень важным, но и очень трудным вопросом комиссия занималась неоднократно, причем даже был поставлен специальный доклад «О современных топонимических классификациях» (З. В. Рубцова, 1968).

Информативность топонимии, русская научная топонимическая терминология, славянизация иноязычных топонимов разрабатывались Н. В. Подольской. Ряд докладов был посвящен применению в топонимике картографического метода (Е. М. Поспелов, 1962; Е. Л. Любимова, 1969) и математики (Е. М. Поспелов, 1965; Г. М. Хованов, 1969), использованию в топонимических исследованиях архивных материалов (Б. С. Белокуров, 1966), писцовых книг (Г. П. Смолицкая, 1971), «Книги Большому чертежу» (А. В. Барандеев, 1970).

Внимание комиссии привлекли также отдельные классы названий, некоторым из них были посвящены специальные совещания: «Микротопонимия» (1964), «Оронимика» (1969) и «Гидронимика» (1965); последнее хотя и проводилось в Киеве, но в нем участвовали ряд членов Топонимической комиссии МФГО (В. Д. Беленькая, В. А. Никонов, М. Н. Морозова, Э. М. Мурзаев, Е. М. Поспелов, В. В. Седов, Г. П. Смолицкая). На этих совещаниях было определено содержание соответствующих классов названий; выявлены специфические особенности, отличающие

их от других классов названий; рассмотрены местные особенности названий данного класса в различных регионах.

В неразрывной связи с разработкой теоретических основ топонимики находится изучение ее истории. Не подлежит сомнению, что одной из причин, породивших низкий уровень топонимики 50-х годов, было недостаточное знакомство широких кругов специалистов, интересующихся географическими названиями, с успехами русских топонимистов XVIII — начала XX в., с работами советских ученых. Со времен В. Н. Татищева в России, а затем в Советском Союзе топонимикой занимались многие ученые, в работах которых можно найти множество интересных мыслей, наблюдений, выводов, сохраняющих научное значение и в настоящее время. Однако все это было рассредоточено по различным изданиям, подчас весьма редким, никем в прошлом не обобщалось и поэтому или открывалось заново, или иногда использовалось без ссылок на первоисточник.

Стремясь воздать должное нашим предшественникам, разумно использовать их ценное наследие, восстановить их научный приоритет, комиссия ставит доклады, посвященные топонимическим работам А. Х. Востокова (Никонов, 1962), В. П. Семенова-Тян-Шанского (Поспелов, 1963), А. Ф. Орлова (Картавцов, 1964). В 1967 г. проводилась специальная конференция «История топонимики в СССР», на которой были представлены доклады, довольно четко объединяемые по тематике в три группы.

Первая группа докладов была посвящена собственно истории топонимики. Сюда вошли доклады по развитию топонимических методов: этимологического (Ю. А. Карпенко), формантного (Г. П. Бондарук), исторического (А. И. Попов); по истории топонимических классификаций (Е. М. Черняховская) и научной топонимической терминологии (Н. В. Подольская); по истории исследования топонимии морей (Б. Г. Масленников). Вторую группу составили доклады, посвященные топонимическому наследию отдельных ученых: М. А. Кастрена (Р. А. Агеева), В. В. Радлова (Г. Ф. Благова), Н. Я. Марра (Э. М. Мурзаев), а третью — доклады по топонимическому использованию старинных карт вообще (Е. М. Поспелов), карт генерального межевания (Г. П. Смолицкая) и по топонимическому содержанию карты Сибири Н. Витсена 1687 г. (М. И. Наврот). Обобщающий доклад о развитии топонимических идей и методов в России XVIII—XIX вв. был сделан Е. М. Поспеловым в 1976 г., а год спустя Р. А. Агеева рассмотрела труды отечественных ученых XVIII—XIX вв., использовавших топонимию как источник для изучения истории заселения края, сопроводив название доклада подзаголовком «Из истории топонимической науки».

Члены комиссии отчетливо представляют, что сделанное следует рассматривать лишь как начало большой и важной работы по освоению наследия наших предшественников. Впереди составление исчерпывающей библиографии работ по топонимике,

изданных в дореволюционное время, освоение богатого рукописного наследия, систематизация и изучение всего этого материала, введение в научный оборот содержащихся в нем наблюдений, фактов, выводов и этимологий, важных в историческом отношении или сохранивших научную ценность до наших дней.

Другие важнейшие направления научной деятельности Топонимической комиссии были определены тем, что она возникла и работает в составе Московского филиала Географического общества СССР. Из этого вытекает, прежде всего, максимальная географизация тематики, стремление поставить топонимику на службу географии, заинтересовать в ней географов, привлечь их к участию в работе комиссии. А во-вторых, это сказывается на региональных интересах комиссии, сосредоточенных на территории, входящей в зону филиала, и в частности на Московской области в городе Москве.

Географическое направление работы комиссии прежде всего потребовало постановки ряда докладов, показывающих связи топонимики с отдельными географическими науками. К числу таких докладов относятся «Топонимика и картография» (Поспелов, 1960), «Урбанизация и топонимика» (Поспелов, 1974), «Топонимика и историческая география» (Поспелов, 1975), «Топонимика и историческая этнография» (Никонов, 1963), а также ряд документов, показывающих отражение в топонимии характерных черт природы территории: «Картографирование растительности и рельефа по данным топонимики» (Любимова, 1963), «Гидронимы фитонимического и зоонимического происхождения» (Вендина, 1970), «Тюркско-монгольские фитотопонимы» (Мурзаев, 1981).

Из частных направлений приложения топонимики к географии наибольшее развитие получили следующие: топонимика и местная (народная) географическая терминология, топонимика и историческая география, топонимика и передача географических названий.

Изучение в комиссии местной географической терминологии и ее значения в образовании топонимов, а также значения топонимии как важнейшего консерванта множества народных географических терминов, понимание явления смыслового сдвига и терминологических ареалов основываются на трудах Э. М. Мурзаева. Он же и возглавил это направление, оказавшееся исключительно плодотворным. Его доклад «О местных географических терминах» (1959) — один из первых на тогда еще только что созданной Топонимической комиссии — имел программный характер и надолго определил направление дальнейшей работы в области местной географической терминологии, а также терминологическую направленность многих работ регионального характера. Все это нашло яркое выражение в докладах на конференции «Местные географические термины в топонимии» (1966).

7—1360

На этой конференции с докладом «Некоторые проблемы и задачи изучения славянских географических терминов» выступил Н. И. Толстой, возглавивший в комиссии работу по изучению славянской географической терминологии. Позже он сделал обзорный доклад «Славянские областные словари географических терминов» (1967), а в 1970 г. комиссия обсудила его книгу «Славянская географическая терминология» (М., «Наука», 1969) и дала ей высокую оценку, отметив, что она является первой монографией по географической терминологии, изданной в СССР. В том же году Л. Г. Невская сделала доклад «Балтийские географические апеллятивы», отразивший ее работу над монографией «Балтийская географическая терминология» (М., «Наука», 1977). Словарь балтийских апеллятивов из этой монографии (о котором она и докладывала на комиссии) служит ценнейшим пособием для топонимистов, сталкивающихся с балтийскими названиями.

Из региональных докладов более узкого территориального охвата отметим два: «Местная географическая терминология Северо-Восточного Полесья Украины» (Черепанова, 1971) и «Географическая терминология Воронежской области» (Дьякова, 1971). Практическую картографическую направленность имеет ряд докладов Г. П. Бондарук, объединяемых общей темой «Местные географические термины, формирующие русскую топонимию». Итогом исследования также должен явиться словарь.

Комиссия была в курсе работы Э. М. Мурзаева над новым словарем народных географических терминов. В докладе «Заметки по географической терминологии Русской равнины» (1975) он сообщил о замысле словаря и на примере ряда терминов ознакомил слушателей с его содержанием. Идея создания этого капитального произведения получила единодушное одобрение всех присутствовавших.

Теснейшая связь топонимики с исторической географией всегда была традиционна для русской науки. Известно, что историческая география стояла у колыбели топонимики и первыми отечественными топонимистами были историко-географы. Как было сказано выше, и наша Топонимическая комиссия отпочковалась от отделения исторической географии. Поэтому нельзя считать случайностью, что проблема «Топонимика и историческая география» оказалась представленной в работе комиссии буквально с первого дня ее существования — на заседании 13 марта 1959 г., на котором была образована комиссия, В. А. Никонов выступил с докладом «Западная граница мордвы», и, хотя определение этнических границ по данным топонимики относится к числу классических задач, известных еще со времен античности, этот доклад был новаторским по методике применения данных топонимики и смежных наук.

 К числу традиционных могли быть отнесены также темы до-

кладов Г. С. Кнабе «Племенные названия вятичей, венетов, антов» (1964), А. М. Членова — о названиях Русь (1967) и Киев (1976).

Однако историко-географические доклады в 60-х годах были единичными и буквально терялись среди потока докладов лексико-семантической и особенно структурно-грамматической тематики, бывшей в те годы особенно модной. В этих условиях бюро комиссии, не считая возможным отвергать эту тематику и тем самым лишать многих своих членов возможности выступить, все же было вынуждено поставить условие: «Ни одного доклада без историко-географического вывода». Благодаря этому стало недостаточно скрупулезного подсчета топоформанта или построения остроумных этимологий — все это следовало подкреплять доказательными историко-географическими соображениями, осмысливать, отражением каких историко-географических процессов служат выявленные топонимические факты.

Но по мере развития топонимики, совершенствования ее методов и расширения ее возможностей, а также в связи с одновременным развитием исторической географии и усложнением ее запросов задачи, которые может решать топонимика в интересах исторической географии, постоянно усложняются, становятся все более разнообразными. В связи с этим Топонимическая комиссия приняла решение начиная с 1975 г. сосредоточить свое внимание на применении топонимики в историко-географических целях.

Реализуя это решение, на заседаниях Топонимической комиссии в 1975—1976 гг. был поставлен ряд историко-географических докладов, выпущен сборник «Топонимика и историческая география» (М., 1976), проведена конференция «Топонимика — исторической географии» (1977), материалы которой опубликованы в серии «Вопросы географии» (сб. 100. — М., «Мысль», 1976). В последующие годы эта тематика постоянно присутствует в планах работы комиссии. Особенно широко она представлена на совещании «Топонимия Москвы» (1981), где топонимика была широко использована для реконструкции территории города (доклады Р. А. Агеевой, Э. М. Мурзаева, Н. В. Подольской, Е. М. Поспелова, Г. П. Смолицкой).

Передача иноязычных названий по праву относится к числу важнейших задач прикладной топонимики, и поэтому в работе Топонимической комиссии ей было отведено заметное место. Планируя доклады по этой тематике, комиссия всегда стремилась сосредоточить внимание на принципиальных положениях передачи названий, нуждающихся в научном топонимическом обосновании. Из докладов такого характера первым был доклад К. А. Салищева (1961) о постановке транскрипционного дела в США и об издании списков географических названий («газеттиров»), основанный на личном знакомстве с организацией этой работы. Под впечатлением от этого доклада в мае 1962 г. была

создана рабочая группа по машинному анализу топонимии и транскрипции.

Важное теоретическое значение имели доклады А. В. Суперанской (1964) «Переводимые и непереводимые формы названий» и Г. И. Донидзе (1975) «Важнейшие проблемы русской передачи нерусских топонимов Советского Союза в условиях общности алфавитов русского и других языков народов СССР». Доклады более узкого содержания ставились лишь при условии наличия каких-либо особенно интересных моментов. Так, доклад Г. В. Наумова (1962) «Транскрипция географических названий Якутии» был основан на полевых наблюдениях; в докладе Г. П. Бондарук (1964) «Передача украинских и белорусских названий по-русски» хорошо были показаны трудности, возникающие вследствие близости этих языков. Очевидна без комментариев сложность вопросов, освещавшихся в докладах Н. К. Тарасюк (1974) «Передача французской топонимии США» и И. П. Литвин (1975) «Гибридная топонимия Латинской Америки и некоторые особенности ее передачи по-русски». В эту же категорию входят и два доклада по транскрипции и топонимике на языке эсперанто (Д. Л. Арманд, 1961; Б. В. Токарев, 1977).

Одним из ответственных направлений работы комиссии в 60-х годах было рассмотрение списков переименований населенных пунктов ряда областей РСФСР (Калужской, Костромской, Рязанской и др.), производившееся по указанию Президиума Верховного Совета РСФСР. В связи с выполнением этой работы на заседании комиссии 14 января 1965 г. по докладу Г. П. Бондарук были обсуждены принципы переименования населенных пунктов Российской Федерации.

В последние годы в круг интересов комиссии вошло также топонимическое обеспечение школьной географии. В докладе Е. М. Поспелова (1981) «Топонимика в школьной географии» было показано значение топонимики для изучения географической номенклатуры в школе, включая отбор изучаемых названий (или форм названий), их правописание, произношение, смысловое значение, использование перефрастических характеристик. В развитие этой темы И. П. Литвин (1982) на совместном заседании комиссии с лабораторией обучения географии НИИСиМО АПН СССР доложила о результатах анализа передачи и написания названий в школьных учебниках географии, выполненного сотрудниками отдела географических названий ЦНИИГАиК, на общественных началах. Дальнейшее развитие тема получила в статьях Е. М. Поспелова в сборниках «Топонимика зарубежных стран» (М., 1981) и «Прикладная топонимика» (М., 1983), где говорится, в частности, о всеобщем начальном топонимическом образовании населения, осуществляемом через среднюю школу, и о создании специально для школьников современного топонимического словаря.

Доклады по региональной топонимике, т. е. посвященные изучению региональных топонимических систем различных рангов в целом или по отдельным компонентам (пластам, моделям, классам названий), всегда занимают значительное место в работе комиссии — на их долю приходится около половины всех докладов. Уже в мае 1959 г. состоялось первое организованное комиссией совещание, которое было посвящено региональным топонимическим словарям. Правда, это совещание было весьма скромным по размаху — на нем было всего два доклада: А. И. Ященко — о топонимическом словаре Курской области и Н. С. Студенова — о гидронимическом словаре Ярославской области. Год спустя В. А. Никонов докладывал комиссии о работе, проделанной им по созданию топонимического словаря Ульяновского района Ульяновской области.

При обсуждении этих словарей В. А. Никоновым были впервые высказаны мысли против «региональной ограниченности», суть которых состояла в следующем. Топонимы любой территории всегда разноязычны, а ключ к их раскрытию лежит в топонимии других, иногда весьма удаленных территорий. Так, объяснение старинного московского названия Кокуй находится далеко на востоке, Арбат — на юге, Черторой — на юго-западе, а Пресня — на западе. Поэтому региональные топонимические обзоры обязательно требуют привлечения сравнительных данных из других регионов, широкого топонимического кругозора. Эти совершенно правильные положения были особенно справедливы по отношению к составлению топонимических словарей или систематических региональных обзоров.

В то же время работы более частного характера, посвященные рассмотрению какого-либо класса названий (реки, горы, населенные пункты и т. п.), отдельных народных географических терминов, формантов и т. д., чтобы не утратить конкретности, связи с реальной топонимией, по существу не могут не быть региональными.

Конечно, комиссия стремилась в первую очередь познать топонимию зоны Московского филиала Географического общества, которая включает территории 19 областей РСФСР и Мордовской АССР. Поскольку 12 областей относятся к Центральному экономическому району, а остальные находятся в примыкающих к нему частях трех других экономических районов, вся эта зона условно именуется Центром.

Существенный вклад в изучение топонимии Центра внесли: Г. П. Бондарук, выступавшая с рядом докладов и статей по местной терминологии и топонимии Центра в целом и его отдельных районов; Г. П. Смолицкая, неоднократно информировавшая комиссию о своих исследованиях гидронимии бассейна Оки; М. Н. Морозова, глубоко изучавшая Калужскую, Орловскую и Тамбовскую области; большой знаток калужской топонимии К. М. Ярхо; М. Я. Гуревич (Тамбов), Б. Н. Перлин (Смоленск),

Н. С. Студенов (Обнинск) и Л. Л. Трубе (Горький), изучавшие топонимию своих родных городов, и многие другие ученые.

На основании их исследований, а также всей совокупности опубликованных по региону топонимических трудов Е. М. Поспелов выступил с обобщающим докладом «Топонимическая изученность центральных областей европейской части РСФСР» (1967), в котором показал, что в лучшую сторону по своей изученности выделяются в регионе Калужская, Московская и Тамбовская области и что дальнейшее топонимическое изучение Центра тормозится из-за отсутствия инвентарных сводок топонимов, и в частности гидронимов. Как известно, благодаря труду Г. П. Смолицкой «Гидронимия бассейна Оки» (М., 1976) для значительной части Центра проблема инвентаризации гидронимии была вскоре блестяще разрешена.

В целях дальнейшей активизации работ по топонимическому изучению зоны МФГО в 1972 г. было организовано совещание «Топонимия Центра», на котором было заслушано 19 докладов по наиболее актуальным проблемам топонимики региона. В их числе был доклад Е. М. Поспелова «Содержание Топонимического атласа Центра». Атлас проектировался как комплексное научно-справочное произведение, содержащее свод и обобщение современных данных топонимии центральных областей европейской части СССР и дающее ее полную и всестороннюю характеристику. Однако вследствие ряда организационных и технических трудностей, обусловленных созданием атласа в Топонимической комиссии, т. е. полностью на общественных началах, работа над ним не получила необходимого развития.

Детализация топонимического изучения Центра обусловила прежде всего обращение к исследованию топонимии Московской области. Статьи Г. П. Смолицкой, Е. М. Поспелова, М. В. Горбаневского, посвященные этой теме и содержащие материалы для областного топонимического словаря, опубликованы в сборнике «Проблемы восточнославянской топонимии» (М., 1979). А дальнейшая детализация привела к проведению совещания «Топонимия Москвы» (1981), материалы которого послужили основой для настоящего сборника. Интерес комиссии к изучению топонимии Москвы и Московской области сохранился и после совещания: в 1983 г. были подготовлены доклады Р. А. Агеевой «Гидронимия Москвы» и А. П. Афанасьева «Западные границы ареала пермских топонимов», в котором выдвинута смелая гипотеза о былом распространении пермской топонимии вплоть до центра современной Московской области.

Постановка довольно значительного числа докладов, посвященных изучению топонимии других регионов СССР и зарубежных стран, была обусловлена постоянными научными интересами ряда членов комиссии. Так, Р. А. Агеева в течение ряда лет исследовала топонимию Северо-Запада — Псковских и Новгородских земель, А. П. Афанасьев в ряде докладов рассматри-

вал топонимию и местную географическую терминологию бассейна Мезени, В. Д. Беленькая занималась топонимией англоязычных стран, Т. П. Егорова — скандинавской топонимией, И. П. Литвин — топонимией Латинской Америки, А. Г. Масленников — морской гидронимией Мирового океана, А. А. Минкин — топонимией Кольского полуострова, Э. М. Мурзаев — топонимией Средней и Центральной Азии, а также тюрко- и монголоязычной топонимией по всей территории их распространения, В. П. Нерознак — древней индоевропейской топонимией Балканского полуострова и Малой Азии, В. И. Савина — иранской топонимией.

Кроме того, были многочисленные случаи эпизодического обращения к региональной тематике. В немалой степени они были связаны с проведением в 1961 г. совещания «Топонимика Востока» и последующей публикацией четырех сборников (1962—1980). Заметим, что Восток трактовался в них широко, включая Коми и Удмуртскую АССР в европейской части СССР, всю Азию, Африку, Австралию и Океанию.

Говоря о докладах региональной тематики, следует отметить такой важный источник их постановки, как выступления наших гостей. Дело в том, что у Топонимической комиссии за время ее существования сложились прочные научные и деловые связи с рядом топонимических центров страны, со многими советскими и зарубежными учеными. Так, на заседаниях комиссии выступали И. А. Воробьева (Барнаул), В. Ф. Дамбе (Рига), А. П. Дульзон (Томск), В. А. Жучкевич (Минск), В. П. Загоровский (Воронеж), Ю. А. Карпенко (Одесса), Дж. Н. Коков (Нальчик), А. С. Кривощекова-Гантман (Пермь), А. К. Матвеев (Свердловск), О. Т. Молчанова (Ярославль), Е. С. Отин (Донецк), А. С. Стрижак (Киев), Р. Х. Сухабева (Казань), Л. Л. Трубе (Горький), К. К. Целуйко (Киев) и многие другие ученые, а также видные зарубежные топонимисты — В. Михайлович (Югославия), Б. Симеонов (Болгария), В. Шпербер (ГДР), Э. Эйхлер (ГДР).

Конечно, кроме региональной топонимики в докладах многих наших гостей рассматривались теоретические вопросы топонимики, а также сообщалась ценнейшая информация о работе топонимических центров в Томске, Свердловске, на Украине, в Белоруссии, Латвии и в других местах.

Логическим развитием региональной тематики географической по своей сущности комиссии было проведение в феврале 1984 г. всесоюзной конференции «Топонимика в региональных географических исследованиях». Таким образом, речь шла уже не вообще о региональной топонимике, а о целенаправленных региональных исследованиях, способствующих решению конкретных географических задач. Как видно из опубликованных тезисов конференции, возможности топонимики в этом отношении исключительно широки и разнообразны.

Комиссия обращала постоянное внимание на ознакомление своих членов с отечественной и зарубежной топонимической литературой. В течение десяти лет (1962—1971 гг.) это ознакомление осуществлялось с помощью Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы, где устраивались ежегодные выставки новых зарубежных изданий, сопровождаемые лекциями-обзорами библиографов-топонимистов (А. Г. Симоновой, Р. А. Агеевой, Л. И. Изотовой).

На текущих заседаниях комиссии в дополнение к основным докладам зачастую ставится информация о новых топонимических работах. Можно с уверенностью сказать, что в их числе были все наиболее значительные произведения, такие, как нормативный Словарь географических названий СССР, «Славянская географическая терминология» Н. И. Толстого, Краткий топонимический словарь Белоруссии В. А. Жучкевича, Краткий толковый словарь топонимов Казахстана Е. Койчубаева, «Кабардинские географические названия» Дж. Н. Кокова, «Русская топонимия средней части бассейна Оби» И. А. Воробьевой, «Названия народов СССР» А. И. Попова, «Антропотопонимы ТАССР» Г. Ф. Саттарова и многие другие отечественные книги.

Из зарубежных изданий помимо помещенных для обозрения на выставках предметом специального рассмотрения были польский Топонимический словарь И. Сташевского, работа бывшего руководителя английской транскрипционной службы М. Оруссо «Передача географических названий», инвентарный свод гидронимов России М. Фасмера, «Стратиграфия славянской топонимии» С. Роспонда.

Ставились и обобщающие библиографические доклады: «Топонимика в реферативном журнале «География»» (А. Ф. Дальковская, 1968), «Библиография ономастики СССР» (Н. В. Подольская, 1972), «Библиография авторефератов диссертаций по топонимике, защищенных в 1948—1973 гг.» (В. Э. Сталтмане, 1974).

Выездные заседания Топонимической комиссии в отделы Московского филиала рассматривались как важная форма пропаганды топонимики, как средство активизации топонимических исследований в отделах и сбора топонимического материала на местах. Такие заседания проводились в 1963—1972 гг. в Рязани, Ярославле, Владимире, Обнинске (дважды), Смоленске, Калинине, Тамбове, Калуге. Каждое из таких заседаний обычно вызывало «всплеск» топонимической активности, а при условии публикации результатов — иногда довольно значительный: как правило, удавалось заслушать 4—5 топонимических докладов представителей местного отделения общества и столько же докладов москвичей, обычно также посвященных топонимии соответствующей области. Понятно, что подобные доклады способствовали научному взаимообогащению и местных краеведов, и

 московских топонимистов. Однако с сожалением приходится

констатировать, что лишь у немногих местных участников выездных заседаний топонимика превратилась в постоянное научное увлечение и они пополнили ряды актива нашей комиссии.

Предметом постоянной заботы комиссии была подготовка топонимических кадров. Этой цели были посвящены прежде всего два топонимических семинара, организованные для молодых топонимистов Советского Союза (1963 г.) и городов зоны Московского филиала (1971 г.). Участники прослушали лекции по различным вопросам топонимики, познакомились с новой топонимической литературой, с методами топонимических исследований, с методикой полевого сбора топонимического материала.

Этой же задаче служили два совещания «Топонимика в вузах» (1962 и 1967 гг.), имевшие целью прежде всего обмен информацией о внедрении топонимики в учебный процесс географических и филологических факультетов педагогических институтов и университетов и обмен опытом преподавания топонимики. На первом совещании с докладом «Топонимика в высших учебных заведениях» выступил В. А. Никонов, показавший не только желательность специальных курсов «Топонимия», но и настоятельную необходимость насыщения топонимическим материалом ряда лингвистических курсов. А значение топонимики в географическом образовании было рассмотрено в докладе Е. М. Поспелова на этом же совещании.

Результаты за первое пятилетие были подведены на совещании 1967 г. Из сообщений с мест выяснилось, что значительно возросло число институтов и университетов, в которых читались курсы топонимики и ономастики, и что на географических и филологических факультетах ряда вузов ежегодно пишутся дипломные и курсовые работы по топонимике.

Подводя итоги работы Топонимической комиссии, необходимо отметить исключительную регулярность ее работы: в течение 25 лет ежемесячно, с октября по май, проводятся заседания, на каждом из которых заслушивается научный доклад. Всего таких заседаний проведено свыше 200. Кроме того, проведено 13 тематических научных совещаний и конференций и 18 студенческих конференций. За эти годы опубликовано 36 книг и брошюр общим объемом 235 печатных листов. Все это позволяет без ложной скромности утверждать, что Топонимическая комиссия МФГО является полноценным топонимическим научным подразделением географического профиля и, безусловно, наиболее крупной и работоспособной топонимической комиссией в составе всего Географического общества СССР.

Председатель Топонимической комиссии
Е. М. Поспелов

ПУБЛИКАЦИИ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

1961. Совещание по топонимике Востока (тезисы докладов). М., 38 с.

1962. Принципы топонимики. Материалы к совещанию. М., Изд. АН СССР, 28 с.
Топонимика Востока. Ред. Э. М. Мурзаев, В. А. Никонов, В. В. Цыбульский. М., Изд. Вост. лит-ры, 212 с.
Географические названия (Вопр. геогр., сб. 58). Ред. Э. М. Мурзаев, В. А. Никонов. М., Географгиз, 182 с.

1964. Топонимический минимум (указатель литературы). Ред. В. А. Никонов. М., 24 с.
Принципы топонимики. Ред. В. А. Никонов, О. Н. Трубачев. М., «Наука», 152 с.
Микротопонимия. Тезисы совещания. М., Изд. Моск. ун-та, 34 с.
Топонимика Востока. Новые исследования. Ред. Г. П. Бондарук, Э. М. Мурзаев, В. А. Никонов, В. В. Цыбульский. М., «Наука», 228 с.

1965. Иностранная литература по топонимике. Библиографический обзор. Ред. В. А. Никонов, А. Г. Симонова. М., «Книга», 40 с.

1966. Изучение географических названий (Вопр. геогр., сб. 70). Ред. Э. М. Мурзаев, В. А. Никонов. М., «Мысль», 208 с.
Местные географические термины в топонимии. Ред. Э. М. Мурзаев, Е. М. Поспелов, Н. И. Толстой. М., 35 с.

1967. История топонимики в СССР. Тезисы докладов. Ред. Е. М. Поспелов. М., 42 с.
Топонимика, вып. 1 (М-лы МФГО СССР). Ред. Е. М. Поспелов. М., 35 с.
Топонимика, вып. 2 (М-лы МФГО СССР). Ред. Е. М. Поспелов. М., 40 с.
Микротопонимия. Отв. ред. О. С. Ахманова. М., Изд. Моск. ун-та, 154 с.

1969. Топонимика Востока. Исследования и материалы. Ред. коллегия: Э. М. Мурзаев, В. А. Никонов, В. В. Цыбульский. М., «Наука», 240 с.
Оронимика. Ред. коллегия: В. Д. Беленькая, Г. П. Бондарук, Е. М. Поспелов, А. В. Суперанская. М., 70 с.
Топонимика, вып. 3 (М-лы МФГО СССР). Ред.: В. Д. Беленькая, Е. М. Поспелов. М., 34 с.

1970. Руководство для собирания топонимов, микротопонимов, местных географических терминов и построения топонимических картотек центральных областей Европейской части СССР. Ред. Н. В. Подольская. М., 15 с.
Топонимика, вып. 4 (М-лы МФГО СССР). Ред.: В. Д. Беленькая, Е. М. Поспелов. М., 36 с.
Местные географические термины (Вопр. геогр., сб. 81). Ред. Е. М. Поспелов, Н. И. Толстой. М., «Мысль», 224 с.
Развитие методов топонимических исследований. Ред. Е. М. Поспелов. М., «Наука», 112 с.

1971. Топономика, вып. 5 (М-лы МФГО СССР). Ред. Е. М. Поспелов. М., 37 с.

1972. Топонимия Центра (тезисы докладов). Ред. Е. М. Поспелов. М., 32 с.
Вопросы топонимики СССР. Материалы Топонимической комиссии 1971/72 г. Ред. Е. М. Поспелов. М., 59 с.

1974. Топонимия Центральной России (Вопр. геогр., сб. 94). Ред. Е. М. Поспелов. М., «Мысль», 224 с.

Исследования по топонимике. Материалы Топонимической комиссии 1972/73 г. Ред.: Н. В. Подольская, Е. М. Поспелов. М., 64 с.

Топонимические карты. Аннотированный указатель. Ред. А. В. Козлова. М., Гос. библ. СССР им. В. И. Ленина, 132 с.

1975. Теория и практика топонимических исследований. Материалы Топонимической комиссии 1973/74 г. Ред.: Н. В. Подольская, Е. М. Поспелов. М., 100 с.

1976. Топонимика и историческая география. Ред. Е. М. Поспелов. М., 84 с.

1979. Проблемы восточнославянской топонимии. Ред.: Р. А. Агеева, Е. М. Поспелов. М., 152 с.

Топонимика на службе географии (Вопр. геогр., сб. 110). Ред. Е. М. Поспелов. М., «Мысль», 208 с.

1981. Топонимика зарубежных стран. Ред.: В. Д. Беленькая, Е. М. Поспелов. М., 118 с.

1983. Прикладная топонимика. Ред. Р. А. Агеева. М., 116 с.

1984. Топонимика в региональных географических исследованиях. Тезисы докладов. Ред. Е. М. Поспелов. М., 110 с.

ЛИТЕРАТУРА

Владимир Ильич Ленин. Биография. Изд. 6.— М., 1981.

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 1—12.— М., 1970—1982.

Ленин в Москве и Подмосковье. Изд. 3.— М., 1980.

Ленин. Историко-биографический атлас. Изд. 3.— М., 1980.

Ленинские декреты о Москве.— М., 1978.

Агеенко Ф. Л. Ударения в названиях улиц Москвы и в географических названиях Московской области.— М., 1980.

Александров Ю. Н. Планы Москвы 1814 г. как исторический источник.— История СССР, 1969, № 5.

Александровский М. А., Сытин П. В. Новые названия московских улиц.— Коммунальное хозяйство, 1922, № 8—9.

Бадер О. Н., Халиков А. Х. Памятники балановской культуры.— Свод археологических источников, вып. 1—15. — М., 1976.

Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (Ономастика).— Киев, 1972.

Белокуров С. А. Древнерусская картография, вып. 1. Планы Москвы XVII века.— М., 1898.

Беликов В. Изумрудный венец столицы.— Известия, 18 января 1983 г.

Благова Г. Ф. Топонимическое использование слов «сарай» и «орду/орда» (К вопросу о внедрении заимствования в топонимию).— В кн.: Диалекты и топонимия Поволжья, вып. 1.— Чебоксары, 1972.

Богатова Г. А. Орда.— Русская речь, 1970, № 1.

Богоявленский С. К. Московские слободы и сотни в XVII в. — «Московский край в его прошлом», вып. 6, ч. 2.— М., 1930.

Богоявленский С. К. Москва около середины XVII в.— В кн.: История Москвы, т. 1. Приложение. М., 1952.

Василевский А. Л. Некоторые вопросы ктематонимии.— В кн.: Этнография имен. М., 1971.

Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1971, № 8.

Векслер А. Г. Москва в Москве.— М., 1968.

Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии.— М., 1974.

Винокур Г. О. Культура языка.— Печать и революция, 1923, кн. 5.

Владимирова Н. О чем говорят имена.— Московская правда, 12 августа 1983 г.

В память о Ю. В. Андропове.— Правда, 10 апреля 1984 г.

Все Подмосковье. Географический словарь Московской области.— М., 1967.

Вступительная статья к плану г. Москвы XVII—XVIII вв. масштаба 1 : 16 800. 1885.

Голубцов И. А. Старинная топография и урочища Москвы до 1389 г.— В кн.: История Москвы, т. 1. Приложение. М., 1952.

Гольденберг П. И. Как росла Москва.— Строительство Москвы, 1936, № 18.

Гольденберг П. И. Планы старой Москвы.— Архитектура СССР, 1940, № 4.

Гольденберг П. И. Русские топографы — составители первого чертежа Москвы.— Проблемы градостроительства, 1952, № 3.
Гольденберг П. И. Старая Москва.— М., 1947.
Горбаневский М. В. В мире имен и названий.— М., 1983.
Горбаневский М. Город — всегда диалог.— Советская Россия, 17 июля 1983 г.
Горбаневский М. В. Происхождение географических названий.— М., 1983.
Горбаневский М., Смолицкая Г. Где эта улица...— Москва, 1981, № 10.
Горбаневский М., Смолицкая Г. Слово Москва: легенды, версии, гипотезы.— Знание — сила, 1980, № 11.
Города Подмосковья, кн. 1.— М., 1979.
Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья.— М., 1961.
Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1—4.— М., 1956.
Даньшин Б. М., Дмитрик С. С. Историко-гидрографические карты Москвы. 7 карт и объяснительная записка. Рукопись, 1940 (Фонды Моск. геол. управления).
Достойно нести славное имя.— Правда, 30 ноября 1982 г.
Дубынин А. Ф. Троицкое городище.— В кн.: Древнее поселение в Подмосковье. М., 1970.
Егоров Н. И. О планах Москвы.— Геодезия и картография, 1974, № 12.
Ерофеев И. А. Имя Ленина на карте Родины.— М., 1977.
Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии.— Минск, 1974.
Забелин И. Е. История города Москвы.— М., 1905.
Звегинцев Е. И. Слободы иностранцев в Москве XVII в.— Истор. журнал, 1944, № 2—3.
Здановский И. А. Каталог рек и озер Московской губернии.— М., 1926.
Иванов Н. Историческое описание Москвы, или Обозрение достопримечательностей, соборов, монастырей, церквей, дворцов, замечательных зданий, музеев, памятников и других мест.— М., 1872. Известия, 27 октября 1984 г.
Ильин М. Н. Москва. Художественные памятники города.— М., 1970. Имена истории.— Московская правда, 4 февраля 1984 г. Имена московских улиц. Изд. 2.— М., 1975; Изд. 3, 1979. История Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина за 100 лет. 1862—1962.— М., 1962.
История Москвы, т. 1. Период феодализма.— М., 1952.
Клепиков С. А. Библиография печатных планов г. Москвы XVI—XIX вв.— М., 1956.
Козяк Я., Полишенски И. Изображение городов СССР в иконографическом атласе «Civitates Orbis Terrarum».— В кн.: Русский город (проблемы градообразования), вып. 3. М., 1980.
Кондратьев И. К. Седая старина Москвы.— М., 1893.
Костомаров В. Улицы главного города.— Советская культура, 16 ноября 1982 г.
Коськов Б. И., Наливкин П. Н., Хренов Л. С. Развитие топографо-геодезических работ в Москве.— Геодезия и картография, 1979, № 3.
Кунецкая Л., Маштакова К. В Кремле жил и работал Ленин.— М., 1980.
Курлат Ф. Л., Соколовский Ю. Э. С путеводителем по Москве.— М., 1980.
Ламанский В. И. Сборник чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пскова XVII столетия. — Записки славяно-русск. отдел. Археологич. о-ва, 1861.
Лыткин В. И., Гуляев Е. И. Краткий этимологический словарь коми языка.— М., 1970.
Лыткин В. И., Теплящина Т. И. Пермские языки.— В кн.: Основы финно-угорского языкознания. М., 1976.
Максимов В. Улица 8 Марта.— Вечерняя Москва, 7 марта 1984 г.
Мартынов А. А. Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями. — М., 1878.

Матвеев А. К. Есть ли древнепермская топонимика в Заволочье.— Советское финно-угроведение, I, 1965, № 3.
Матвеев А. К. Из истории изучения субстратной топонимики русского Севера.— Вопросы топономастики. Свердловск, 1971, № 5.
Микротопонимия.— М., 1967.
Мікратапанімія Беларусі. Матэрыялы.— Мінск, 1974.
Миллер П. Н., Сытин П. В. Происхождение названий улиц, переулков, площадей Москвы.— М., 1938.
Мичурин И. Ф. План имп. столичного города Москвы. 1739.
Молева Н. М. Древняя быль новых кварталов.— М., 1982.
Монин А. С., Пишков Ю. А. История климата.— Л., 1979.
Москва. Схема городского транспорта.— М., 1979.
Москва. Энциклопедия.— М., 1980.
Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина, 1872—1972.— М., 1972.
Московский электромеханический завод имени Владимира Ильича.— М., 1970.
Мурзаев Э. М. География в названиях.— М., 1979.
Мячин И. К. Площади и улицы Москвы.— М., 1982.
Наша главная площадь.— М., 1966.
Нестерук Ф. Я. Водное строительство Москвы.— М., 1950.
Нестерук Ф. Я. Гидротехническое прошлое великого города (к 800-летию Москвы).— М., 1947.
Никольский Ф. Подмосковное село Фили-Покровское.— Истор. вестник, 1901, № 4.
Никонов В. А. Проблемы и ошибки.— В кн.: Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980.
Осетров Е. Мое открытие Москвы.— М., 1981.
Отин Е. С. Миус. Из исторической гидронимии Северного Приазовья. — В кн.: Питання ономастики Південноі України. Київ, 1974.
Откупщиков Ю. В. О происхождении слов «ремень» и «раменье».— В кн.: Вопросы общего языкознания. Л., 1965.
Очерки гидрогеологии и инженерной геологии Москвы и ее окрестностей.— М., 1947.
Паустовский К. Г. Повесть о жизни. Книга скитаний.— В кн.: *Паустовский К. Г.* Собрание сочинений в девяти томах, т. 5.— М., 1982.
Переписи московских дворов XVII столетия.— М., 1896.
Переписные книги города Москвы 1668—1676 гг.— М., 1886.
Песков О. В. и *др.* Память, высеченная в камне. Мемориальные доски Москвы.— М., 1978.
Петунников А. Н. Пути сообщения в г. Москве по высочайше утвержденному плану регулирования.— М., 1915.
План Москвы (картосхемы, указатель и справочные сведения).— М., 1968.
Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV—XIX веков.— М., 1955.
Подольская Н. В. Восточнославянские типовые исходные топоосновы.— В кн.: Имя нарицательное и собственное. М., 1978.
Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии.— М., 1978.
Подольская Н. В. Урбанонимия центральных областей РСФСР.— Вопросы географии, сб. 94. М., 1974.
По залам Центрального музея В. И. Ленина. Краткий путеводитель.— М., 1968.
Полное собрание русских летописей, т. 33.— Л., 1977.
Попов А. И. Топонимика древних мерянских и муромских областей.— В кн.: Географическая среда и географические названия. Л., 1974.
Поспелов Е. М. Картографическая топонимика в исторической картографии.— Вопросы географии, сб. 110. М., 1979.
Поспелов Е. М. Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии Севера.— Вопросы географии, сб. 81. М., 1970.

Поспелов Е. М. Топонимика и динамика городского ландшафта.— В кн.: Актуальные направления современной географии. М., 1976.
Поспелов Е. М. Урбанизация и топонимика.— В кн.: Теория и практика топонимических исследований. М., 1975.
Правила русской орфографии и пунктуации.— М., 1956.
Рашков Д. П., Иверонов И. А. Съемка и составление планов регулирования проездов г. Москвы.— М., 1906.
Рашков Д. П. Краткое описание предметов, выставленных Межевым ведомством.— М., 1882.
Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке.— М., 1978.
Романова Г. Я. О названии Китай-города в Москве.— В кн.: Учен. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, т. 148. Русский язык, вып. 10. М., 1964.
Рубан В. Г. Описание императорского столичного города Москвы...— СПб., 1782.
Селов В. В. Гидронимические пласты и археологические культуры Центра.— Вопросы географии, сб. 94. М., 1974.
Селищев А. М. Из старой и новой топонимии.— В кн.: *Селищев А. М.* Избранные труды. М., 1968.
Серебренников Б. А. Происхождение марийского народа по данным языка.— В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.
Скворцов Н. А. Археология и топография Москвы (курс лекций).— М., 1913.
Словарь иностранных слов.— М., 1979.
Словарь русских народных говоров.— Л., 1965.
Словарь русского языка XI—XVII вв.— М., 1975—1983.
Словник гідронімів України.— Київ, 1979.
Смирнова Е. Д. Реки и озера Московской области.— М., 1958.
Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер).— М., 1976.
Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. Топонимия Москвы.— М., 1982.
Снегирев В. Л. Московские слободы (очерки по истории московского посада XIV—XVIII вв.).— М., 1965.
Снегирев И. М. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города, ч. 1.— М., 1865.
Снегирев И. М. Московские урочища, древние и новые.— М., 1852.
Снегирев И. М. Памятники московской древности.— М., 1842—1845.
Старая Москва. Издание комиссии по изучению старой Москвы при Русском археологическом обществе, вып. 1.— М., 1912.
Суперанская А. В. Наименования и переименования в городах.— Вопросы географии, сб. 70. М., 1966.
Суперанская А. В. Общая теория имени собственного.— М., 1973.
Суперанская А. В. Применение метода лингвистической статистики к изучению топонимической системы г. Москвы.— В кн.: Лингвистическая терминология и прикладная топономастика. М., 1964.
Суперанская А. В. Структура имени собственного (фонология и морфология).— М., 1969.
Сытин П. В. Из истории московских улиц (очерки).— М., 1948.
Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы.— В кн.: Труды Музея истории и реконструкции Москвы, т. 2. М., 1954.
Сытин П. В. Откуда произошли названия улиц Москвы.— М., 1959.
Сытин П. В. Прошлое Москвы в названиях улиц. Изд. 2.— М., 1948.
Тепляшина Т. И. Типологическая эволюция структуры прафинно-угорского корня в пермских языках.— В кн.: Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам. М., 1978.
Тихомиров М. Н. Древняя Москва.— М., 1947.
Тиц А. А. Загадки древнерусского чертежа.— М., 1978.
Топоров В. Н. «Baltica» Подмосковья.— В кн.: Балто-славянский сборник. М., 1972.

Топоров В. Н. Древняя Москва в балтийской перспективе. В кн.: Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982.

«Траурный поезд В. И. Ленина». Павильон-музей. Путеводитель.— М., 1970.

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О передаче некоторых населенных пунктов Московской области в административное подчинение Московскому городскому Совету народных депутатов».— Московская правда, 21 марта 1984 г.

Указания по составлению планов городов при съемках Менде. ЦГАДА, ф. 1357, оп. 3, № 11.

Улицы Москвы. Справочник. — М., 1972, 1980, 1984.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. 1—4.— М., 1964—1973.

Федосюк Ю. Бульварное кольцо.— Русская речь, 1980, № 5.

Федосюк Ю. А. Красная Пресня.— Русская речь, 1980, № 6.

Федосюк Ю. А. Лучи от Кремля.— М., 1978.

Фотоинформация.— Вечерняя Москва, 10 августа 1982 г.

Хавский П. В. Указатель дорог от Кремля Московского к заставам и к границам Московского уезда. — М., 1939.

Хавский П. В. Об источниках истории Москвы, Московского университета.— М., 1852.

Хавский П. В. Древность Москвы, или Указатель источников ее топографии и истории. Изд. 2.— М., 1854.

Халиков А. Х. Об археологических основах этногенеза пермских финнов.— В кн.: Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар, 1979.

Хелемский Я. Слово о Москве.— Правда, 7 декабря 1979 г.

Царенко А. П., Федоров Е. А. Московский метрополитен имени В. И. Ленина. Справочник-путеводитель.— М., 1975.

Чаянов А. В. План Москвы XVII в.— М., 1920.

Чтения Общества истории и древностей российских.— М., 1874.

Шафран Е. У карты столицы.— Известия, 24 июня 1981 г.

Яшкін І. Я. Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія.— Мінск, 1971.

GEOGRAPHICAL
SOCIETY
OF THE U.S.S.R.
MOSCOW
BRANCH
SCIENTIFIC
PUBLICATIONS
FOUNDED
BY N. N. BARANSKY
IN 1946

PROBLEMS OF GEOGRAPHY

Volume 126

GEOGRAPHICAL DENOMINATIONS IN MOSCOW

MOSCOW «MYSL» 1985

Сборник посвящен проблеме формирования внутри Москвы системы географических названий — названий рек, урочищ и других физико-географических объектов, улиц, проспектов, площадей и т. п., остановочных пунктов внутригородского транспорта, различных учреждений, магазинов, мест питания и отдыха. Рассматриваются также источники для изучения внутригородских наименований — русские чертежи XVII в., более поздние карты и планы. Показано их важное идеологическое и патриотическое значение, познавательная и научная ценность как своеобразных памятников истории города и его культуры, нуждающихся в тщательном сбережении.

Содержащиеся в сборнике практические рекомендации найдут применение в работе по дальнейшему совершенствованию внутригородской топонимической системы. Сборник представляет интерес не только для географов, историков, языковедов, но также и для самых широких кругов читателей, интересующихся прошлым столицы нашей Родины.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТОПОНИМИИ МОСКВЫ (*Г. П. Смолицкая*)

Топонимия Москвы разноязычна по происхождению, разнопланова по хронологии, богата по принципам номинации и разнообразна по способам образования. Она складывалась в течение более чем 850 лет и в настоящее время насчитывает около четырех тысяч официальных названий улиц, проспектов, переулков, бульваров, рек, прудов и других внутригородских объектов. Эти названия являются своеобразными памятниками разных исторических периодов формирования и развития Москвы, Русского и Советского государства, разных периодов развития русского языка.

ИМЯ В. И. ЛЕНИНА НА КАРТЕ МОСКВЫ (*И. А. Ерофеев*)

Статья содержит краткую характеристику улиц, площадей, предприятий, учебных заведений и других объектов, названных в столице именем Ленина. Сведения о всех таких объектах впервые собраны воедино и излагаются в хронологической последовательности.

О ХОДЕ И ПРИНЦИПАХ НАИМЕНОВАНИЯ МОСКОВСКИХ УЛИЦ (*Ю. К. Ефремов*)

Статья содержит краткий обзор истории формирования имен московских улиц. Главное внимание обращено процессу намеренных их наименований и переименований. Охарактеризован этап массовой ликвидации одноименных названий, возникших в Москве в результате расширения ее границ в 1960 г., и применения при этом принципа группировки вновь присваиваемых названий по тематическим «кустам» и географически ориентированным направлениям.

Охарактеризованы деятельность комиссии исполкома Моссовета по наименованию улиц и принципы, которыми она руководствуется в своей деятельности при упорядочении сети, выборе новых и сохранении старых названий. Сказано об участии представителей Московского филиала Географического общества СССР в этой работе. Приведен перечень некоторых недостатков, продолжающих существовать в системе названий московских улиц, в их учете.

The work deals with the problem of creating a system of geographical names inside Moscow — the names of rivers, urotshistshes, and other physical-geographic objects, streets, avenues, squares, etc., names of urban transport stops, of different offices, stores, cafeterias and places of leisure. The sources for studying the intraurban names — Russian draughts of the 17th centuary, maps and plans of later dates are considered. The authors show their important ideological, patriotic importance, cognitive and scientific value as peculiar historic monuments of the city and its culture, that require careful preservation.

The practical recommendations of the works will be used for the further improvement of the system of intraurban toponymy. The book will be of interest not only for geographers, historians, linguists, but for a wide range of readers also interested in the history of the Capital of out Country.

HISTORY OF THE CREATION OF MOSCOW'S TOPONYMY (*G. P. Smolitskaya*)

The toponymy of Moscow is multilingual, multiplanned by origin, considering its chronology, rich according to the principles of nomination and diverse according to the ways of creation. It has been forming for over 850 years and at present consists of approximately 4 thousand official names of streets, avenues, lanes, boulevards, rivers, lakes and other intraurban objects. These names are peculiar monuments of different historic periods in the creation and development of Moscow, the Russian and Soviet State, different periods in the development of the Russian language.

LENIN'S NAME ON THE MAP OF MOSCOW (*I. A. Yerofeyev*)

In the article the author gives a brief characteristic of streets, squares, enterprises, educational establishments, etc., of the Capital named after Lenin. For the first time information concerning these objects is gathered and displayed in chronological order.

ON THE COURSE AND PRINCIPLES OF NAMING MOSCOW STREETS (*Yu. K. Yefremov*)

A brief overview of the history of naming Moscow streets is given in the article. Particular attention is paid to the process of deliberate naming and renaming. A stage of massive liquidation of analogous names that took place in 1960 due to the sprawl of the Moscow boarders and the implementation of the principle of grouping new names to thematic «nodes» and geographically oriented directions is characterised.

The activities of the executive committee of the Moscow Soviet concerning the naming of streets and principles that were followed to put in good order the network, choice of new, and preservation of old names, are characterised. The author speaks about the participation of representatives of the Moscow branch of the Geographical Society of the U.S.S.R. in the work. A list of certain shortcomings that still exist in the system of names of Moscow streets, in their registration, is given.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ТОПОНИМИИ МОСКВЫ (*Э. М. Мурзаев*)

Номинация географических объектов, при которой используются народные географические термины,— обычный прием. Не исключение и наименования городских объектов Москвы. В статье показано, как отразились русские и иноязычные термины в топонимии нашей столицы в ее прошлом и настоящем. Для этого отобрано более 50 нарицательных терминов (вал, орда, слобода, рамень и др.), получивших отражение в собственных именах (Валовая улица, Большая Ордынка, Новослободская улица, Раменки и др.).

Выяснилось, что в разрезе времени количество таких топонимов уменьшается. Многие старые слова теряют свою продуктивность и ныне практически не принимают участия в номинации вновь возникающих объектов.

ГИДРОНИМИЯ МОСКВЫ (*Р. А. Агеева*)

Дан обзор происхождения и смыслового значения названий московских рек, выполненный с учетом уже известных этимологий, а для некоторых названий предлагаются и новые объяснения. Отмечается необходимость уточнения славянского происхождения ряда гидронимов Москвы, а также дальнейшего исследования балтийского и финно-угорского гидронимических пластов.

НАЗВАНИЯ ОСТАНОВОЧНЫХ ПУНКТОВ НА ТРАНСПОРТНЫХ ЛИНИЯХ МОСКВЫ (*Т. П. Савченко*)

Рассмотрены основные принципы выбора названий остановочных пунктов на транспортных линиях Москвы. Сделана попытка классифицировать типы наименований и рассмотреть их как систему. Подчеркнута необходимость упорядочения названий остановочных пунктов, повышения их информативности и большей согласованности между собой.

«РЕКРЕАЦИОННО-ДЕЛОВЫЕ» НАЗВАНИЯ (*В. А. Скрозникова*)

Собственные наименования объектов культурно-бытовой сферы Москвы условно названы «рекреационно-деловыми». Это названия бассейнов, библиотек, кинотеатров, ресторанов, магазинов и т. д. Одна часть этих объектов предназначена для отдыха, развлечений, другая служит деловым целям, многие имеют двойное назначение.

С целью упорядочения «рекреационно-деловых» названий, а также для популяризации объектов культурно-бытовой сферы и повышения качества их рекламы целесообразно при присвоении названий пользоваться специально составленными списками. К участию в составлении этих списков наряду с общественностью столицы следует привлекать и лингвистов-топонимистов.

GEOGRAPHICAL TERMS IN THE TOPONYMY OF MOSCOW (*E. M. Murzayev*)

The nomination of geographical objects using popular geographical terms is a common method. The names of urban objects in Moscow are not an exception. The author shows how Russian and foreign terms are reflected in the toponymy of our Capital in its past and present. Over 50 common terms (bank, horde, suburb, etc.) that are reflected in proper names (Valovaya ulitsa, Bolshaya Ordynka, Novoslobodskaya ulitsa, Ramenki etc.) are chosen.

It was found that in time the number of such toponyms is reduced. Many of the old names lose their value and at present practically are not used in the nomination of new objects.

HYDRONYMY OF MOSCOW (*R. A. Ageeva*)

An overview is given of the origin and meaning of the names of a number of Moscow rivers, taking into consideration already known etymologies. New explanations are given for certain names (Bubna, Podon, Rachka, Khimka, Chermyanka, Yazvenka). This overview is the material for the coming etymological dictionary of Moscow hydronyms. The necessity of clarifying the Slavic origin of a number of Moscow hydronyms is mentioned and further investigations of the Baltic and Finn-Ugor hydronymic layers emphasized.

NAMES OF TRANSPORT STOPS IN MOSCOW (*T. P. Savchenko*)

The main principles in the choice of names of transport stops in Moscow are considered. An attempt is made to classify the types of names and to consider them as a system. The necessity of putting in good order the names of transport stops, raising their information load and mutual coordination is emphasized.

«RECREATION-BUSINESS» NAMES (*V. A. Skroznikova*)

The proper names of objects of tertiary activities in Moscow are conditionally called «recreation-business». These are the names of swimming-pools, libraries, cinemas, museums, restaurants, groceries, department stores, etc. A part of these objects are meant for leisure, the other — for business, many of them are for dual purposes.

In order to improve the «recreation-business» names and to popularize the objects of the tertiary activities and raise the quality of advertisement it is expedient to use a specially compiled list of names. Alongside with the community linguists-toponymists should be invited to participate in the work with the list of names.

ФИННО-УГОРСКАЯ ГИПОТЕЗА ТОПОНИМА МОСКВА (*А. П. Афанасьев*)

Археологические данные и этническая история населения Волго-Окского междуречья позволяют считать, что происхождение топонима Москва наиболее вероятно из языка древних финно-угров. Первый элемент названия Москва — *моск-*, часто встречающийся в гидронимах северо-востока Европы и Поволжья, в древних пермских языках (входивших в состав финно-угорской языковой общности) означал «ключ, источник» и, возможно, «исток, приток».

Смысловое значение второго компонента (*-ва*) в названии Москва сохранилось в современных пермских языках: коми, коми-перм. *ва* — «вода, река». Топоним Москва интерпретируется с помощью прапермской лексики как «приток реки» или «река с притоком». Затронуты также причины разрыва московского и уральского гидронимических ареалов на *-ва*, балтийские форманты *-ва*, *-ава* и вопрос о прародине древних пермян.

КОНСЕРВАЦИЯ ДРЕВНИХ НАЗВАНИЙ УРОЧИЩ МОСКВЫ В ИМЕНОВАНИЯХ ДРУГИХ ОБЪЕКТОВ (***Н. В. Подольская***)

Одним из многочисленных объектов средневековой Москвы были церкви и монастыри, вокруг которых нередко локализовалась общественная и торговая жизнь города. Для именования многих московских церквей была характерна модель типа: «церковь Николы, что в Дербени», которая включала название урочища.

Эти двухкомпонентные названия церквей весьма часто становились основами названий тех улиц и переулков, на которых они стояли. Сами названия урочищ дают нам дополнительные сведения о рельефе, почвах, источниках воды, о лугах, полях, лесах, росчистях, садах и огородах, бывших на территории города, с точной их локализацией.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ТОПОНИМИИ МОСКВЫ (*М. Н. Морозова*)

Прилагательные широко используются для образования названий внутригородских объектов Москвы. Это обусловлено их топонимичностью, т. е. способностью к идентификации объектов, экономичностью (они в основном однословны) и гибкостью морфологической структуры, легко согласующейся с номенклатурным термином, определяющим характер объекта. Употребительность топонимов-прилагательных в названиях различных категорий объектов неодинакова и колеблется в пределах от 100% (названия вокзалов, мостов) до 4—2% (названия кинотеатров, магазинов); среди названий улиц прилагательные составляют 44%. Топонимы-прилагательные выполняют и ряд второстепенных функций: служат в ряде случаев пространственными ориентирами, выражают временные отношения, образуют названия-посвящения. Таким образом, с помощью топонимов-прилагательных язык наилучшим образом удовлетворяет потребность общества в присвоении названий все новым и новым объектам, возникающим по мере роста города.

THE FINN-UGOR HYPOTHESIS OF THE MOSCOW TOPONYM (*A. P. Afanasyev*)

Archaeological findings and ethinc history of the population of the Volga — Oka interstream area allow us to consider that the origin of the toponym Moskva comes most probably from the ancient Finn-Ugor language. The first element of the name Moskva — *mosk-* is common in the hydronyms of the North-East of Europe and the Volga region that meant the words «spring, source», and probably «tributary» in the ancient Perm languages — a part of the Finn-Ugor linguistic community.

The meaning of the second component (*-va*) in the name Moskva has been preserved in contemporary Perm languages: Komi, Komi-Perm. Va — «water, river». With the help of the ancient Perm vocabulary the toponym Moskva is interpreted as «the tributary of the river» or as «the river with a tributary» (an alternative — Moskava). The causes of the break of the Moscow and Urals hydronymic areas into *-va*, the Baltic formants *-va*, *-ava* and the question of the homeland of ancient Permians are considered.

CONSERVATION OF ANCIENT NAMES OF UROTSHISTSHES OF MOSCOW IN THE NAMES OF OTHER OBJECTS (*N. V. Podolskaya*)

Churches and monestaries were the most numerous objects of medieval Moscow encircled by the busy commercial and civil life of the city. The names of many Moscow churches included the following characteristic model: «Nikola church in Derbeni» that bore the name of the urotshistshe. These dual-component names of the churches very often served as the bases for the name of streets and lanes where they were situated. The names of the urotshistshes provide us with additional information about the relief, soils, sources of water, the meadows, fields, woods, glades, parks and kitchen-gardens that once were on the territory of the city with their exact location.

ADJECTIVES IN MOSCOW'S TOPONYMY (*M. N. Morozova*)

Adjectives are widely used in the creation of names of intraurban objects in Moscow. This is conditioned by their toponymity, i. e., ability to identify objects, economy (they are mainly monosyllabic) and flexibility of their morphologic structure that easily agress with the nomenclature term which determines the character of the object. The frequency of toponum — adjectives in objects of different categories is unequal and varies from 100% (in the names of railway stations, bridges) to 4—2% (cinemas, stores); in the names of streets adjectives comprise 44%. Toponym — adjectives bear a number of secondary functions: they serve in a number of cases as spatial reference — points, reflect time dimensions, form names-dedications. Thus, with the help of toponym — adjectives the language meets in the most favourable way the demand of the society to name more new objects that come into being along with the growth of the city.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТОПОНИМИИ МОСКВЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (*М. В. Горбаневский*)

На большом количестве конкретных примеров рассматриваются некоторые наиболее характерные особенности топонимии Москвы послереволюционного периода: официально регламентируемый процесс присвоения названий, большое количество переименований, развитие топонимии Москвы на основе традиционных для русской городской топонимии лексико-семантических и словообразовательных моделей, увеличение числа названий улиц и т. п. за счет наименований бывших подмосковных сел, деревень, городов, вошедших в черту столицы, образование большого числа меморативных названий, развитие «кустового» принципа образования наименований улиц, переулков, тенденция к развитию информативности названий, частое использование порядковых числительных в качестве компонентов многочленных наименований. Делаются предложения по улучшению работы в области наименования и переименования улиц Москвы. Развивается идея создания Красной книги названий — охранительного списка ценных московских топонимов.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ МОСКВЫ В ЗЕРКАЛЕ ТОПОНИМИКИ (*Е. М. Поспелов*)

Для изучения исторической географии Москвы наряду с традиционными письменными и картографическими источниками продуктивным оказывается использование и топонимических данных, в первую очередь названий улиц, площадей, переулков и т. п.

Привлечение топонимического материала полезно для реконструкции территориального роста города, экономических связей, былого сельского расселения в окрестностях Москвы, былых естественных и антропогенных ландшафтов, локализации ремесленных слобод и установления их специализации. В последнем случае топонимика позволяет критически осмыслить некоторые традиционно бытующие объяснения названий, переходящие из одного популярного издания в другое. То обстоятельство, что уже почти 200 лет названия улиц Москвы образуются официальным путем, иногда без учета народной традиции, требует особенной осторожности при применении топонимического метода для историко-географических реконструкций.

ТОПОНИМИЯ МОСКВЫ НА РУССКИХ ЧЕРТЕЖАХ XVII В. (*В. С. Кусов*)

Русские географические чертежи допетровской эпохи несут большую топонимическую информацию. На этих чертежах рядом с картографическим значком иногда нанесено не просто географическое название, а небольшой «топонимический» рассказ.

На территорию Москвы в границах Земляного города, т. е. современного Садового кольца, выявлено несколько десятков русских географических чертежей, которые покрывают примерно 13% площади Кремля, Китай-города, Белого города, Земляного города и содержат более 100 топонимов, относящихся к различным объектам.

MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE TOPONYMY OF MOSCOW DURING THE SOVIET PERIOD *(M. B. Gorbanevsky)*

Certain most characteristic features of the Moscow toponymy in the post-revolutionary period are considered on numerous concrete examples: officially regulated process of giving names, a great number of renaming, development of the toponymy of Moscow on the basis of the traditional for the Russian urban toponymy lexical-semantic and word-building models, growth of the number of names of streets, etc., using the names of former suburban villages, and towns that were included within the limits of the Capital, formation of a large number of memorial names, development of the nodal principle in creating the names of streets, lanes; trends to raise the information load of names, frequent use of ordinal numerals as components of polynomial names. Proposals are given to improve the work in the field of naming and renaming the streets in Moscow. The idea of issuing the Red Book of names — the safeguarding list of valuable Moscow toponyms is set forth.

HISTORICAL GEOGRAPHY OF MOSCOW IN THE MIRROR OF TOPONYMY *(E. M. Pospelov)*

Alongside with traditional written and cartographic sources, the use of toponymic information, primarily — the names of streets, squares, lanes, etc., may be valuable in the inveatigation of the historical geography of Moscow.

The use of toponymic data is useful to reconstruct the urban sprawl, the growth of economic ties, the former rural settlements around Moscow, former natural and anthropogenic landscapes, location of handicraft suburbs and identification of their specialization. In the latter case toponymy allows to comprehend critically certain traditionally used explanations that roam from one popular issue into another. The fact that for almost 200 years streets in Moscow are named officially, sometimes without taking into consideration national traditions, requires special care in applying the method of toponymy for historical-geographical reconstructions.

TOPONYMY OF MOSCOW IN RUSSIAN DRAUGHTS OF THE 17th SENTURY *(V. S. Kusov)*

Russian geographical draughts of the pre-Peter epoch bear a considerable amount of toponymic information. Alongside with cartographic symbols on these draughts not only a geographical name is written sometimes, but also a small «toponymic» story.

On the territory of Moscow, within the limits of the Earthen city, i. e., the contemporary Garden ring, several dozen Russian geographical draughts were found that cover approximately 13% of the territory of the Kremlin, Kitai-gorod, Belyi gorod, and the Earthern city, containing more than a 100 toponyms of different objects.

СТАРИННЫЕ ПЛАНЫ МОСКВЫ И ИХ ТОПОНИМИЯ (*Е. Б. Мельникова, А. В. Постников*)

Старинные карты и планы — ценнейшие источники для историко-географических, и в частности топонимических, исследований. Исследование истории Москвы, ее топонимии и планировки неразрывно связано с историей картографирования города. В московских архивах сохранилось достаточно большое количество годных для этих исследований планов.

Рассмотрена история картографирования города, начиная с самых ранних планов начала XVI столетия. Особое внимание уделено первому геодезическому плану, составленному «под смотрением» Ивана Мичурина в 1739 г. На нем географические названия обозначены специальными условными знаками, впоследствии в практике картографии не применявшимися. Также рассмотрены планы 1767, 1775, 1790 гг. и многочисленные планы XIX в. Планы XX в., и в частности изданные после Великой Октябрьской социалистической революции, в рамках данной статьи не рассматриваются. Наряду с обзором истории картографирования города показаны причины изменения написания названий улиц и гидрографии на планах Москвы.

ТИПОЛОГИЯ ИМЕНОВАНИЯ ВНУТРИГОРОДСКИХ ОБЪЕКТОВ МОСКВЫ (*А. В. Суперанская*)

В статье показаны названия внутригородских объектов на фоне городской географии, политической, экономической и культурной жизни горожан. Прослеживается связь названий улиц с наименованиями слобод, придорожных учреждений, пригородных поселений, обозначениями ремесел, оборонительных сооружений, отдельных строений и т. п. Подчеркнута важность сознательного элемента в номинации. Проводится некоторое разграничение собственно топонимов вне города и внутри его.

НАЗВАНИЯ УЛИЦ МОСКВЫ (*Г. П. Бондарук*)

В периодической печати, справочной литературе, на уличных табличках наблюдается большой разнобой в написании названий московских улиц. Это касается порядка употребления родовых терминов в составе названий (улица Гришина и Козлова улица различны по происхождению), званий и других слов, предшествующих фамилии (улица Академика Обручева, а не улица Обручева Академика).

Особенно велик разнобой в употреблении прописной (заглавной) буквы, в слитном и дефисном написании сложных названий. Устранение существующего разнобоя требует последовательного соблюдения Правил русской орфографии, причем в ряде случаев необходимо обращение к топонимике, к истории возникновения и развития названий.

OLD PLANS OF MOSCOW AND THEIR TOPONYMY (*E. B. Melnikova, A. V. Postnikov*)

Old maps and plans are the most valuable sources for historical-geographic, particularly toponymic studies. The study of the history of Moscow, ist toponymy and planning is integrally linked with the history of cartographing the city. In the archives of Moscow there is a sufficiently large number of plans that could be used for such studies.

We considered the history of cartographing the city beginning with the earliest plans of the 16th century. Alongside the plans of the 1767, 1775, 1790 years and numerous plans of the 19th century were considered. The plans of the 20th century, particularly those, published after the Great October Socialist Revolution are not analyzed in this paper. Alongside with an overview of the history of cartographing the city the main reasons for shanging the names of streets and the hydrography in the plans of Moscow are given.

TYPOLOGY IN NAMING INTRAURBAN OBJECTS IN MOSCOW (*A. V. Superanskaya*)

The names in the paper are shown with the urban geography, the political, economic and cultural life of the citizens in the background. Links are shown of the names of the streets and names of suburbs, with establishments along the roads, suburban settlements, the trades, defensive works, separate buildings, etc. The importance of a conscious element in nominating is emphasized. A certain division between the intraurban toponyms and those beyond.

NAMES OF MOSCOW STREETS (*G. P. Bondaruk*)

In the press, reference books, street plates there is a big lack of coordination in writing the names of Moscow streets. This concerns the order of using specific terms in the composition of the names (ulitsa Grishina and Kozlova ulitsa — are of different origin), titles and other words that go before surnames (ulitsa Akademika Obrucheva and not uiltsa Obrucheva Akademika).

The lack of coordination is particularly great in the use of the capital letter together, or with a hyphen in writing complex names. The elimination of the lack of coordination requires to keep to the Rules of Russian orthography, and in a number of cases it is necessary to apply to toponymics, to the history of the origin and development of the names.

О ПРОИЗНОШЕНИИ НАЗВАНИЙ МОСКОВСКИХ УЛИЦ (*Ф. Л. Агеенко*)

Статья написана по материалам вышедшего в свет в 1980 г. 2-го издания словаря-справочника Ф. Л. Агеенко «Ударения в названиях улиц Москвы и в географических названиях Московской области». Справочник издан Главной редакцией писем и социологических исследований Госкомитета СССР по телевидению и радиовещанию.

Справочник может быть полезным пособием не только для работников Гостелерадио, но и для лиц самых разных профессий, которые интересуются вопросами нормативного произношения названий московских улиц.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ О ТОПОНИМИИ МОСКВЫ (*Т. П. Соколова*)

Интерес к географическим названиям Москвы возник давно, и в появившемся более двухсот лет назад первом путеводителе по Москве, изданном В. Г. Рубаном, уже содержались сведения о происхождении некоторых московских топонимов.

Среди дореволюционных работ следует отметить изыскания И. М. Снегирева, положившего начало научному изучению топонимии Москвы, и А. А. Мартынова, впервые издавшего в 1878 г. список названий московских улиц и переулков с историческими объяснениями. В послереволюционный период большую работу по изучению московских наименований проделал П. В. Сытин. Его исследования опираются на документальные источники, отражают особенности застройки города, историю наименования и переименования улиц, переулков, площадей. Продолжая изыскания П. В. Сытина, авторы справочника «Имена московских улиц», издающегося с 1972 г., проделали огромную работу по проверке названий и их этимологии, выявили принципы номинации, которые сложились в течение длительного времени становления Москвы, включили в свою книгу все названия улиц в пределах Московской кольцевой автомобильной дороги.

В 1982 г. вышла первая книга, специально посвященная географическим названиям столицы,— «Топонимия Москвы» Г. П. Смолицкой и М. В. Горбаневского. Это обобщение изысканий многих исследователей о московских именах, здесь и традиционные толкования, новые гипотезы и догадки.

ON THE PRONUNCIATION OF THE NAMES OF MOSCOW STREETS (*F. L. Ageyenko*)

The work is written on the basis of the 2nd edition of the reference-dictionary of F. L. Ageyenko «Stresses in the Names of Moscow Streets and Geographical Names of the Moscow Area», published in 1980. The reference-book was published by the General editorial board for letters and sociological studies of the U. S. S. R. State Committee on Television and Radio.

The reference-book may be a useful manual not only for those working at the TV and Radio, but for different professionals who are interested in questions of normative pronunciation in the names of Moscow streets.

OVERVIEW OF WORKS DEALING WITH MOSCOW TOPONYMY (*T. P. Sokolova*)

The interest in geographical names in Moscow arose long ago. And in the first guide to Moscow, published by V. G. Ruban over 200 years ago there already was information concerning the origination of some of the Moscow toponyms.

Among the works of the pre-revolutionary period, the studies of I. M. Snegiryov must be mentioned that laid the foundation for scientific investigations of Moscow toponymy, and A. A. Martynov who for the first time in 1878 published the list of names of Moscow streets and lanes with historical explanations. A voluminous work was undertaken by P. V. Sytin investigating the Moscow names in the post-revolutionary period. His studies are based on documents, reflect the peculiarities of the construction of the city, the history of naming and renaming streets, lanes, squares. Continuing the studies of P. V. Sytin, the authors of the reference-book «Names of Moscow Streets» that is being published since 1972 undertook a considerable work checking the names and their etymology, revealed the principles of nomination, that had formed during the long period of the formation of Moscow, included into the book all of the names of the streets within the limits of the circular automobile road.

A first book dealing especially with geographical names in the Capital «Moscow Toponymy» written by G. P. Smolitskaya and M. V. Gorbanevsky was published in 1982. Here is a generalization of the works of numerous scientists concerning Moscow names, with traditional explanations and new hypotheses and conjectures.

ЮБИЛЕЙ МОСКОВСКОЙ ТОПОНИМИКИ (*Е. М. Поспелов*)

Топонимическая комиссия Московского филиала Географического общества СССР образована 25 лет назад — в 1959 г. Ее создание было обусловлено значительным развитием топонимических исследований, достигнутым к этому времени, и отсутствием единого центра, объединяющего географов, историков, лингвистов, занимающихся топонимикой в различных организациях Москвы. На первом этапе существования комиссии основное внимание уделялось борьбе с дилетантством, разработке теоретических основ топонимики, внедрению комплексного подхода к изучению топонимических явлений. Нахождение комиссии в составе Московского филиала Географического общества СССР определило две важнейшие особенности ее деятельности: 1) всемерная «географизация» топонимики, подчинение ее интересам географии и 2) особое внимание изучению топонимии центральных областей, входящих в зону МФГО, и в частности Московской области и собственно Москвы. Наряду с этим ставились и многочисленные доклады общетеоретической тематики и посвященные региональной топонимии Советского Союза и зарубежных стран. За 25 лет деятельности комиссии проведено свыше 200 заседаний, 13 научных тематических совещаний и конференций, 18 студенческих топонимических конференций, опубликовано 36 книг и брошюр общим объемом 235 печатных листов.

ANNIVERSARY OF MOSCOW TOPONYMICS *(E. M. Pospelov)*

The Toponymics Committee of the Moscow branch of the Geographical Society of the U.S.S.R. was formed 25 years ago — in 1959. Its creation was conditioned by the considerable development of toponymic studies achieved at that time and a lack of a united centre that could coordinate geographers, historians, linguists dealing with toponymics in different organizations in Moscow. During its first years the committee paid principal attention to the struggle against dilettantism, the elaboration of theoretical bases of toponymics, the introduction of a comprehensive approach to the investigation of toponymic phenomena. Being attached to the Moscow branch of the Geographical Society of the U.S.S.R. the activities of the committee were set along two most important lines: 1) all and every kind of «geographization» of toponymics, subordinating it to the interests of geography, and 2) particular attention must be paid to the study of toponymy of central regions, covered by the Moscow branch and, in particular the Moscow region and Moscow. Alongside with this numerous papers were delivered concerning general theoretical topics and regional toponymics of the Soviet Union and foreign countries. Over 200 meetings, 13 scientific debates and conferences, 18 student's toponymic conferences were held, 36 books and pamphlets published with a volume of 235 printers sheets during the 25 years.

